

ГРАЖДАНИН ВЫБОРЫ ВЛАСТЬ

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

№ 3
2017

ИЮЛЬ-СЕНТЯБРЬ

МОСКВА

Редакционная коллегия:

ЭБЗЕЕВ Б.С., заслуженный юрист РФ,
заслуженный деятель науки РФ, доктор
юридических наук, профессор (председатель)

ВЕДЕНЕЕВ Ю.А., заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор
(заместитель председателя)

БОРИСОВ И.Б., кандидат юридических наук

ВЕЛИЧКО А.М., доктор юридических наук

ГАСАНОВ И.Б., кандидат политических наук

ДАННЕНБЕРГ А.Н., доктор философских наук,
кандидат исторических наук, доцент

ЕЖОВ Д.А., кандидат политических наук, доцент

КАБЫШЕВ С.В., заслуженный юрист РФ,
кандидат юридических наук, доцент

КОМАРОВА В.В., доктор юридических наук,
профессор

ОСАВЕЛЮК А.М., доктор юридических наук,
профессор

ПЕТРИЦЕВ В.Н., кандидат политических наук

ПОСТНИКОВ А.Е., доктор юридических наук,
профессор

СМИРНОВ В.В., заслуженный юрист РФ,
кандидат юридических наук, доцент

ЧЕРНЫШОВ А.Г., доктор политических наук,
профессор

Главный редактор
Гасанов И.Б.

Ответственный секретарь
Ежов Д.А.

Журнал выходит 4 раза в год.

Свидетельство:
ПИ № ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Учредитель:

Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации

Издатель:

Российский центр обучения избирательным технологиям
при Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации

Адрес редакции:

101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 47
Тел.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru

© Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации, 2017

CITIZEN ELECTIONS AUTHORITY

SCIENTIFIC AND ANALYTICAL
JOURNAL

№ 3
2017

JULY-SEPTEMBER

MOSCOW

EDITORIAL BOARD

B.S. EBZEEV, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (Chairman)

Y.A. VEDENEEV, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (Deputy Chairman)

I.B. BORISOV, Candidate of Law

A.M. VELICHKO, Doctor of Law

I.B. GASANOV, Candidate of Political Sciences

A.N. DANNENBERG, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor

D.A. EZHOV, Candidate of Political Sciences, Assistant Professor

S.V. KABYSHEV, Honored Lawyer of the Russian Federation, Candidate of Law, Assistant Professor

V.V. KOMAROVA, Doctor of Law, Professor

A.M. OSAVELYUK, Doctor of Law, Professor

V.N. PETRISHCHEV, Candidate of Political Sciences

A.E. POSTNIKOV, Doctor of Law, Professor

V.V. SMIRNOV, Honored Lawyer of the Russian Federation, Candidate of Law, Assistant Professor

A.G. CHERNYSHOV, Doctor of Political Sciences, Professor

EDITOR-IN-CHIEF

I.B. Gasanov

EXECUTIVE SECRETARY

D.A. Ezhov

Published 4 times per year.

Certificate:

III No. ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Founder:

Central Election Commission of the Russian Federation

Publisher:

Russian Centre for Training in Election Technologies under
Central Election Commission of the Russian Federation

Editorial Office:

Myasnitskaya ulitsa, 47, 101000, Moscow

Tel.: (495) 606-84-16

E-mail: gvv@rcoit.ru

© Central Election Commission of the Russian Federation,
2017

- Теория права**
- 5 **Б.С. Эбзеев**
Конституционный правопорядок и основные обязанности: историческое развитие, юридическая природа и особенности нормирования
- Актуальная трибуна**
- 30 **В.И. Карасев**
Социальная трансформация: некоторые аспекты методологии исследования электоральной демократии
- Избирательная практика: проблемы и перспективы**
- 69 **Д.А. Реут**
О некоторых вопросах правового статуса избирательных комиссий
- 81 **А.В. Гранатович**
К вопросу о реализации избирательных прав военнослужащих
- Парадигмы развития**
- 91 **П.Я. Фельдман**
Динамика электоральной поддержки лейбористских партий в западных странах
- 102 **О.В. Дамаскин**
Современные проблемы международного права и международной юрисдикции как факторы международной и национальной безопасности
- Поиски и исследования**
- 115 **П.Л. Попов, В.Г. Сараев, А.А. Черенев**
Итоги выборов–2016: проблема связи с уровнем развития и социального благополучия регионов
- 126 **Л.Х. Дзахова, З.Ю. Гусов**
Гражданское общество: методологические модели научного исследования
- Электоральные технологии**
- 142 **А.В. Манойло**
«Цветные» революции как «отмычка для демократии»
- Ракурс**
- 155 **Ю.Б. Бочаров**
Выборы в российские органы власти за пределами территории Российской Федерации: специфика проведения и проблемы в организации
- Наша история**
- 169 **И.Б. Гасанов**
Революция – ценою в жизни и длиною в судьбы (1917 – н/в)
- 203 Сведения об авторах

	Theory of Law
5	B.S. Ebzeev Constitutional Order and Key Responsibilities: Historical Evolution, Legal Nature and Specifics of Regulation
	Actual Tribune
30	V.I. Karasev Social Transformation: Some Aspects of the Methodology of the Study of Electoral Democracy
	Electoral Practice: Problems and Prospects
69	D.A. Reut About Some Questions of the Legal Status of Election Commissions
81	A.V. Granatovich To a Question of Implementation of Electoral Rights of the Military Personnel
	Paradigms of Development
91	P.Y. Feldman The Dynamics of Electoral Support for Labour Parties In Western Countries
102	O.V. Damaskin Contemporary Issues of International Law and International Jurisdiction as Factors of International and National Security
	Researches and Studies
115	V.L. Popov, V.G. Saraev, A.A. Tcherenev The Results of the Elections in 2016: Communication Problem with the Level of Development and Social Well-being of the Regions
126	L.K. Dzakhova, Z.Y. Gusov Civil Society as a Resource of Russia's Innovative Development: a Methodological Model of Scientific Research
	Electoral Technologies
142	A.V. Manoylo «Color» Revolutions as a «Key to Democracy»
	Position
155	Y.B. Bocharov Elections to the Russian Authorities outside the Territory of the Russian Federation: specificity of Behavior and Problems in the Organization
	Our History
169	I.B. Gasanov Revolution across the Lives and the Fates (1917 – Present Time)
203	Our authors

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРАВОПОРЯДОК И ОСНОВНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ: ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ, ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И ОСОБЕННОСТИ НОРМИРОВАНИЯ (I)

***Аннотация.** В данной части статьи рассматривается историческое развитие основных обязанностей. На этом фоне выявляется значение естественного права в становлении обязанностей человека и раскрывается их соотношение с обязанностями гражданина. Особое внимание уделено идейным истокам и развитию основных обязанностей в России.*

***Ключевые слова:** личность и общество, конституционный правовой порядок, обязанности человека и гражданина.*

CONSTITUTIONAL ORDER AND KEY RESPONSIBILITIES: HISTORICAL EVOLUTION, LEGAL NATURE AND SPECIFICS OF REGULATION (I)

***Abstract.** This part of the article discusses the historical development of primary duties. Against this background, the role of natural law in formation of human responsibilities, and explained their relation to the duties of the citizen. Special attention is given to the ideological origins and development of the main duties in Russia.*

***Keywords:** individual and society, constitutional law, the duties of man and citizen.*

В науке об обществе нет более важной теоретической проблемы, чем адекватное, соответствующее историческим обстоятельствам, установление соотношения между индивидуальным и коллективным началами организации социума и диктуемыми этим соотношением формами их взаимодействия. Однако нетрудно заметить характерное для отечественного

государствования стремление в проблеме взаимоотношений общества и личности сконцентрировать внимание на отдельном индивидуе. Причем такое стремление часто сопровождается однобокой акцентировкой на свободе, между тем как ответственность личности за общество и перед обществом во многом остается в тени.

Личность творит свое существование не изолированно от общественной среды, а в конкретных исторических условиях, системе экономических отношений, социальных, политических и юридических институтов, которые детерминируют ее поведение и гарантируют обществу и государству от злоупотреблений интересами большинства либо возлагают на личность те или иные тяготы во имя общего блага. В юриспруденции речь идет о том, что обязанности есть объективно необходимое и закономерное свойство всякой государственной организации общества; они имманентны человеку, живущему в сообществе других людей и подчиненных определенному правопорядку, и сами являются неотъемлемым элементом этого порядка. Без обязанностей и ответственности личности, коррелирующих ее свободе и правам, немислима социальная солидарность как баланс интересов как во взаимоотношениях самих сочленов общества и их объединений, так и в их взаимоотношениях с государством.

Проблема обязанностей может рассматриваться и развиваться в различных ее аспектах, в том числе философском, социальном и политическом, нравственном, психологическом, юридическом и др. Подобно многоплановости самих обязанностей многоплановы и с учетом целей исследования оправданы различные подходы к их изучению. При том, однако, что вне контекста, связывающего факты современности с фактами прошлого, сама эта современность не может быть правильно понята и оценена.

Даже краткий исторический экскурс в прошлое конституционных идей и конституционной практики свидетельствует, что правам человека посвящена обширная литература. О них не перестают спорить, вкладывая в это понятие различное содержание и по-своему истолковывая конституционные акты как теперь уже давней истории, так и наших дней. Что же касается обязанностей человека и их соотношения с обязанностями гражданина – даже постановка такого вопроса многим представляется нонсенсом, зачастую объявляется неуместной, поскольку не имеет под собой ни теоретических (в доктрине естественного права), ни практически-юридических (в конституциях и законодательных актах прошлого) оснований.

Так, видный венгерский ученый-юрист эпохи социализма академик И. Сабо, рассматривая возникновение и развитие проблемы обязанностей, писал, что в прошлом, включая период победы демократических революций в Европе, «разговоры об обязанностях наряду с правами не имели ни значения, ни отклика». Более того, по его мнению, «в литературе по

естественному праву никогда не затрагивался вопрос об обязанностях человека; такого понятия просто не знали»¹.

Спустя много лет, государствоведение продолжает со скепсисом относиться к данной проблеме. Как пишет Х. Хофман, возможно вступая в определенное противоречие с германской правовой традицией, основные обязанности не коренятся в надгосударственной природе человека, но вытекают из обязанности граждан быть преданными государству². При этом автор данного утверждения иллюстрирует свою позицию ссылкой на воинскую обязанность и заменяющую ее гражданскую службу и на исполнение обязанностей почетных должностей на коммунальной службе, которые действительно не затрагивают каких-либо естественно-правовых принципов.

Словом, «человек» без остатка растворяется в «гражданине». Именно в таком ключе высказывается А. П. Панов, полагающий, что «гипотеза о существовании «естественных обязанностей» человека не находит своего подтверждения, ибо такие обязанности не отвечают критериям врожденности (наличия у индивида от рождения) и объективности (существования вне воли и сознания людей, вне признания или непризнания их индивидом, обществом, государством)»³.

Тем самым три поколения юристов, различных по своим идейным установкам и выросших в различных правовых порядках, с завидным упорством повторяют давнее заблуждение критиков естественного права в части, касающейся обязанностей человека и гражданина, не замечая при этом, что естественное право столь же исторически обусловлено и подвержено эволюции сообразно потребностям общественного развития и способу их удовлетворения, как и всякая новая идея о государстве и праве. Тем более, что такие идеи достаточно редки, а их зародыши можно отыскать в учениях о государстве и праве, сложившихся в древности.

Другой вопрос, насколько подобное разграничение, имевшее существенное значение в прошлом, сохраняет свою актуальность в реалиях современной демократии, верховенства права и прав человека? Как представляется, речь идет не «просто» об освоении категориального аппарата Конституции России, знающей категорию обязанностей человека, и выявлении соотношения различных категорий как структурных компонентов статуса личности и механизма ее взаимодействия с обществом, что важно само по себе. Такое разграничение имеет значение для выявления самой природы основных обязанностей, установления «объективного» и «субъективного» в закрепляемых Основным законом обязанностях,

¹ Сабо И. Идеологическая борьба и права человека. М., 1981. С. 128.

² См.: Государственное право Германии. М., 1994. Т. 2. С. 207.

³ Панов А. П. Естественные обязанности человека: миф или реальность? // Известия СГУ, серия «Экономика, управление, право». Т. 12. Вып. 1. С. 123. Также см.: Панов А. П. Система обязанностей граждан Российской Федерации. Саратов, 2012.

а также их пределов и особенностей регулирования законодателем способов реализации.

Немаловажно и то, что нормирование обязанностей осуществляется не только Конституцией, но и парламентом, обладающим значительно большей дискрецией и значительно более подверженным политическим влияниям; как раз в связи с этим осмысление источников основных обязанностей в предлагаемом контексте актуально с точки зрения определения пределов усмотрения парламента и правительства и формирования гарантий личности и общества от злоупотреблений законодательными или исполнительными полномочиями.

* * *

Истоки обязанностей человека, как и корни самой естественно-правовой доктрины, можно отыскивать на самых ранних этапах социальной организации человечества; обязанности были и есть атрибутивное качество всякого индивида, получившее обоснование уже в социально-политической мысли древности и актах далекого прошлого. Ученик Сократа (469–399 до н.э.) Платон (428/427–348/347 до н.э.), в свою очередь бывший учителем гениального Аристотеля (384–322 до н.э.), двадцать три века назад учили, что человек может реализоваться лишь как член общества, которое они мыслили как современный им полис. Отсюда – представления не только о правах личности, притом, что ими вполне оправдывалось рабство как порожденное самой природой, но и ее обязанностях по отношению к полису.

Уже в этот исторический период пришло понимание, что свобода не создается, а признается. Но такое признание означает и согласие с наличием границ признаваемой свободы, выражающихся в запретах, ограничениях или прямых обременениях. Разумеется, эти обременения еще не обязанности «человека вообще», это обязанности человека данного сообщества. Как раз об этих обязанностях – нравственных и гражданских, которые связывают граждан с Римом, спустя два столетия писал выдающийся римский оратор, политический деятель и писатель, близкий к идее естественного права Цицерон (106–43 до н.э.). В философских трудах («О государстве», «О законах») Цицерон рисовал картину образцового государства с наилучшим законодательством, осуществленным в римской конституции. Позднее им были написаны «О пределах Добра и Зла», «Тускуланские беседы», «О природе богов», которые явились изложением на латинском языке греческой философии; особое место в их ряду занимал трактат «Об обязанностях»⁴, датированный обычно 43 годом до

⁴ См.: Цицерон. Об обязанностях. СПб, 1903; Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1993. Утченко С.Л. Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина. М., 1974; Утченко С.Л. Цицерон и его время. 2-е изд. М., 1986.

н.э., который, говоря современным языком, является, пожалуй, первым монографическим исследованием указанного феномена, именованного им *officium*.

Автор трактата вслед за своими великими греческими предшественниками имел в виду не человека вообще, а обязанности римлянина, члена римской общины (*civitas*), т.е. коллектива свободных римлян, и гражданина полиса, т.е. города-государства Рима. Отсюда вытекали обязанности по отношению к Отечеству, родителям, детям, семье, родственникам, друзьям. Для Цицерона было очевидно, что обязанности индивида отражают состояние его зависимости от общества и других людей, а в результате их юридического закрепления – и от государства в той форме, в какой оно было характерно для эпохи. Они возлагаются только на свободных либо добровольно принимаются ими, а в их основе лежат божественное предопределение или древность традиций.

Считается, что состояние зависимости в истории человеческой цивилизации выступало в различных формах – рабства, крепостного состояния, состояния обязанных. Рабство означало полное отрицание всяких прав у подвластного лица; крепостное состояние признавало за крепостным определенные права, но они состояли в полной зависимости от господина; обязанные пользуются личной свободой и несут определенные обязанности по отношению к обществу и государству, но не владельцу или господину.

Каждая из этих форм соответствовала господствующему на известном этапе развития способу производства, потребности которого оказывали решающее влияние на смену названных форм индивидуальной зависимости. Но это влияние не было исчерпывающим. На формы государственно-правовой зависимости индивида влияли и другие факторы, особенно культура, религия, общественная мораль, постепенно уничтожавшие нравственное различие между людьми и тем самым утверждавшие их равное достоинство, а также равенство перед Богом, законом и судом и пр. В силу этого изучение объективной логики исторического развития взаимоотношений личности и общества требует в том числе осмысления генетических зависимостей настоящего от прошлого. Существенно важен в связи с этим вопрос о том, какую роль в истории играют идеалы и каким образом они становятся частью социальной практики.

Демократические революции в Европе в XVI–XVIII веках привели к тому, что человек, выступавший не в качестве отдельной личности, а как неразрывная составная часть соответствующего сословия или класса, обрел человеческую личину; неравенство людей, долгое время признававшееся их естественным состоянием и закреплявшееся в праве, уступило свое место равенству, причем не только в правах, но и в обязанностях, и было признано их естественным состоянием. Общественный прогресс нуждался

в формально свободной личности, не отделенной глухой стеной от другой личности; вне этого общество уже вообще не могло развиваться.

Философия права не могла оставаться вне контекста эпохи и присущих ей процессов переосмысления взаимоотношений общества и личности. Именно в эту эпоху европейской политико-правовой мыслью был возрожден цитероновский *officium*. Естественно-правовая доктрина не только не была равнодушна к обязанностям человека, но, напротив, именно в эту эпоху обязанности человека, «человека вообще» как общественное явление получили новое философское, политическое и юридическое обоснование; они теперь стали объясняться не столько велением свыше или древностью традиций, как это было в прошлом, а своеобразным юридическим рефлексом надпозитивного права на участие индивида в гражданском обществе или государстве, учреждаемом во имя блага народа и защиты порождаемых таким учреждением благ граждан. А это в свою очередь накладывает на индивида определенные тяготы, обусловленные сочленством в государстве.

При этом идея обязанностей человека и гражданина не только изучалась представителями школы естественного права (хотя и в значительно меньшем объеме, чем проблема прав человека), но и наряду с правами получила отражение в конституционной практике находящихся в процессе становления демократий в Европе. В частности, Ф. Бэкон (1561–1626), учение которого оказало огромное влияние на последующее развитие науки и философии, в том числе Т. Гоббса (1588–1679), рассматривал обязанности в их связи с общественным благом. Он различал общие обязанности, т.е. обязанности человека как человека, и специальные, или относительные, обязанности (профессиональные, сословные, статусные). В свою очередь Т. Гоббс, развивая учение своего предшественника, понимал под обязанностями должностования, детерминированные законом. Стало быть, каковы законы (естественный, гражданский, церковный), таковы и обязанности⁵.

Обязанности человека наряду с обязанностями гражданина нашли отражение в трудах Гуго Гроция (1583–1645), признаваемого одним из основателей доктрины естественного права, т.е. «права в собственном смысле слова», которое «состоит в том, чтобы предоставлять другим то, что им уже принадлежит, и выполнять возложенные на нас по отношению к ним обязанности». В знаменитом труде «О праве войны и мира», изданном в 1625 году, выдающийся голландский ученый писал, что «человеку строить козни против другого человека есть величайшее беззаконие»; он говорил об обязанностях «соблюдения обещаний», «возмещении ущерба причиненного по нашей вине»⁶. По его мнению, «гражданин, нарушающий

⁵ Новая философская энциклопедия: в 4 томах / Гл. ред. В.С. Степин – 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. Т. 1. С. 350–351, 537–538.

⁶ Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право

внутригосударственное право ради своей ближайшей выгоды, тем самым подрывает основу собственного своего благополучия и благополучия своего потомства»⁷.

Тем самым Гроций сформулировал принципиальные установки об обязанностях человека и гражданина, которые получили развитие и обоснование в трудах последующих представителей естественно-правовой доктрины. При этом менялся характер аргументов, виды самих обязанностей человека и гражданина, но общая идея о присущих человеку и гражданину обязанностях оставалась неизменной.

Она не была чужда философии Спинозы (1632–1677) с характерной для нее идеей строгой закономерности, причинной обусловленности всех проявлений природы, частью которой является человек. Один из первых теоретиков буржуазной демократии, Спиноза объяснял необходимость законов противоречием между разумом и страстями людей. «Каждый человек стремится к своей пользе, к выгоде, но большинство руководствуется своим мнением, увлечением, а не разумом, движимо прихотями, не считается с будущим. Поэтому ни одно общество не может существовать без власти и силы, а следовательно, и без законов, умеряющих и сдерживающих страсти и необузданные порывы людей». Подчинение этим законам, разумным и равным для всех, и есть существо рационалистического видения свободы, которая, таким образом, отнюдь не отрицает ни власти, ни подчинения закону, ни наказания за его нарушение. Однако такое подчинение не означает отказа от свободы, которая сама есть познанная необходимость, и подчинение этой необходимости и есть высшее проявление свободы⁸.

Возможно, самое выдающееся место в исследовании обязанностей на этом этапе развития естественно-правовой мысли занимала германская школа в лице С. Пуфендорфа (1632–1694), находившегося в свою очередь под сильным влиянием взглядов Т. Гоббса и Г. Гроция. В 1673 году в Германии была издана его книга «Об обязанностях человека и гражданина по закону естественному». Она явилась менее обширным изложением его же годом ранее изданного сочинения «О естественном и общенародном праве». Германский ученый различал в их системе обязанности к себе, обязанности к другим и обязанности к богу, насколько он познается естественным разумом. В отличие от своего предшественника Пуфендорф выводил обязанности прямо и исключительно из разума, а не разумной и общественной природы человека с изрядной долей теологии, как это было присуще Г. Гроцию.

Обязанности к себе, по Пуфендорфу, состояли в самосохранении и в развитии своих способностей. Обязанности же к другим делятся на абсолютные (никого не оскорблять, считать всех по природе равными,

народов, а также принципы публичного права. М., 1956. С. 47.

⁷ Там же С. 46.

⁸ Спиноза Б. Этика. СПб., 1993. Части 4 и 5.

делать по возможности добро другим, хранить верность договорам) и гипотетические – говорить правду тем, кто имеет на нее право, уважать чужую собственность, подчиняться семейной и государственной власти, которые сопровождались определенными оговорками⁹.

Не ставил под сомнение наличие пределов естественной свободы один из самых влиятельных мыслителей просвещения и теоретиков либерализма Дж. Локк: прирожденные права человека, в числе которых «жизнь, свобода и владение», ограничиваются тем, что необходимо для охранения себя и других¹⁰. Тем самым был задан вектор развития обязанностей человека и гражданина – ограничения и запреты, устанавливаемые ради общего блага.

Обязанности человека и гражданина продолжали привлекать внимание представителей школы естественного права и в последующее время. В частности, один из предтеч Великой французской революции Ш. Монтескье (1689–1755), испытавший на себе сильное влияние политических взглядов Локка, в словах которого отчетливо просматривается акцент на будущую социальную организацию общества, которая неизбежно придет на смену феодализму, писал: «Если бы я мог сделать так, чтобы люди получили новые основания полюбить свои обязанности, свое отечество и свои законы, чтобы они почувствовали себя более счастливыми во всякой стране ... я счел бы себя счастливейшим из смертных»¹¹.

Обязанности человека и гражданина получили теоретическое обоснование и в произведениях выдающегося мыслителя предреволюционной Франции Жан-Жака Руссо (1712–1778), особенно в его «Общественном договоре», который до сих пор продолжает оставаться предметом спора историков, философов, юристов. И если роль Руссо, выступившего одним из провозвестников Великой французской буржуазной революции, в утверждении прав человека обоснованно подвергается сомнению, то его вклад в теоретическое обоснование обязанностей человека и гражданина несомненен, но не в феодальном, а в буржуазном обществе. В самом деле, раскрывая содержание своего общественного договора, Руссо подчеркивал, что он сводится к одному: «Полное отчуждение

⁹ В книге, опубликованной в России по инициативе Петра I, под влиянием преобразовательской деятельности которого, быть может, особенно сильно звучали идеи долга и служения Отечеству, говорится не об обязанностях, а о «должностях человека и гражданина» (С. Пуфендорф. О должности человека и гражданина. СПб., 1726). Однако это разночтение, как следует из контекста данного литературного источника, обусловлено лишь особенностями перевода на русский язык книги «Об обязанностях человека и гражданина по закону естественному», осуществленного более двух с половиной столетий назад. См. также: Перевезенцев С. В. Теория естественного права в трудах Самуила Пуфендорфа // Историческое образование. 2014. № 2; Малышева Н. И. Политическое наследие Самуила Пуфендорфа // Правоведение. 1999. № 1.

¹⁰ Локк Дж. Избранные философские произведения: В 2 т. М., 1960. Т. 2. С. 720 и сл.

¹¹ Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 160.

каждого из членов ассоциации со всеми его правами в пользу всей общины»¹².

Гражданская свобода, писал Руссо в «Общественном договоре», сводится к тем правам, которые остаются у индивида за вычетом его гражданских обязанностей. Эти обязанности, однако, могут возлагаться только по закону, последний же, согласно общественному договору, приводящему к образованию государства, должен быть равен по отношению ко всем гражданам – вот главный критерий законодательной деятельности.

Это было новое теоретическое решение проблемы отношений личности и общества, заключающееся в абсолютном подчинении граждан государству, в основе которой добровольное согласие всех граждан, а именно общественный договор¹³. Поскольку архаичные устои прошлого противоречили частнособственническим интересам, постольку идеологии Нового времени приходилось апеллировать к изменению социальных условий по сравнению с прошлым.

Основоположник классической немецкой философии И. Кант (1724–1804), испытавший влияние Жан-Жака Руссо и философских взглядов других мыслителей эпохи, различал правовые обязанности (*official juris*), т.е. обязанности, для которых необходимо внешнее законодательство, и обязанности добродетели (*official virtutis*), для которых во внешнем законодательстве нет необходимости¹⁴.

Не вызывало сомнения значение обязанностей как организующего и цементирующего начала социума у Гегеля (1770–1831). Различая гражданское общество и государство, Гегель определенно разграничивал обязанности человека перед самим собой, собственной семьей и перед другими людьми, и перед государством, и считал их условием сохранения общества как целого: эти обязанности «взаимосвязаны, коррелятивны, иначе целое распалось бы»¹⁵. При этом, по Гегелю, человек обладает «правами постольку, поскольку у него есть обязанности, и обязанностями, поскольку у него есть права». Однако их соотношение различно в абстрактном праве и в морали: если в первом случае праву одного лица соответствует обязанность другого лица в отношении этого права, то в области морали человек имеет право на собственное знание, воление и благо лишь в единстве с обязанностями.

¹² Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Трактаты. М., 1969. С. 161. В другой работе «Об общественном договоре, или Опыт о форме республики (первый набросок)», обычно датируемой 1758–1760 годами, Руссо еще более определенно выразил свое понимание соотношения государства и личности: «Подобно тому, как природа наделяет каждого человека неограниченной властью над всеми членами его тела, так и общественное соглашение дает Политическому организму неограниченную власть над всеми его членами...». Там же. С. 325–326.

¹³ См.: Мартышин О.В. Политическая обязанность // Государство и право. 2000. № 4. С. 8.

¹⁴ Кант И. Соч. в 6 т. Т. 4 (2). М., 1965. С. 353 и сл.

¹⁵ Гегель Г. Работы разных лет. В 2 т. М., 1973. Т. 2. С. 61.

* * *

В силу объективных социально-экономических, а также политических и духовных условий социальной эволюции понятие обязанностей «человека вообще» сложилось в эпоху демократических революций в Европе, а сами эти обязанности нашли практическое воплощение в формулировавших их победу конституционных актах западных демократий. Будучи опосредованным политико-юридическим отражением соответствующего способа производства, рационализируя организацию общества и гарантируя его стабильность, эти обязанности выступали политико-правовым условием прогрессивного развития общества, поскольку служили консолидации и формированию баланса интересов его членов. В соответствии с этим обязанности личности изначально понимались как ограничение ее произвола, а затем и как положительные услуги, оказываемые их носителем обществу и государству. Теперь это не тяжкое и не имеющее под собой разумных оснований бремя, возлагаемое на человека чуждой и противостоящей ему силой, это разумные тяготы, возлагаемые на члена гражданского общества и гражданина во имя общего блага.

В частности, уже в знаменитой французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года вполне определенно проявилось двойное понимание смысла обязанностей индивида, выросшее из логики общественного согласия. Во-первых, обязанности представляют собой ограничение произвола индивида, поскольку они устанавливают «имманентные пределы свободы». Как было установлено в ее статье 4, «Свобода состоит в праве делать все, что не приносит вреда другому. Таким образом, осуществление естественных прав каждого человека встречает лишь те границы, которые обеспечивают прочим членам общества пользование теми же самыми правами. Пределы эти могут быть определены только законом».

Во-вторых, указанная Декларация в целях сохранения общественного согласия предусмотрела возможность запрета действий индивидов, «вредных для общества», как сказано в статье 5 данной Декларации «закон имеет право запрещать лишь действия, вредные для общества. Все, что не запрещено законом, то дозволено и никто не может быть принужден делать то, что не предписано законом».

Таким образом, исторически первыми конституционную легитимацию обрели обязанности-ограничения и обязанности-запреты, связанные с обществом. Но еще 4 августа 1789 года на заседании Учредительного собрания, вотировавшего 26 августа Декларацию прав человека и гражданина, предлагалось наряду с нею провозгласить Декларацию обязанностей или присоединить этот документ к Декларации прав. Речь шла уже о персональных и предметных обязанностях, связанных с государством и выражавшихся в несении индивидом определенных тягот. Однако это предложение не получило поддержки и было отклонено. Сказались инер-

ция ненависти ко всему государственному и опьянение победой, одержанной под лозунгом обеспечения прав человека и отмены феодальных повинностей.

Как известно, создатели Декларации прав человека и гражданина рассматривали ее по существу в качестве каталога обязанностей государства. Права человека были изначально направлены на ограничение феодального государства, но стоило государству из силы, против которой боролось общество, стать силой самого общества или экономически и политически доминирующей ее части, как произошла удивительная метаморфоза. Обязанности человека и гражданина, очерчивающие пределы свободы и предусматривающие некоторые тяготы во имя общего блага, замечательно хорошо вписались в политико-правовую теорию и конституционную практику первых западных демократий. Спустя шесть лет после падения Бастилии французский Конвент, обсуждавший Конституцию III года (22 августа 1795 г.); принял Декларацию обязанностей человека и гражданина; Декларация прав была продиктована штурмом Бастилии, Декларация обязанностей воплотила накопленный опыт Революции¹⁶.

Многие исследователи традиционно подчеркивают влияние североамериканских биллей на французскую Декларацию прав человека и гражданина 1789 года. Что же касается Декларации обязанностей, она не имела аналогов. Это обусловлено социальным и политическим назначением конституционных актов о правах: американские конституции служили утверждением независимости колоний от Англии, естественно, всякая мысль об обязанностях по отношению к метрополии представлялась бы кощунством. Декларация 1789 года была направлена против феодальных препонов общественному развитию и утверждала Новый порядок, носителем которого выступало государство. В связи с этим провозглашение обязанностей человека и гражданина, корреспондирующих правам государства, столь же естественно вытекало из социальной природы этого строя и адекватного ему характера взаимоотношений личности и государства.

Таким образом, рождение обязанностей человека и гражданина совпало с победой демократических революций и вовсе не противоречило естественно-правовой доктрине. Напротив, они выводились из естественного права, из вечных и неизменных установлений, проистекающих из человеческого естества. В статье II упомянутой Декларации обязанностей провозглашалось, что «все обязанности человека и гражданина развиваются из следующих двух основных положений, запечатленных природой во всех сердцах: не причиняйте другому того, чего вы не желали бы сами

¹⁶ Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. М., 1957. Текст Декларации обязанностей человека и гражданина также см.: Шантавуан А. Принципы 1789 г. Декларация прав и Декларация обязанностей человека и гражданина. СПб., 1907. С. 3–4.

претерпеть от других; творите постоянно другим то благо, которое вы желали бы от них получить».

Значение Декларации обязанностей отнюдь не сводится лишь к дополнению Декларации прав человека и гражданина, она является результатом и весьма наглядным свидетельством переоценки всей системы ранее обосновывавшихся общественно-политических ценностей. Третье сословие обрело вождельные права, гражданское общество стало заповедной сферой для публичной власти, а тираническое государство превратилось в носителя и гаранта привнесенного Революцией Нового порядка.

Именно эти реалии и потребности рационализации и упрочения нового социального порядка обусловили существенное изменение акцентов внутри триады «человек – общество – государство». Французский либерализм существенно эволюционировал, а естественное право примирилось с законом, сопроводив это примирение требованием о соответствии закона праву; дух разрушения уступил место духу созидания, соответственно из Конституции 1795 года исчезло право на сопротивление угнетению, ибо в огне Революции исчезли абсолютизм, дворянство, сословное деление.

Декларация III (1795) года рассматривала индивида, с одной стороны, как человека, которому присущи некоторые вытекающие из его человеческой природы и его сочленства в обществе обязанности, с другой стороны, как гражданина – сочлена государства, участие в котором возлагает на него определенные гражданские обязанности. Согласно статье I этого документа, «в Декларации прав изложены обязанности законодателей, но дабы общество могло существовать, необходимо, чтобы сочлены общества знали также и выполняли свои обязанности». Причем Декларация III года определенно различает «обязанности человека» и «обязанности гражданина». К обязанностям человека было отнесено соблюдение упоминавшихся принципов – «не причиняйте другому того, чего вы не желали бы сами претерпеть от других» и «творите постоянно другим то благо, которое вы желали бы от них получить» – обязанности, которые составляют неотъемлемое свойство всякого человека еще до вступления его в политическую общность – государство. В статье IV Декларации обязанностей сказано, что «не может быть добрым гражданином тот, кто не оказывается добрым сыном, добрым отцом, добрым другом и добрым супругом».

Что же касается обязанностей гражданина – это обязанности сочлена государства, связанного с ним соответствующими узами и несущего свою долю ответственности за его упрочение. Особое внимание Декларация уделила законопослушанию. В связи с этим в ней особо выделены обязанности защищать отечество, служить ему, подчиняться законам и уважать тех, кто является органом законов, то есть его создателем и исполнителем (ст. III). В статье V провозглашалось: «Не может почитаться хорошим человеком тот, кто не исполняет чистосердечно и свято установленные

законы», а «кто открыто нарушает законы, тот объявляет себя в войне с обществом» (ст. VI); «кто, не нарушая законов, обходит их хитростью или обманом, тот наносит ущерб интересам всех граждан и является недостойным их любви и уважения» (ст. VII).

Из провозглашения в Декларации 1789 года и последующих конституционных актах Франции собственности основным правом человека вытекает обязанность «признания всех родов собственности»: на признании всех родов собственности зиждется развитие земледелия, всех производств, всех видов труда и всего общественного строя, сказано в статье VIII. Наконец, завершается Декларация провозглашением «долга каждого гражданина служить Отечеству, отстаивать Свободу, Равенство и Собственность всегда, когда закон призывает его к защите» (ст. IX).

Обязанности человека и гражданина в отличие от прав, согласно воззрениям составителей Декларации III года, носили безусловный характер и должны были обеспечиваться всем авторитетом и мощью государства. В основе этого – принципиальное обновление видения взаимоотношений личности и общества: если в предшествующую Великую французскую революцию эпоху обязанности, точнее повинности, выступавшие в форме личной зависимости от господина или цеховых ограничений, воспринимались как тяжкое и не имеющее под собой разумных оснований бремя, возлагаемое на человека чуждой и противостоящей ему силой, то последующая социально-политическая мысль существенно модифицировала интерпретацию обязанностей человека и гражданина, как вытекающих из нерушимого общественного договора.

Обязанности человека и гражданина были присущи и более поздней конституционной истории Франции. Так, например, в восьми статьях Конституции 1848 года, составивших ее вступление, содержалось указание не только на права, но и на обязанности. Однако для конституционной практики западноевропейских государств прямое закрепление в конституциях обязанностей человека и гражданина в этот период не было характерным. От этого отказались впоследствии и французские конституции, и такой отказ в XIX веке превратился, хотя и в противоречивую, но общую тенденцию европейской демократии. Конституционная практика большинства стран Европы отдавала предпочтение косвенной форме закрепления обязанностей граждан – запретам и ограничениям, за исключением разве что позитивно закрепляемых обязанностей законопослушания и уплаты налогов.

XX век в свою очередь утвердил в общественном сознании веру в то, что обязанности индивида вытекают из факта социального бытия человека и в единстве с правами составляют универсальный принцип демократической организации общественной жизни. Эта вера оказалась широко воспринята и конституционной практикой современных государств, причем не только тех, которые обычно называют странами молодой демократии, но и государств, которые имеют давние демократические традиции. Традици-

онно в число основных включаются обязанности соблюдать конституцию и законы, платить налоги, защищать родину и выполнять обязанности военной службы, беречь общее достояние и т.п. В некоторых государствах в числе обязанностей указывается на участие в выборах органов публичной власти, забота о своем здоровье. Существенной новеллой для европейской демократии является конституционное закрепление обязанности трудиться (Италия, Испания). Отдельные конституции предусматривают обязанности родителей заниматься воспитанием детей, а также заботиться о своем здоровье и своевременно прибегать к врачебной помощи, охранять природу и памятники культуры.

Таким образом, непредвзятый взгляд в историю конституционных идей и конституционных учреждений убедительно свидетельствует, что обязанности человека и гражданина прошли в своем развитии длительный исторический путь, и сегодня мало кто расценивает их как нечто, противоречащее демократическим началам организации общества и деятельности государства. Причем несколько столетий, отделяющих нас от времени, когда европейская философия и право предлагали обоснование обязанностей человека и гражданина, привнесли немного нового в это обоснование: коль скоро человек рождается свободным и равным в своем достоинстве и правах с другими людьми и пользуется благами, проистекающими из его общественного бытия и осуществления закрепленных в конституции прав, он обязан подчиняться правилам, установленным на ее основании и поддерживаемым государством.

Иными словами, обязанности человека и гражданина детерминированы правами, как и ответственность детерминирована свободой. Они находятся во взаимодействии и функционально взаимозависимы. Отсюда в свою очередь следует, что основные обязанности как юридическая форма обязанностей человека, независимо от того, закреплены ли они непосредственно в конституции или же определяются усмотрением законодателя, сегодня имманентны всякому правопорядку, включая международный¹⁷.

* * *

Цель предшествующего исторического экскурса заключается в осмыслении обязанностей человека и гражданина как развивающегося явления,

¹⁷ См. подробно: Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М., 2007. Небезынтересно, что в 1997 году Совет взаимодействия – авторитетная неправительственная организация, объединяющая бывших президентов и премьер-министров ряда стран всех пяти континентов, представила на обсуждение общественности проект Всеобщей декларации обязанностей человека. Декларация, свидетельствующая об осознании, как сказано в ее преамбуле, что «признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их являются основой свободы, справедливости и всеобщего мира и включает также признание их ответственности и обязанностей». Она не была принята, но тенденция, несмотря на противоречивость политико-юридического развития современного мира, неизменна. См.: Толлепин А. Свобода и ответственность неразделимы // Здравый смысл. 2006 № 3 (40).

возникшего в определенных условиях и под влиянием определенных факторов и причин, которые в свою очередь сами претерпевают изменения и влекут преобразование общественного сознания и социальной практики. Как раз принцип историзма позволяет преодолеть традиционное заблуждение, что проблемы обязанностей человека (именно человека, а не гражданина) не существует, а сама постановка такого вопроса неуместна, поскольку обязанности личности якобы в принципе не могут затрагивать естественно-правовые принципы. Напротив, именно в период демократических революций в Европе «разговоры об обязанностях наряду с правами» имели и значение, и отклик. А понятие обязанностей человека не «просто затрагивалось» в философии права, но и было легализовано конституционными актами строя, пришедшего на смену феодализму.

Этот же принцип ведет к убеждению, что историческое своеобразие развития России с присущей такому развитию противоречивостью не означает, что наша страна в своем развитии оставалась вне тенденций, характерных для Западной Европы. Это не два непересекающихся потока истории, напротив, по замечанию выдающегося русского государствоведа Б. Н. Чичерина, в части государственно-правового строительства «ход русской истории представляет замечательную параллель с историей Запада» и «это сродное, параллельное течение жизни... не повторяется ни у каких других народов древнего и нового мира»¹⁸.

Но верно и другое: Россия, несмотря на социальные и экономические, а также, хотя и в гораздо меньшей степени, политические преобразования в XIX веке и особенно в начале XX века во многом сохранила незыблемыми устои традиционного общества. Обязанности же для традиционного общества характерны больше, чем права. Последние требуют более развитых политико-юридических форм и отношений равных; обязанности изначально этого условия не требуют и, если отвлечься от их содержания и целей, могут развиваться в рамках различных политических режимов и правовых систем. Столь же верно, что перед государственной властью в России стояли иные задачи, нежели на Западе. Именно власть, а не гражданское общество, выросшее из рынка и товарно-денежных отношений, была главным двигателем общественного развития, а народ нес на себе громадные тяготы во имя общего блага.

В связи с этим отечественные юристы прошлого имели основание утверждать, что «в наших основных законах о правах гражданской свободы вообще ничего не говорится»¹⁹ и именовать главу вторую «Основных законов Российской империи» «хартией реальных обязанностей»²⁰. Возможно, поэтому в политико-правовой мысли России борьба за права сопрягалась с борьбой за обязанности, ибо обязанности расценивались

¹⁸ См.: Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1899. С. 330.

¹⁹ Коркунов Н. М. Русское государственное право. СПб., 1913. С. 456.

²⁰ Дунаев В. И., Никитский А. А. Очерки о государстве / Вступит. статья А. С. Яценко. М., 1909. С. 152.

как условие пользования последними и гарантия истинной свободы, долженствующей прийти на смену крепостничеству, сословному делению и самодержавному государству без меры и границ.

В частности, первый русский правозащитник А. Н. Радищев (1749–1802) в своем «Проекте для разделения Уложения Российского» писал о «правах и обязанностях государства», «управляющих и управляемых», «правах и обязанностях народа или граждан вообще». И если права граждан «состоят в свободе 1) мысли, 2) слова, 3) деяния, 4) в защите самого себя, когда того закон сделать не в силах, 5) в праве собственности и 6) быть судимым себе равными», то их обязанности состоят: 1-е) в верности государю и государству, 2-е) в непрекословном повиновении изданным законам, 3-е) в повиновении повелениям «законных начальств, елико то с законами сходствует»²¹. А один из самых выдающихся вождей декабристского движения П. И. Пестель (1739–1826), «Русская правда» которого была своеобразным панегириком естественному праву, писал о «недопустимости разрушения «равновесия всех обязанностей и всех прав». «Из сего явствует, – продолжал руководитель Южного общества, – что Законы могут быть также зловластны, как и сами действия Правительства, но что никогда таковыми быть не должны, если государство предназначено пользоваться благоденствием. Что же касается до коренных свойств человека, то оные суть Законы, определяющие природные и неизменные обязанности и права частных лиц; они изданы Всевышним Существом и должны, следовательно, иметь неоспоримое первенство над Законами, изданными Человеками»²².

При этом провозглашавшиеся А. Н. Радищевым или П. И. Пестелем обязанности человека и гражданина, как и права личности, не выросли естественно-историческим образом на отечественной политической почве, они должны были прийти на смену крепостничеству и сословным привилегиям и в силу этого выполняли революционную роль, поскольку их утверждение в общественной практике требовало ликвидации абсолютизма с присущим ему сословным делением и возведения на его развалинах государства демократического (конституционной монархии или республики)²³.

Обязанности человека и гражданина, однако, не были чужды взглядам и тех мыслителей, которые были далеки от революционных устремлений. В этой связи особенно интересно суждение выдающегося политического деятеля России и реформатора М. М. Сперанского (1772–1839), которого порой также относят к сторонникам естественного права: «Свобода подлжит четырем главным ограничениям, или обязанностям: 1) обязанность

²¹ См.: Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII века / Под общей ред. С. А. Покровского. М., 1959. С. 479.

²² Пестель П. Русская правда. М., 1993. С. 362.

²³ См. подробно: Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. 1812 год на перекрестке мнений советских историков. М., 1990; Эйдельман Н. Я. Грань веков: Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. СПб., 1992.

к добру совершенному, 2) обязанность к нраву, 3) обязанность к изящному, 4) обязанность к истине. Сии четыре обязанности суть существенны воле человека. Без них свобода наша не была бы свобода человеческая, но свобода сатанинская»²⁴.

Тем самым юридическое не отрывалось от нравственного, а социальное от индивидуального. Как подчеркивал выдающийся русский философ В. С. Соловьев, «мы не можем раз и навсегда покинуть сферу «коллективного», но при этом также не в состоянии преодолеть соблазн индивидуального»²⁵. Именно в этом заключался основной вектор развития отечественной социально-политической и философской мысли, которая как и общественное сознание, из которой оно выросло, никогда и в последующем – XIX и XX веках, не отрицала обязанностей человека и гражданина, причем независимо от идейных установок ее носителей. В частности, у Г. В. Плеханова (1856–1918) не было сомнения, что «нравственное воспитание людей в том и состоит, чтобы привить каждому из них сознание своих обязанностей по отношению ко всем остальным»²⁶. Известный государствовед П. И. Новгородцев (1866–1924) считал обязанности личности ее атрибутивными свойствами²⁷. А по мнению И. А. Ильина (1883–1954), «люди, не ведающие своих обязанностей, легко забывают всякий удерж и дисциплину или оказываются обреченными на правовую несовместимость»²⁸.

Отсюда глубоко логичен был вывод Н. А. Бердяева (1874–1948), творившего, как и И. А. Ильин, в иное время и в совершенно иных социальных условиях, но удивительно точно выразившего существо соотношения прав и обязанностей: «Декларация прав человека и гражданина, чтобы не быть формальной, должна быть также декларацией обязанностей человека и гражданина»²⁹. Иначе говоря, свобода и права личности должны быть совместимы с общими интересами посредством рациональной конституционной легитимации обязательных связей между ними.

Однако великий порыв к свободе в октябре 1917 года привел Россию к этатизму с характерным для него неприятием противопоставления государства и индивида, поскольку преодолены присущие прошлому социальные антагонизмы. Победил системоцентризм, нашедший наиболее последовательное выражение в классовой теории государства, в котором отдельный индивид вне исторической эпохи не существует; человек есть часть великого социального целого – пролетариата, а позднее – социалистического государства. Именно государство есть главная форма коллек-

²⁴ В память графа Михаила Михайловича Сперанского. СПб., 1872. С. 830.

²⁵ Соловьев В. С. Оправдание добра. СПб., 1897. С. 18.

²⁶ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. В 5 томах. М., 1957. Т. 3. С. 678.

²⁷ См.: Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 111.

²⁸ См.: Ильин И. А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 24.

²⁹ Бердяев Н. А. О человеке, его свободе и духовности // Избранные труды. М., 1999. С. 275.

тивности, оно является выразителем высшей воли, которая и обладает способностью свободного выбора.

Могущество государства ничем не могло ограничиваться. Раздел второй Конституции РСФСР 1918 года открывался статьей 9, согласно которой основная задача Конституции заключалась в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства «в виде мощной всероссийской Советской власти». Сила шла впереди права, именно она была признана главным средством реализации социальных целей и задач, стоявших перед обществом, в числе которых – полное подавление буржуазии, уничтожение эксплуатации человека человеком и водворение социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти³⁰.

Именно эта фундаментальная для нового строя установка оказывала определяющее влияние на природу и номенклатуру закрепленных в Конституции обязанностей, в распределении которых самое важное критериальное значение имела классовая принадлежность их носителей. Как говорилось в статье 23 Конституции РСФСР, «руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции». Только «трудящиеся» участвовали в осуществлении государственной власти и управления, только им обеспечивалась свобода печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций и др. Только «трудящимся» было предоставлено почетное право защищать революцию с оружием в руках, а на нетрудовые элементы возлагалось отправление иных военных обязанностей.

Интересами диктатуры пролетариата оправдывалось подавление политических противников и лишение некоторых категорий граждан активного и пассивного избирательного права. Тем самым институты ограничения прав (обязанности-ограничения) и запретов (обязанности-запреты) были дополнены институтом лишения прав, который распространялся на «классово чуждые элементы». Что же касается позитивных обязанностей, революция, растворившая индивида в коллективности, в них не нуждалась; декретируемые ею обязанности определяли формы участия индивида в созидании и защите коллективного социального строя, как это было предусмотрено идеологемой социализма.

Принцип поглощения коллективным человеческой индивидуальности последовательно был проведен в Конституции СССР 1936 года, посвятившей обязанностям граждан 4 статьи (обязанности соблюдать Конституцию и законы, трудиться и соблюдать дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического

³⁰ См. подробно: Эбзеев Б. С. Великая российская революция, власть и свобода: идейные истоки и конституционное устройство // Государство и право, 2017. № 7.

общежития и др.). Конституция СССР 1977 года воспроизвела все обязанности, установленные ее предшественницей, а также предусмотрела ряд новых для мировой конституционной практики обязанностей, вытекающих из принципа социалистического интернационализма (уважать национальное достоинство других граждан, укреплять дружбу наций и народностей советского многонационального государства и др.); в ней получили отражение и этико-социальные (заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно-полезному труду, растить достойными членами социалистического общества и др.), а также экологические и историко-социальные обязанности граждан (беречь природу, охранять ее богатства, заботиться о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей).

При этом, однако, в статье 59 Конституции, предварявшей изложение обязанностей, был установлен принцип, особенно рельефно выражавший не «просто» соотношение обязанностей и прав, но саму природу взаимоотношений личности и общества: «Осуществление прав и свобод неотделимо от исполнения гражданином своих обязанностей». Стало быть, права и свободы есть дар государства за выполнение гражданином установленных в Конституции обязанностей.

Главное, однако, заключалось даже не в этом. Наличие Конституции не означало конституционализации государства; Конституция обязывала личность, но не государство, ибо не предусматривала границ, которые власть не вправе была бы преступить под угрозой делегитимации издаваемых ею актов или юридической ответственности. Отсюда отечественная юриспруденция, в которой на советском этапе ее развития едва ли не безраздельно доминировал некритичный позитивизм, приходила к выводу, что юридические обязанности есть наиболее надежное средство достижения общественно полезного результата³¹.

Во многом благодаря именно этим радикально-ригористским взглядам и соответствующей им социальной практике проблема обязанностей приобрела в начале 90-х годов прошлого столетия мировоззренческий характер; от ее решения в большой мере зависело, удастся ли будущей Конституции соединить ценности индивидуальной свободы и независимости личности с ее ответственностью и обязанностями перед обществом и за общество, вне которых личность не может ни сложиться, ни существовать, либо она станет основным законом общества «необузданных» прав.

А. И. Солженицын еще в 1990 году провидчески предупредил, что «существование общества «необузданных прав» невозможно. Устойчивость общества может быть достигнута не на равенстве сопротивлений, но на сознательном ограничении... Свобода хватать и насыщаться есть и у животных. Человеческая же свобода включает добровольное самоогра-

³¹ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Социалистическое право. М., 1973. С. 99.

ничество в пользу других. Наши обязательства всегда должны превышать предоставленную нам свободу»³².

В самом деле, нуждается ли в доказательстве, что свобода, не знающая ограничений, есть произвол. Устойчивое функционирование общества в целом, как и любого объединения людей, немыслимо без определенного порядка и внутренней согласованности, разделения труда и функций. Отсюда с неизбежностью вытекает необходимость регулирования поведения людей в целях обеспечения их совместной деятельности, их подчинение установленному общей волей порядку, обеспечиваемое в случае необходимости авторитетом публичной власти и государственным принуждением. Тем самым блокируется возможность произвола и минимизируются последствия конфликта индивидуальных и общих интересов, а социальная активность личности проявляется в принятых обществом стандартах поведения.

На уровне философского обобщения речь идет о том, что реальный социальный процесс нельзя свести к деятельности атомизированного индивида и присущей этой деятельности случайности. Но именно такое видение отстаивали С. С. Алексеев и А. А. Собчак, настойчиво предостерегавшие общество от закрепления в будущей Конституции России обязанностей, поскольку якобы такое закрепление из числа советских традиций, «неведомых конституциям передовых стран»³³.

Маститый ученый и к тому времени получивший широкую известность политик оказались в плену распространенного заблуждения: Конституции, которую предстояло принять, отводилась не разрушительная (эта задача к тому времени была уже решена), а созидательная роль. Она учреждала новый социальный порядок, носителем которого выступало демократическое государство, следовательно, должна была предусмотреть гарантии для учреждаемого Конституцией социального порядка, в том числе путем ограничения произвола индивида или ассоциаций людей и возложения на них определенных тягот во имя общего блага.

Конституционное совещание 1993 года отвергло тезис, ведущий к отказу от рациональной основы взаимодействия людей, организованных в общество и государство. Победил иной взгляд, не отягощенный мифологемами, противоречащими мировой конституционной практике, и не порывающий с социокультурной традицией России и нравственными основаниями государственной бытийности народа; Конституция закрепила такие принципы, которые способствуют усвоению сочленами общества

³² Солженицын А. Как нам обустроить Россию? Посильные соображения // Литературная газета. 1998. № 38. Спустя восемь лет А. И. Солженицын вновь предостерегал: «Понятие свободы у нас вознесено до полного отрицания обязанностей и до свободы от всякой ответственности. А между тем мы только до той грани – человеческие существа, пока чувствуем на себе, над собой наш долг» // Солженицын А. И. Россия в обвале. М., 1998. С. 47.

³³ Алексеев С., Собчак А. Конституция и судьба России // Известия, 1992, 29 марта.

и государства общественной дисциплины и правопорядка и тем гарантируют рациональность и стабильность учрежденного ею социального порядка.

Обязанности человека и гражданина, в том числе обязанности-ограничения, обязанности-запреты, предметные обязанности, в явной или имплицитной форме закрепленные в Конституции, являются частью Конституции, вне которой она немыслима, как немыслима без основных прав и свобод. Непосредственно обязанностям посвящены шесть статей Конституции, которыми установлены обязанности законопослушания (ст. 15, ч. 3), заботы родителей о детях, их воспитании и заботы трудоспособных детей, достигших 18 лет, о нетрудоспособных родителях (ст. 38, ч.ч. 2 и 3), обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры (ст. 44, ч. 3), платить законно установленные налоги и сборы (ст. 57), сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам (ст. 58), защищать Отечество и нести военную службу либо заменяющую ее альтернативную гражданскую службу (ст. 59, ч.ч. 1, 2, 3). Наконец, в части 2 статьи 62 для иностранных граждан и лиц без гражданства в части прав и обязанностей установлен национальный режим.

Этот перечень обязанностей, провозглашенных Конституцией в явной форме, должен быть дополнен основными обязанностями, имплицитно присутствующими в ней, в том числе долг верности провозглашенным Основным законом принципам демократии, обязанность поддержания гражданского мира и согласия. Имеются в виду так же обязывающая сила собственности («собственность обязывает»), которая вытекает из принципа социального государства, и обязанности граждан участвовать в установленных законом формах в поддержании правопорядка и отправлении правосудия, являющихся персонализированным рефлексом принципа правового государства.

Новизна нормирования действующей Конституцией России обязанностей заключается и в том, что она отразила логику исторического развития обязанностей от образа человека как сочлена общества к образу политического человека – сочлена государства. Сегодня «обязанности человека» – это не «просто» полемический тезис, аргументируемый историей политических и правовых учений и конституционных учреждений. Конституция России питалась духовным молоком учения о естественном праве; она знает категорию обязанностей человека и гражданина (ч. 3 ст. 15), которая нуждается в адекватном осмыслении. Самим указанием на обязанности человека Основной закон презюмирует, что основные обязанности затрагивают или могут затрагивать естественно-правовые принципы.

Признаваемое Конституцией разграничение обязанностей человека и гражданина, которые соотносятся как социальное и юридическое, коре-

нится в характере взаимоотношений личности и общества, их объективно обусловленной взаимозависимости. Обязанности человека вытекают из сочленства людей в обществе себе подобных и являются гарантией устойчивого функционирования общественного организма. Они социально обусловлены и предопределяются уровнем социально-экономического, политического и культурного прогресса и доминирующими в обществе нравственными принципами. На номенклатуру и содержание обязанностей человека сильно влияние и иных факторов, особенно исторического опыта народа и его социокультурной традиции. В связи с этим обязанности человека выступают в качестве важного элемента механизма саморегуляции и саморазвития общества, поскольку составляют атрибутивное качество личности, развивающейся в обществе.

Основные обязанности связаны не только с обществом, но и с государством. В этом смысле обязанности человека представляют собой социально детерминированные необходимости и долженствования, которые трансформируются в обязанности гражданина и гарантируются возможностью не только общественного осуждения, но и государственного принуждения. Это – требования, предъявляемые обществом или государством к личности либо как сочлену государства, либо как к члену гражданского общества. Конституционно признанные и обеспечиваемые возможностью государственного принуждения, эти требования выступают в качестве основных обязанностей.

Иными словами, «человек» не поглощается «гражданином». Обязанности человека существуют до и независимо от их признания государством как персонифицированное проявление опыта социального взаимодействия людей и в этом смысле означают долженствования, обеспечивающие рациональность и стабильность коллективной бытийности народа. При этом, однако – и это главное, – конституирование обязанностей человека не лишает их непосредственно социального характера и такой же устойчивости и независимости от формы их государственно-правового признания, как и прав человека. Обязанности человека существуют не в силу их государственного признания и конституционного закрепления, а связаны с самим фактом общественного бытия человека.

Разумеется, указанный логический ряд «обязанности человека – государственное признание – обязанности гражданина» охватывает не все конституционные обязанности. Если обязанности защищать Отечество, заботиться о детях или родителях, соизмерять рамки собственной свободы со свободой других и пр. действительно коренятся в надгосударственной природе человека, то воинская обязанность или обязанность платить налоги, участвовать в отправлении правосудия возникли и развиваются именно как обязанности гражданина. В этом последнем случае основные обязанности вырастают из позитивного права.

Развитие международного правопорядка и характерное для современного мира становление транснационального конституционализма актуализировало еще один аспект интерпретации обязанностей человека

и их отграничения от обязанностей гражданина. Однако в этом случае приходится отвлекаться от их социальной характеристики и в качестве критерия разграничения обязанностей человека и гражданина иметь в виду характер юридической связи между личностью и государством – гражданство, иностранство или безгражданство. К примеру, каждый человек независимо от своего гражданства или его отсутствия, пребывающий на территории Российской Федерации, должен соблюдать Конституцию и федеральные законы, уважать права и свободы других лиц. Общее основное образование обязательно для всех проживающих в России лиц, причем независимо от того, являются они гражданами России или нет. На каждого возложена обязанность сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к животному и растительному миру. Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры. Каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы.

В этом втором смысле обязанности человека, это такие обязанности, которые возложены на всех и каждого независимо от состояния в гражданстве России. В их основе – территориальное верховенство Российского государства над всеми физическими и юридическими лицами в пределах своей территории. Что же касается обязанностей, вытекающих из российского гражданства, они возлагаются только на физических лиц, которые состоят под личным верховенством государства и связаны с ним отношениями гражданства.

* * *

Обязанности человека и гражданина составляют фундамент взаимной безопасности сочленов общества и объективно необходимое условие их взаимодействия в условиях государственной бытийности народа. Они формируют социальную однородность общества и солидарность его членов, основанную на балансе их интересов, который нуждается в постоянной поддержке и поощрении, и тем самым служат не отдельному индивиду, являющемуся субъектом правопритязания, но всем вместе.

Дело за «малым» – нужно, чтобы эти принципы стали социальной практикой, а уклонение от исполнения обязанностей, при том, что, пожалуй, в целом мире нет народа, жаждущего более нас законности в принципе, перестало почитаться за доблесть. А это, в свою очередь, требует, чтобы закон был действительно равен для всех, а его применение не зависело от личностей, которые могли бы столкнуться либо с самим законом, либо с теми, кто по долгу службы обязан стоять на его страже.

Список литературы

1. Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. 1812 год на перекрестке мнений советских историков. М., 1990.
2. Алексеев С., Собчак А. Конституция и судьба России // Известия, 1992, 29 марта
3. Бердяев Н. А. О человеке, его свободе и духовности // Избранные труды. М., 1999.
4. В память графа Михаила Михайловича Сперанского. СПб., 1872.
5. Гегель Г. Работы разных лет. В 2 т. М., 1973.
6. Государственное право Германии. М., 1994. Т. 2.
7. Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., 1956.
8. Дунаев В. И., Никитский А. А. Очерки о государстве / Вступит. статья А. С. Ященко. М., 1909.
9. Ильин И. А. О сущности правосознания. М., 1993.
10. Кант И. Сочинения в 6 т. Т. 4 (2). М., 1965.
11. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. М., 1957.
12. Коркунов Н. М. Русское государственное право. СПб., 1913. Локк Дж. Избранные философские произведения: В 2 т. М., 1960.
13. Малышева Н. И. Политическое наследие Самуила Пуфендорфа // Правоведение. 1999. № 1.
14. Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Социалистическое право. М., 1973.
15. Мартышин О. В. Политическая обязанность // Государство и право. 2000. № 4.
16. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955.
17. Новая философская энциклопедия: в 4 томах / Гл. ред. В. С. Степин – 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. Т. 1.
18. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991.
19. Панов А. П. Естественные обязанности человека: миф или реальность? // Известия СГУ, серия «Экономика, управление, право». Т. 12. Вып. 1.
20. Панов А. П. Система обязанностей граждан Российской Федерации. Саратов, 2012.
21. Перевезенцев С. В. Теория естественного права в трудах Самуила Пуфендорфа // Историческое образование. 2014. № 2.
22. Пестель П. Русская правда. М., 1993.
23. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. В 5 томах. М., 1957.
24. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969.

25. Сабо И. Идеологическая борьба и права человека. М., 1981.
26. Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? Посильные соображения // Литературная газета. 1998. № 38.
27. Солженицын А. И. Россия в обвале. М., 1998.
28. Соловьев В. С. Оправдание добра. СПб., 1897.
29. Спиноза Б. Этика. СПб., 1993.
30. Толпегин А. Свобода и ответственность неразделимы // Здравый смысл. 2006 № 3 (40).
31. Утченко С. Л. Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина. М., 1974.
32. Утченко С. Л. Цицерон и его время. 2-е изд. М., 1986.
33. Цицерон. Об обязанностях. СПб, 1903.
34. Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1993.
35. Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1899.
36. Эбзеев Б. С. Великая российская революция, власть и свобода: идейные истоки и конституционное устройство // Государство и право, 2017. № 7.
37. Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М., 2007.
38. Эйдельман Н. Я. Грань веков: Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. СПб., 1992.
39. Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII века / Под общей ред. С. А. Покровского. М., 1959.

СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые методологические основания в контенте социальной трансформации современного социума в целом и России, в частности. Ставится задача исследовать общие, универсальные и уникальные, особенные и единичные параметры демократического процесса политической системы. Даются развернутые характеристики оснований и посылки для представленных выводов и определений. Обосновывается, что, являясь главным потоком течения процесса политических перемен, демократия различных политических систем принадлежит к основным принципам государственности, наряду с границей и суверенитетом, и никакой экспорт, или транзит, осуществляемый извне, ни эффективным, ни даже легитимным не представляется. В основе развития демократии и как части политического процесса и как феномена государственности лежат объективные социально-экономические основания и соответствующие им субъективные условия в границах национальной идеологии.

Ключевые слова: социальная трансформация, экономическая формация, общественное сознание, политическая идеология, электоральная демократия, социальная революция, глобальный проект.

SOCIAL TRANSFORMATION: SOME ASPECTS OF THE METHODOLOGY OF THE STUDY OF ELECTORAL DEMOCRACY

Abstract. This article discusses some methodological basis in content of social transformation of modern society in General and Russia in particular. The aim is to explore the common, universal and unique, special and individual parameters of a democratic political system in the process. Provides detailed characteristics

of bases and assumptions for the presented findings and determinations. Justified, as the main thread of the process flow of political change, democracy different political systems belongs to the fundamental principles of statehood, along with border and sovereignty, and no export or transit, implemented by outside, nor efficient, nor even legitimate. The basis for the development of democracy and as a part of the political process and how the phenomenon of statehood lies objective socio-economic reasons and their corresponding subjective conditions within the boundaries of national ideology.

Keywords: *social transformation, economic formation, social consciousness, political ideology, electoral democracy, social revolution, global project.*

Сегодня, по мере практически полного провала стратегического курса элит Запада на демократический транзит¹ и модернизацию, на усиливающуюся по экспоненте окончательную деградацию принципов частно-капиталистической организации социума, превращение экономики в игровое поле математического моделирования и открытой спекулятивной деятельности коррумпированных верхов, в Российской Федерации представители либерального наукообразия выдвигают тезис, что, *достигнув в результате распада СССР демократии, государственная бюрократия, перераспределив коммунистическую собственность в свою пользу, исказила и опорочила либеральную демократию как таковую.*

Тезис ни плох, ни хорош, единственный его недостаток в том, что он не имеет ни логического, ни исторического обоснования. К тому же, ошибка в основании умозаключения о всеобщности и уникальности такого инструмента политики, как демократия, выводит всю подобную логическую цепочку из системы научного знания.

Но как факт публикующихся и продвигающихся интерпретаций утверждение имеет место, и оно должно быть рассмотрено и занять свое место там, где по результатам анализа ему надлежит находиться.

В настоящее время существует ряд постулатов, описывающих состояние проблемы:

- считается, что исторический опыт второй половины XX века показал, что страны с либеральными демократическими режимами, как правило, добиваются больших экономических успехов, чем страны с режимами авторитарными. Это связано с тем, что именно демократия создает наилучшие условия для проявления инициативы, без которой невозможно эффективное производство;

- правительства стран с демократическими режимами обычно совершают меньше ошибок в управлении, не говоря уже о злоупотреблениях властью

¹ Демократический транзит – от латинского transitus – переход, прохождение. Переход от авторитаризма (тоталитаризма) к демократии. В концепции транзитологии выделяются следующие пути перехода к демократии: эволюционный (трансформация) – например, Испания; революционный (замена или крах старого режима) – например, Португалия; в) военное завоевание – например, Германия, Япония.

и преступлениях против личности. Другими словами, демократия – это своеобразный защитный механизм общества от узурпации власти. Демократия не всегда способна выполнить эту защитную функцию. В условиях кризисов дают сбой и демократические механизмы, однако в развитых странах это все же исключения из правила;

- для современного человека либеральная демократия все более становится самостоятельной ценностью. Люди не хотят быть колесиками и винтиками какой бы то ни было, пусть даже хорошо отлаженной системы, и предпочитают сами решать свои проблемы, хотя бы и ценой ошибок.

Либеральная демократия выбирается исходной точкой российского транзита по следующей причине: ее концепция – основа политического режима с хорошо развитыми и прочно защищенными личными и групповыми свободами, который предполагает наличие достаточного числа гражданских свобод и высокого уровня плюрализма, способных обеспечить свободное и осмысленное соревнование интересов и поддержание власти закона между выборами, равно как и при их проведении, а это есть непреложные ценности современного общества

Таким образом, делается вывод, что проблема демократии остается актуальной для российского политического развития. Сегодня постсоветская действительность ставит перед исследователями вопрос: по каким параметрам Россия не соответствует сложившейся на Западе либеральной демократии и что мешает инсталлироваться ей в нашей стране? Чтобы ответить на него, необходимо определить параметры исходной точки российского транзита – либеральной демократии.

При этом практически все ссылки делаются на давно известные труды авторов, пишущих в русле атлантической или континентальной парадигм², не утруждая ни себя, ни читателей никакими альтернативными точками зрения.

Вместе с тем, никакие политологические выкладки не рождаются на пустом месте, так или иначе, но они отражают определенную, политическую, сторону более широкой социально-экономической реальности и вписываются в более общую теорию и историю общественных отношений. Так, в действительности, идейно-политический либерализм предшествовал либеральной демократии. Его основоположники сформулировали такие основополагающие принципы политического либерализма, как приоритет индивидуальной свободы, базирующийся на принципах

² См.: Наиболее известные работы западных авторов по исследованию либеральной демократии: «Демократия и ее критики» (1989) Р. Даля, сравнительное исследование политических и экономических реформ А. Пшеворского «Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке» (1991), «Капитализм, социализм и демократия» Й. Шумпетера, «Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование» А. Лейпхарта, «Дорога к рабству» Ф. Хайека и др. Среди российских ученых, занимающихся вопросами демократизации и транзитологии, можно выделить А. Мельвиля, предложившего использовать при анализе российской политической трансформации модель «перехода с открытым финалом», адепта концепции транзитологии и др.

естественного права, отделение государства от гражданского общества, разделение властей. На основе этих принципов идеи демократии (как народовластия) наполнялись либеральным содержанием. Стержневыми идеями в теориях либерализма являются политическое равенство и представительное правление.

Но аналогично, иное определение феноменов государственного и общественного строительства, равным образом, как и иное содержание, вкладываемое в определение демократии, также имеют свою эпистемологию как развертывание логического в конкретно-исторических формах становления социального и политического процессов. В частности, классическое определение демократии неразрывно связано с его этимологическим происхождением. Зародившись еще в античности, демократия дословно обозначает «власть народа» или «народовластие». Однако на протяжении уже не одного столетия в истории политической мысли в понятия «народ» различными авторами, научными школами и концепциями вкладывается неодинаковый смысл. То же можно сказать и о различных трактовках механизма народовластия. Некоторые исследователи справедливо полагают, что демократические концепции нередко шли за эмпирическим материалом, пытаясь найти идеальную модель демократического устройства, которая учитывала бы уже накопленный опыт исторического развития с его отрицательными и положительными последствиями.

В то же время практически не принимается во внимание, что другие концепции, сформулированные на базе правовых и политических учений, в теоретическом дискурсе исторического материализма с учетом опыта новой общественно-экономической формации – социализма – игнорируются, и не по научным, а по идеологическим предпочтениям³. Более того, когда ведется речь об аргументации становления современных форм демократии в русле политического процесса Российской Федерации, игнорируется не только социально-политический, но и исторический, национально-географический аспект рассматриваемой проблемы.

* * *

Социально-экономическими и идейно-политическими предпосылками возникновения либеральной демократии были развитие рыночных отношений, идеологическая и политическая секуляризация, становление национальных государств. Последнее составляет основное качественное отличие буржуазной либеральной демократии от городов государств античности и средневековых городских коммун. Неслучайно известный американский политолог Р. Даль при анализе общемирового демокра-

³ См.: Даль Р. Полиархия, плюрализм и пространство // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 37–48; Dahl Robert A. On Political Equality. 2006.

тического процесса выделяет его первую трансформацию – становление демократических городов-государств, и вторую трансформацию – становление наций-государств⁴.

Центральной в либеральных концепциях выступает идея о прирожденных, неотчуждаемых правах человека на жизнь, свободу и частную собственность. Частная собственность рассматривается как основа индивидуальной свободы, а свобода – как необходимое условие самореализации личности. Отсюда вытекает апология демократического индивидуализма и трактовка общества как совокупности равноценных и независимых личностей. Так возникает идея государства как «ночного сторожа», основная функция которого сводится к защите частной собственности, свободы и неприкосновенности личности. Данная позиция представляется единственной и бесспорной, и именно на ее основе выстраивается вся современная система либерально-демократического транзита.

Вместе с тем, соотношение основных компонентов той или иной формации по отношению к личности и ее ассоциациям лежит в основе градуирования самого содержания понятия «демократия». Так, применительно к человеческому стаду или системам так называемого «азиатского способа производства» данный термин в принципе неприменим.

Первый зачаток демократического процесса относит нас к классике античности и демократического устройства городов-государств. Вместе с тем внимательное прочтение исторического контекста позволит сразу определить степень народности полисной демократии. Согласно источникам, к демосу относились не все жители полиса, гражданами государства являлись только половозрелые мужчины определенного возраста, свободные, носящие оружие. Все остальные категории не принадлежали категории граждан.

Итак, основа – свобода, что в условиях рабовладельческого способа производства являлась самым существенным признаком, дееспособность и гендерный признак. Очень узкий мостик соприкосновения общего числа жителей и граждан, имеющих право избирать и быть избранными. При этом, для того, чтобы быть избранным, недостаточно быть свободным, необходим еще и имущественный ценз, так как практически все властные государственные должности исполнялись государственными чиновника-

⁴ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1992. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1998; Верг Н. История советского государства. 1900–1991. М., 1995; Кок Халь. Что такое демократия? – Копенгаген, 1993; Кьеза Д. Прощай, Россия. М., 1998; Несбитт Д., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000. М., 1992; Печчен Аурелио. Человеческие качества. М., 1985; Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. В 2-х т. М., 1992; Сорос Д. Советская система: к открытому обществу. М., 1991; Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность.: Московск. лекции и интервью. М., 1995; Хайек Ф. А. Дорога к рабству. М., 1992; Он же. Пагубная самонадеянность. М., 1992; Хэллоуэлл Джон Х. Моральные основы демократии. М., 1993; Шлезингер-младший А. М. Циклы американской истории. М., 1992 и др.

ми за свой счет, например, неарх – командующий флотом, должен был строить и содержать его за свои деньги.

Таким образом, уже понимаемая как коллективная форма правления, демократия еще не имела укорененности в самом государстве, поскольку имела крайне узкую социальную базу.

Период средневековой демократии имеет вариативность, первый этап – городская цеховая демократия, и второй – элементы демократического строения элит в период сословных монархий. В каждом из этих случаев основой выступает отношение к земле как принцип феодальных отношений и собственность на землю или трудовой инвентарь, а социальной базой выступают владетельные земельные элиты или корпорации профессионально выстроенных цехов. Граждане в обязательном порядке имеют титульный и имущественный ценз, что даже по сравнению с античностью резко ограничивает как состав граждан, так и их электоральные возможности.

Эпоха буржуазных демократий строится по тому же принципу. Основываясь на общественном разделении труда, окончательно выделяя политику и государственное управление в самостоятельные социальные институты, она делает упор на диффундированном распределении частной собственности на средства труда и орудия производства от мелкой лавки до мануфактуры и фабрики. Имущественный и до введения всеобщего избирательного права гендерный и национальный цензы тоже делают представительную демократию эпохи капитализма усеченной.

И, наконец, вычеркнутый идеологической цензурой современности тип народной и социалистической демократии. С точки зрения социально-экономических оснований он не выделяется из ряда всех формаций. Основа – более общественное по характеру разделение труда, проявленное в его результате общественной собственностью и всеобщностью трудовой деятельности (вопрос о степени соответствия общественной и государственной собственности в данном контексте не имеет значения).

Именно общественная собственность на средства производства в совокупности со снятием практически всех цензов (кроме физической дееспособности) и всеобщностью труда выстраивают демократию как систему народовластия в полном объеме термина, отражая в категории народа практически все население, тем самым превращая всеобщее избирательное право из формального в содержательный факт государственного строительства (ником и никогда не превзойденный и даже не достигнутый).

Данный исторический экскурс полезен как свидетельство того, что либеральная буржуазная демократия – не исключение, и в истории политических систем не она является верхней планкой реального народовластия.

* * *

В современном мировом процессе социальной трансформации имеет место диалектическая взаимосвязь всех субъектов как процесса разделения труда, так и права в полном объеме этого понятия⁵. Подобная система предполагает не уничтожение элементов и форм собственной организации и управления, которых нет в объекте (системе) сравнения, но, напротив, использование всего того лучшего, что, являясь исторически и организационно наиболее адекватным внутреннему строению и содержанию общественных процессов, также всемерно способствует его (их) историческому прогрессу.

Данное условие представляется крайне важным с позиций приоритетов современного развития. Естественноисторический (геополитический, социальный, идеологический, национальный, наконец) ход развития породил как внутреннюю неоднородность биосоциальной структуры человеческих сообществ, так и, по-видимому, неоднородность социально-политической организации социума на макро- и микроуровнях жизнедеятельности.

В историографии методологически противоположные точки зрения опираются на соответствующие классические для этих направлений каноны. Так, сторонники либерализма иллюстрируют теории М. Вебера, Р. Арона, К. Поппера⁶, а социал-демократия по-прежнему исходит из концепций К. Маркса⁷. Достаточно интересны в данном контексте работы Ю.В. Яковца⁸, И.М. Дьяконова⁹, В.И. Пантина¹⁰ и ряд других¹¹.

Разворачивающийся как реальная смена форм организации и структуры общества процесс социальной трансформации отражает законы движения социальной материи. В качестве таксонометрических единиц, несущих в себе признаки фрактальности, выступают системы социальных отношений политического общества-государства, общественно-экономической формации и цивилизации

Развитие общественного разделения труда и смена конкретных форм собственности как ее результат и главным образом собственности частной (прошедшей, хотя и различный по форме на Западе и Востоке, но все же единый по содержанию и дошедший до ее практически полного отрицания

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3. С. 4; т. 4. С. 438; т. 37. С. 370; т. 46, ч. 1. С. 107, 108.; Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29. С. 162.

⁶ См.: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1992; Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1–2, М., 1992; Вебер М. Избранные произведения, М., 1990.

⁷ См.: Маркс К. К критике гегелевской философии права // Соч., Т. 1; Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Там же, Т. 3 и др.

⁸ См.: Яковец Ю.В. История цивилизаций. М., 1995 и др.

⁹ См.: Дьяконов И.М. Пути истории. М., 1993.

¹⁰ См.: Пантин В.И. Циклы и ритмы истории. Рязань, 1996.

¹¹ См.: Иноземцев В.А. Очерки истории общественной экономической формации: научное издание. М., 1996; Плетников Ю. Формационная и цивилизационная триады // Свободная мысль. 1998. № 3. С. 103–112; Циклы природы и общества. Материалы VI международной конференции. В 2-х т. Ставрополь, 1998 и др.

путь), социальной стратификации и конкретных способов государственного устройства, то есть превращенных в своих общественных проявлениях отношений, привел к изменению соотношения объективных и субъективных факторов, определивших человеческое развитие как таковое.

В социальном дискурсе имеет место специфика проявления процессов самоорганизации, заключающаяся в том, что оно на онтологическом уровне происходит в форме дифференциации и интеграции социальных институтов; на гносеологическом – как дифференциация и интеграция знаний (и методов синтеза и анализа, индукции и дедукции); на аксиологическом – в виде дифференциации и интеграции социальных ценностей и идеалов.

В гуманитарных науках субъективная позиция исследователя оказывается решающей. Социум – это структура, элементами которой на уровне гуманитарного исследования выступают наделенные разумом и волей люди. Решения, принимаемые элементами множества, опосредуются корпоративными групповыми интересами и оформляются в качестве позитивного права в единое целое. Следовательно, и единое целое в таком случае представляется результатом субъективного выбора.

Принцип объективности применительно к социальным процессам может быть реализован только при условии соблюдения диалектики взаимодействия природных и социальных законов, социума как полной эмерджентной системы и ее частей – групп и личностей, и относительности интересов составляющих эту систему элементов – государств, наций, социальных и профессиональных групп. Только в этом случае представляется возможным преодолеть идеологическое противостояние и выйти на результаты исследования, по своей точности приближающиеся к методологии естествознания¹².

Глубинным основанием цивилизационного подхода в действительности выступает мощный фактор. Но это не способ ведения производства. Как раз этот фактор, как это не покажется странным либеральным идеологам, делает формулы марксизма почти пророческими. Не степень индустриализации, концентрации или диверсификации производств, а принцип отношения человека и окружающего мира лежит в основании цивилизационного подхода. Доиндустриальная цивилизация – это

¹² Еще К. Манхейм утверждал, что мыслит не отдельная личность, а группа через индивидуальное сознание. Более строго рассмотрел эту проблему К. Маркс, показав, что идеология является отраженным в теории коренным интересом определенного класса. В. Парето подвел под эти положения строго математическое обоснование взаимодействия «остатков» и «производных», фактически обосновав, что любая субъективная позиция суть идеологическое обеспечение группового политического интереса. В.И. Ленин уточнил понятие класса, а П.А. Сорокин расширил границы группового мышления в границах экономической, социальной и профессиональной стратификации. Так были созданы основы социодинамики, без учета закономерностей которых изучение социальных процессов является не объективно научным, а субъективно идеологическим, и не может дать строгого научного результата. Дело не в математических расчетах или статистических данных, а в том, что игнорирование диалектики и относительности снимает объективность и открывает дорогу произволу абсолютного субъективизма.

период развития, когда человек практически полностью, по крайней мере, по доминанте, находится во власти действия объективных законов первой природы и только формирует начала инновационного освоения ее пределов и присвоения в качестве предмета деятельности. Поэтому его первоначальный этап – примат естественного над искусственным, власти над собственностью, традиции над инновацией. Переход от естественного состояния к искусственному и есть становление индустриальной цивилизации. Главный ее признак – наличие второй, рукотворной природы. Прежде всего это относится к процессу превращения деятельности в труд. Разделение труда порождает собственность и государство. Государство, являясь более ранней формой человеческих коммуникаций, структурирует сообщество, собственность стратифицирует его элементы по горизонтальным уровням. Внеэкономические методы принуждения уступают место экономической зависимости. Рождается социум. Вся история труда, собственности и государства в индустриальной цивилизации по существу является становлением полного объема категории «социум». При этом константой индустриализма выступает то, что рукотворные отношения человека с человеком и окружающей природой приобретают объективный характер, подобный действию универсальных природных законов.

Сущность, главный качественный признак постиндустриальной цивилизации, думается, опять-таки не в новых технологиях и переходе от концентрированного производства к его диверсифицированным формам. Мы видим его определяющее значение в том, что, во-первых, социум, как ранее природа, перестает быть той объективной данностью, границы которой для человека абсолютно непроницаемы. Человечество и человек во всей совокупности своих отношений становятся предметом и целью научных исследований и инновационных практических проектов. Познание и использование социальных законов с неизбежностью превращают их в мощное орудие биологической и социальной инженерии. Во-вторых, преодоление (снятие) основных социальных противоречий и исчерпание социальных ресурсов с силой природной закономерности востребуют действия иных оснований жизнедеятельности человеческих сообществ. Ими, как мы уже показали во вводных положениях, могут стать или качественные изменения в биологическом облике человека, или создание третьей, виртуальной, среды обитания логоса – интеллекта. Процесс совершенно не проблематичный. Вопрос лишь в том, кто и с какими целями направит подобную деятельность и каковы могут быть варианты их практического осуществления. Возможный переход от изменения тела природы к вмешательству в процесс изменения природных и социальных отношений, по существу к изменению законов и констант, придает особую актуальность информационным процессам. Метаболизм – обмен деятельностью (труд) – информационный обмен, – такова логическая

последовательность смены оснований применительно к отношению человека и окружающего его мира.

Следовательно, контекст современного мирового развития позволяет говорить о цивилизации в двух смыслах. С одной стороны, если говорить о полном объеме понятия таким образом, как это мыслится авторами цивилизационной парадигмы, то фактически она совпадает с индустриализмом. Доиндустриальное и постиндустриальное человеческое сообщество цивилизациями именовать неправомерно. С другой стороны, именно марксистская трактовка примата производства над другими формами человеческой деятельности позволяют говорить о цивилизации как о материально организованной структуре, на базе производственных возможностей которой будет сформировано новое человеческое сообщество, параметрами цивилиографии уже не исчерпывающегося.

Проблема духовной составляющей в развитии общества является одной из центральных и важных для его поступательного развития. Но не только аспект развития делает ее актуальной. Дело в том, что отсутствие той или иной формы системы социально значимых ценностей свидетельствует о вхождении общества в стадию деградации. С этих позиций данная проблема суть стержень самосохранения и национальной безопасности для любой социальной системы.

Особо актуальной тема становится в условиях нарастания следствий глобализации как проявления разворачивающей себя в социальном пространстве наличного бытия процесса универсальной социальной трансформации. Возможность корреляции внутренней имманентной для конкретного социума системы ценностей с растущим внешним влиянием составляет задачу сохранения общественной и экономической стабильности его бытия.

В том случае, когда речь идет о защищенных интересах – это область особенного и, таким образом, касается сфер права и управления. Если же вопрос затрагивает системы отдельных интересов, требующих статуса защищенности и адекватной реализации на уровнях политической идеологии, то это – проблема, относящаяся к компетенции всего общества, в том числе как реальная проблема информационной безопасности.

В целом прорисовывается нетривиальный вывод: качеством общественной (как всеобщей для данной социальной системы) или общенациональной идеологии обладает, как ни странно, только функционирующее в оптимальных границах право.

Именно этот факт представляется основанием для следующих обобщений. Термин «правовое государство» с этих позиций не вполне корректен. Ибо единственной идеологией государства является именно право по определению. Правовым или неправовым является общество, так как право есть интегрированный и защищенный интерес каждой страты в степени, достаточной и необходимой для функционирования общества как целого.

Пристальное внимание к проблеме формирования некоей данности, понимаемой в рамках политической науки как общенациональная идеология, неслучайно и, однако, в качестве реального исторического и социального вызова далеко еще неосознанно. Отсутствие общего поля политической мотивации служит индикатором отсутствия действительного общества. И именно этот факт зафиксирован в увеличении числа научных работ и публицистических материалов по данной теме¹³.

Вместе с тем осознание этого факта как действительности, понимания того, что это не абстракция, а действительное отсутствие на территории России множества, которое можно было бы характеризовать как единое целое, либо объективно неосознанно, либо сознательно ускользает (выводится) из поля зрения ученых, идеологов, политиков.

Таким образом, либо этот факт будет до конца осознан, и государство разработает технологию идеологического обеспечения процесса интеграции российского общества, либо отсутствие целостности из потенциального состояния перейдет в актуальное (реальное), формализуется и тем самым прекратит историю государства Российского как исторический факт.

Но все же ключ к решению этой задачи лежит, как нам представляется, не в сфере сознания, а в реальной действительности, в той конкретной системе отношений больших групп людей, которые являются субъектами экономики, политики и идеологии. И от того, в каком направлении, какими методами и в чьих действительных интересах осуществляется процесс развития общественных отношений, напрямую зависит, в какой мере возможно достижение единства как в сфере общественного сознания, так и во всем пространстве социальной практики.

Верхний предел, в рамках которого осуществляются все возможные взаимодействия внутри системы, и есть общество, понимаемое в зависимости от точки отсчета как национальное, субъектами отношений которых выступают нации или другие этнические образования; религиозное, субъект которого религиозная конфессия или, наконец, гражданское общество, субъектами отношений внутри которого выступают стратификационные единицы, сформированные на принципах владения, распоряжения и пользования определенной частью собственности (возможно, отраженные в праве).

Таким образом, Российское общество представляет собой сложную систему связей между различными типами конкретных обществ, систему, структурированную по институтам, отражающим сущностные интересы

¹³ См.: Вартазарова Л. С. Восхождение в XXI век (к вопросу о «новом социализме»). М.: Клуб «Реалисты», 1997; Дзарасов С. С. Российский путь: либерализм или социал-демократизм. М., 1994; Карасев В. И., Васильков А. Т. Феномен глобализации в социальном контексте современности. М., 2002; Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации: Путь Разума. М.: МНЭПУ, 1998; Моисеев Н. Н. Логика универсального эволюционизма и кооперативность // Вопросы философии. 1989. № 3.; Осипов Г. В. Экономика и политика. М., 1995; Осипов Г. В. Россия: Национальная идея. Социальные интересы и приоритеты. М., 1997 и др.

каждого конкретного типа общности. Скрепой, соединяющей посредством взаимодействия общественных институтов различные общественные типы, выступает отношение «государство – общество». Из этого вытекает, что государство – центр притяжения всех частных относительно Российского общества типов общественной организации через организацию их содержательных и институциональных интересов.

Таким образом, содержание общественной политики, представленной в виде результирующего вектора сложения сил частных общественных интересов, составляет формирование такого государства, которое могло бы реализовать этот вектор наиболее оптимально. Соответственно, функция интеграции частных общественных интересов в совокупный оптимальный результат, когда реализация интересов целого есть условие реализации интересов особенного и отдельного, и есть государственная политика.

* * *

Для того, чтобы анализ мог иметь возможный, доступный механизму верификации, научный характер, сузим границы предмета исследования до уровня взаимодействия двух категорий: гражданского общества и государства. Система отношений внутри гражданского общества, отражающаяся (или, модально, должна отражаться) в государственной политике, стратифицирована по действительному положению его субъектов в системе. Следовательно, гражданское общество содержит в себе столько субъектов, сколько таких больших групп (страт, классов или слоев), имеющих соответственно своему действительному положению в системе, отличных гражданских (экономических, социальных, образовательных и профессиональных) интересов оно имеет.

Применительно к состоянию современной России, в наиболее широких объемах можно выделить три таких страты или субъекта в структуре гражданского общества. Это, во-первых, основная часть населения – до 80 процентов, стремящаяся по своему действительному положению к черте бедности или уже находящаяся за этой чертой; во-вторых, небольшая группа государственных служащих, технической и творческой интеллигенции, малых и средних предпринимателей – до 11–13 процентов; и, наконец, 6–7 процентов богатых и сверхбогатых. Таким образом, политика современного гражданского общества в России есть система отношений трех общественных страт, имеющих четко очерченные своим действительным положением политические интересы.

Идеология (политическая) является отражением в общественном сознании этих больших групп теоретическим осознанием необходимости реализации своего действительного интереса, право выступает как зафиксированный в государственной политике защищенный действительный интерес субъекта политических отношений. На первый взгляд, они могут

показаться несколько искусственными. Но ближайшее рассмотрение позволяет говорить об их адекватности социально-политическим российским реалиям. Все дело в том, что идеология, понимаемая широко, то есть, как сфера общественного сознания, и функционирует по законам данного уровня. То есть, она может быть реализованной в качестве обыденного сознания своего группового интереса, научно-парадигмального уровня или как политическая идеология. И лишь последний уровень отражает степень зрелости теоретического осознания своей мотивации относительно политического интереса страны, а тем более готовности к его практической реализации.

Таким образом, в основной массе трудящегося и эксплуатируемого народа его интерес функционирует на уровне обыденного сознания. Как правило, это не случайное совпадение. Как и выражение его в отсутствие любого осознанного интереса своей страны, то есть переход на позиции анархизма, люмпенизации, особенно в условиях удаленных профессий и фриланса (или криминализации как крайней степени девиантного общественного поведения).

Аналогичный разброс будет иметь место и при описании третьей страны. Воззрения ее основной части базируются на принципах либерализма и функционирует по ее законам, но возникают и различные финансовые пирамиды, всплывают и вновь уходят в небытие отдельные имена и целые корпорации. И лишь незначительная часть сверхбогачей осознает свой, не классически капиталистический, основанный на личной (приватной) форме частной собственности, а, по существу, империалистический интерес, вытекающий из экономической силы капитала в соединении с силой неограниченной политической власти государства. И тогда уже не групповой, а личный интерес рассматривается как всеобщий, подчиняясь законам той же девиантности общественного поведения.

Как и активный элемент первой страны – люмпен-анархист, сверхбогач-активист одинаково социально опасен для социума. Маргинальное притяжение общественного дна и сверхобщественного могущества представляют собой крайности, которые неизбежно сходятся в криминогенности, правовом беспределе, нечеловеческом способе реализации своих потребностей.

Особый интерес представляют источники идеологической ориентации второй страны, так называемого среднего класса. В настоящих условиях в России по своему действительному положению ее представители стремительно, по экспоненте, приближаются к основной массе населения. Тогда как их образовательный уровень, происхождение, профессиональные качества выступают основой для мотивации и моделирования поведения этой страны в направлении элиты (как референтной группы, в данном случае).

Собственно, этот процесс отражается с предельной точностью в ходе переориентации идеологических целей (идеалов) интеллигенции от «глубокой мечты» проснуться в одно прекрасное утро признанными гениями или миллионерами (либерализм) к все более полному осознанию того, что, в сущности, из себя представляет ее действительное положение, и какое фактическое будущее уготовано активной частью «элиты» для этого «среднего класса». Сейчас этот процесс на стадии готовности признания социал-демократизма как течения политической идеологии и политической практики. А дальше?

Таким образом, с той или иной степенью различий именно эти три страты делегируют свои идеологические установки в качестве общезначимых, а активной частью страты и осознанных, интересов государству.

И получается, что проблема политической системности отношений в обществе – это вопрос перевода предлагаемого осознанного интереса каждой страты в защищенный, то есть, отраженный в действующем праве, при этом осознающий государственную политику как результирующую силу, где есть место реализации, но есть и необходимость ограничения. В этом корень проблемы, и в этом же сложность ее понимания.

Однако уже одно только понимание этого процесса делает возможным достижение политической демократии не в качестве предмета наукообразных дискуссий, а как условие перевода научной парадигмы в русло практической политической технологии (технологии политики, а не политиканства и интриг).

* * *

Несмотря на то, что вопрос о критериях принадлежности к среднему классу остается дискуссионным и открытым, а также неоднозначным остается и применимость критериев к российским реалиям, попытаемся сформулировать критерии отнесения к среднему классу¹⁴.

Социальное пространство объединяет множество полей, в каждом из которых индивид занимает определенную позицию. Для идентификации места индивида или группы в социальной стратификации наиболее важны социально-экономическое, социально-политическое и социально-культурное поля. Они взаимно пересекаются, и на эти поля проецируется положение индивида или группы в социальной иерархии.

Критерии выделения среднего класса в социальной структуре общества также можно представить как объективные и субъективные. К объективным относятся: уровень дохода, образование, власть, профессиональная принадлежность и т.п., так как в их основе лежат вполне объективные единицы измерения – деньги, годы, количество подчиненных. Субъек-

¹⁴ Молочников Н.Р., Крюченко Н.Н. Средний класс в России: критерии отнесения // Международный журнал экспериментального образования. 2013. № 11. С. 147–149.

тивные показатели: самооценка индивидом своего общественного статуса, круг общения, образ жизни, престиж и т.д.

Важным представляется мысль и о том, что среди основных подходов, используемых сегодня в российской социологии для определения среднего класса, четко выделяется следующее четыре.

Один из них, связанный с бытующим представлением о среднем классе как о массовом социальном субъекте, который характеризуется, прежде всего, сравнительно высоким жизненным стандартом и уровнем потребления – в качестве критерия выделения этого класса использует уровень душевого дохода или наличие определенного набора дорогостоящего имущества.

Второй подход связан с тем, что исследования среднего класса в современной России имеют не только академическое, но и политическое значение. Этот подход предполагает акцент при определении критериев среднего класса, прежде всего, не на имущественных, а на идентификационно-психологических характеристиках индивидов, поскольку именно они в наибольшей степени влияют на его социальное самоощущение и социально-политическое настроение и поведение. В этом случае средний класс выделяется на основе самоидентификации людей, «самозачисления» ими самих себя в состав среднего класса.

Третий подход, согласно которому средний класс делится на так называемый «новый» средний класс, включающий менеджеров и специалистов, являющихся владельцами развитого человеческого капитала или обладателями властного ресурса, и «старый» средний класс – классическую «мелкую буржуазию» или так называемый «малый бизнес», получающих дивиденды на свой экономический капитал, является достаточно яркой попыткой применения на практике к анализу среднего класса такого подхода, который может быть назван «ресурсным», и в основе которого – объем, тип и структура капитала, которым располагает тот или иной человек, домохозяйство и т.д.

Наконец, четвертый подход связан с попыткой комплексного применения в условиях России традиционных критериев выделения среднего класса (определенные профессиональные характеристики, образование, имущественно-доходные характеристики и самоидентификация). Подчас список этих критериев расширяется, и в него начинают включать и другие критерии, связанные со способностью среднего класса выполнять те или иные обычно ассоциирующиеся с ним функции – «стабилизатора» социально-политической и экономической жизни, «поставщика» высококвалифицированной рабочей силы, «распространителя» новых социально-экономических и социокультурных практик, носителя национальной культуры.

Так, по оценкам Центра стратегических исследований (ЦСИ), нижним порогом, позволяющим отнести домохозяйство к среднему классу,

в 2011 году являлся годовой доход в размере около 600 тыс. рублей на семью (\$20 тыс.) В крупных городах он был выше и составлял 900 тыс. рублей (\$30 тыс.). Верхней же границей среднего класса служил доход в 9 млн. рублей на семью в год (\$300 тыс.). Тогда картина была такова: доход более 600 тыс. рублей на семью (\$20 тыс.) имели примерно 15 млн. семей или 29 процентов населения страны. Если же принять в качестве нижней границы среднего класса доход в 900 тыс. рублей (\$30 тыс.) в год на семью, то к нему в России по итогам 2011 года относились 18 процентов населения, или 9,5 млн. семей. Доход более 9 млн. рублей (\$300 тыс.) на семью в год имели 237 тыс. семей или 0,5 процента населения страны. Доходом более 1 млн. долларов в год могли похвастаться 29 тыс. семей или менее 0,1 процента населения России.

Если перевести в цифрах обменного курса на паритет к 20–30 тысяч долларов в 2016 году, то количество семей с таким доходом составляет по данным Росстата 8,5–8,8 процента. При этом на общем фоне 22 млн. человек, находящихся за уровнем бедности, при дифференциации доходов, описываемой коэффициентом Джинни – 413, а коэффициент фондов доходит до разрыва в 15 раз. Но для нашего исследования важно другое. Социологический параметр группы населения (менее 10 %) не является формообразующим в процессе социальной стратификации. Схожим параметрам соответствует определение креативного класса, ставку на который сделали разработчики «Стратегии-2020», назвав его главным двигателем экономики России. По их мнению, это – люди «творческого труда, которые в ходе своей обычной работы создают инновации». «Креативный класс способен предложить что-то новое обществу и отличается от среднего большей степенью активности как в социальной, так и в экономической жизни страны».

Тем не менее, российскими политологами утверждается, что в России существует свой специфический средний класс, не похожий на западный. Но это не просто верно. Рассматривая третий подход и глядя на него с позиции компаративности, можно понять, что классический традиционный средний класс на западе появляется как трансформация значительного большинства третьего сословия при переходе от абсолютных монархий к буржуазной демократии. На этой основе верхушка рождает уровень буржуазного истаблшмента, а мелкотоварная масса – частных собственников и обслуживающих властные и экономические элиты ремесленников науки, культуры, образования, сферы услуг, и становится основанием среднего класса. Но в любом случае, это трансформация класса собственников.

В России ничего подобного практически не было. Период становления буржуазности из классики крепостничества был недолгим и незавершенным, а социально-экономические основы СССР вообще не предполагали таких возможностей. С этой точки зрения то, что называется средним

классом в современной России, являет собой четкую трансформацию наемного труда, обслуживающего верхушку олигархата, никакого отношения к собственности и, следовательно, укорененности в одной из главных формационных страт не имеет. В этом еще один ключ понимания ситуации с электоральной демократией и тем содержанием, которое реально в наших условиях под ней мыслится.

При этом особенно важным выводом необходимо считать то, что основой гражданского общества западных либеральных демократий является в силу его частнокапиталистического строения именно средний класс, тогда как в современной России это не класс, а сословие, отношение к собственности по преимуществу не имеющее, что неизбежно сказывается в электоральных предпочтениях, только примыкающее к одной из основных страт.

* * *

Несмотря на это, отечественная политическая наука берет на вооружение технологии политического моделирования, принятые в рамках атлантической парадигмы политической теории. Но представляется, что есть существенные различия в действительной системе политических отношений, которые описываются на Западе и реальным положением вещей в России.

Существующая в условиях относительно до недавнего времени стабильности, европейская и американская политические технологии, образно говоря, нацелены на шлифовку мастерства пилотов лайнеров сверхсовременной конструкции. Поэтому их не интересуют источники политических ориентаций и конкретный результат, выраженный в изменении системы отношений между общественными стратами. Предмет исследования составляет технологическая цепь, а не отражаемые в ней социально-экономические и политические реалии. Тогда как положение политологии в России сегодня требует не только строительства современного типа летательных аппаратов, но и создания самой теории воздухоплавания. И это в условиях нестабильности всей системы общественных отношений, на фоне неравновесной динамики процесса изменений бифуркационного типа.

Современное положение в России по большому счету отличается и источниками структуризационных процессов и неравномерным (и неравноправным) распределением части национального дохода по стратификационным единицам общества.

Так, если источником формирования институтов общественной организации в США были свободные в условиях пространства и технологии индивидуумы и их объединения, что привело к формированию национальных институтов снизу вверх, от единичного к всеобщему, то в России

1990-х годов происходили процессы прямо противоположного качества. Инновационные сдвиги инициировались сверху вниз, по воле третьей страты (а, точнее, ее активной части) без малейшего учета даже минимальных жизнеобеспечивающих потребностей основной массы населения.

Соответственно, рост благосостояния населения-колонистов США естественным путем приводил к росту богатства нации и, соответственно, адекватному распределению частей национального достояния между основными стратами гражданского общества (особо отметим, что речь идет лишь о тех субъектах общественных отношений, которые обладали всем объемом действительных прав такого гражданства). В современной России рост богатства активной части третьей, сверхбогатой, страты даже формально основывается на факте разграбления общенародной собственности (так называемая приватизация). И, таким образом, он с силой общественной закономерности ведет как к падению национального достояния, так и к резкому усилению дифференциации страт по той доле, которую каждая из них получает. А если принять во внимание тот факт, что первая и вторая страты количественно составляют абсолютное большинство населения страны, то рост сверхбогатства 6 процентов населения неизбежно вызовет (и вызывает в реальной жизни) унижение всего общества. И значит, противостояние первой и третьей страт, то есть большинства населения и элиты – не случайность и, тем более, не происки «красных» или «коричневых», а исторический факт, который отражает единственную достоверную политическую реальность современной России, закономерным следствием из которого является генерирование социальной напряженности и состояния конфликта.

С этой позиции логичным представляется следующий вывод: при стремлении к реализации своих идеологических ориентаций, существующих в России общественных страт в полном объеме, ни о какой форме политической стабильности невозможно вести речь по определению. Условием же хотя бы минимальной надежды на ее достижение является усечение объема притязаний, заложенных в политических идеологиях общественных страт.

* * *

Отсюда предельно понятным становится находящийся и сейчас в состоянии вялотекущего процесса коллапс всей законодательной ветви власти, практически полностью подчиненной интересам сверхбогатства, и уже даже не скрывающейся за одеяниями популизма. Тогда как парламент, отражающий в соответствии с избирательной технологией и функциональными обязанностями полные объемы не только трех страт, но и полные объемы идеологий других объектов общественной градации, должен стремиться перевести их все в статус защищенного правом интереса.

Конституционные основы института президентства (и всей системы исполнительной власти) позволяет ему, заняв позицию лишь одной (в наших реальных условиях – третьей) социальной страты, формализовать действующее право в соответствии с полным объемом идеологических ориентаций сверхмалой, но сверхбогатой элиты. Тем самым из всего объема гарантий Конституции выполняются лишь те ее части, которые гарантируют и защищают интересы верхних этажей элиты.

Законодательная и представительная власть – парламент – в реальности становится лишним, так как реальное представительство своих интересов в системе исполнительной власти имеет лишь третья страта.

Понимая, что в социуме качеством государственной, или общенациональной, идеологии обладает только функционирующее в данном обществе в своих оптимальных границах право, возможно под новым углом зрения посмотреть на отношение между понятиями права и идеологии, общества как публичноправового союза и государства как его политической формы (политическое общество).

Общество, в том числе и гражданское, понимаемое как совокупность различных групп составляющего его населения, генерирует многообразие культурных, моральных, научных идей, составляющих в своей совокупности общественное сознание. Применительно к гражданскому обществу, стержнем стратификации которого является экономический признак, и именно оно может быть как правовым, так и неправовым (так как именно право выступает в качестве интегрированного и защищенного интереса каждой страты в степени, достаточной и необходимой для функционирования общества как целого).

И именно здесь в свои права вступает государство, понимаемое как политическое общество. Если оно поставлено на службу одной из страт, то, являясь по отношению к обществу гражданскому его функцией, государство становится идеологическим, то есть подчиненным политической идеологии данной страты. Место права как интегрированного интереса всего гражданского общества занимает закон, как концентрированная политическая воля определенной страты (класса). В этом случае размываются как понятие общества и государства, так и собственно понятия права и идеологии.

Если общество в качестве публичноправового союза формирует функцию государства, как функцию своего интегрированного интереса, то его единственной идеологией выступает право, как доминирующая в этой сфере часть общественного сознания. И как сторона общественного сознания право не может быть выше экономического строя и уровня культуры данного общества. Следовательно, попытки законодательной власти сделать «правовую прививку» обществу, забегая далеко вперед складывающихся реальных отношений действительной жизни, также пагубно и опасно,

как и торможение старых структур в отношении «нового права», уже подготовленного ходом истории.

Еще хуже, когда исполнительная власть, опережая даже законодательную, административными мерами внедряет в практику экономической и социально-политической жизни общества конкретные формы деятельности. Ни экономика, ни политика, ни право не могут выдержать такого вторжения в их сферы. Не может быть готово в лице своих граждан к таким преобразованиям и общество. Яркий пример отечественной истории – вся эпопея приватизации и формирования не страты предпринимателей, а группы монопольно проедающих отечественные богатства «олигархов».

Особо необходимо сказать о том, что ведь не история или какое-либо провидение изменяет в тот или иной период систему жизненных условий. Деятельные люди, опираясь на свои потребности и интересы, в силу исторических условий и сообразно им преобразуют окружающую среду: общество, государство и самих себя. Деятельные люди, наделенные сознанием, функционирующие которого имеет свои внутренние закономерности! И как индивидуальное сознание человека не в состоянии представить себе того, чего конкретный человек не знает, так и общественное сознание способно отражать только то, что-либо уже существует в действительности либо подготовлено ходом объективного исторического процесса.

Причем, поскольку общество разнородно, многопланово, а общественное сознание как целое индивидуализируется в конкретном сознании человека по-разному, то даже в нормальных, стабильных условиях ведущие идеи не складываются у всех людей одновременно, то одной из главных задач, стоящих перед обществом, является формирование общественного сознания, которое было бы адекватно, с одной стороны, действительным условиям жизни, с другой – целям кардинальных общественных реформ, способных изменить эти условия в сторону развертывания исторического прогресса.

* * *

Значительно сложнее обстоит дело с изменением и общественного, и индивидуального сознания в переломные, внутренне противоречивые и нестабильные моменты истории.

Сознание в момент складывания общественного основания, нового, отрицающего старое основание, но одновременно являющегося разрешением старого общественного противоречия флуктуирует в границах взаимосоприкасающихся систем старого и нового. Основное противоречие старой системы общественных отношений, разрешаясь, рождает новое, внутреннее единство, которое должно определить вектор дальнейшего движения. Тогда в момент, когда снимается старое противоречие и только возникает новое основание, сознание действительно опережает действи-

тельное движение. Но опережает в целом, чаще всего ошибаясь в частностях и определениях, то есть опережает, взятое в своей абстракции, а дальнейший путь изменения представляется следующим.

Основание, то есть новое противоречие, реализует себя в действительности, и конкретное сознание уже не может опережать движения конкретной действительности. Оно отстает, формируясь одновременно, параллельно с развитием основания, разделяя колебания сторон нового общественного противоречия. Именно данный феномен в состоянии прояснить многие процессы, происходящие в общественном сознании России.

После известных событий прошлых лет общественное сознание нашего социума раскололось. Разлом произошел фактически по всем линиям общественных оснований: этническим (национальным), религиозным, культурным, экономическим. При этом вектор изменений действительности и, соответственно, идеологически отраженных в сознании, определился разрушением целого в интересах его частей, причем, как правило, значительно меньших, чем основная масса населения.

В соответствии с законом гомеостазиса, общественное сознание ощутило (продемонстрировало?) огромную силу инерции. Тем более, что вектор изменения действительности был направлен не просто в сторону отдельных частей, но стал прямо противоположен коренным интересам большинства.

Советское право, став как бы обычным правом, его традицией и привычкой, позволило и до сих пор позволяет обществу выжить, не распадаясь полностью, так как данное обычное право выступает той естественной скрепой, в границах которой еще существует общественная мораль, нравственность, национальная и интернациональная культура, равное отношение к труду, его результатам (собственности) и непосредственно к людям. Это касается мировосприятия и модели поведения первой и частично второй страт гражданского общества.

С этой точки зрения, вторая страта, сознание и идеологические ориентации которой колеблются между полюсами референтных групп первой и третьей, действительно пытается реализовать всеобщий интерес в сфере действующего права с большей или меньшей степенью адекватности. Тогда как единственным условием реализации политических интересов элиты выступает инновационное право, иначе понимаемое как революционная целесообразность. То есть, осуществить свой экономический интерес представители третьей страты могут только путем насильственного изменения отношений действительности.

При этом характерным представляется следующий факт: основная масса населения не имеет реальной возможности ни формировать систему действующего права, ни тем более осуществлять контроль за его реализацией. Тогда как эта, имеющая непереоценимое значение работа,

поручена представителям именно второй, наиболее неустойчивой в своей мотивации, общественной страты.

И если в отношении первой и второй страт существует возможность общественного согласия, без существенных ограничений социальных, политических и идеологических притязаний, то союз идеологических интересов первой и третьей страт (основного населения и элиты) в нынешних конкретно-исторических условиях практически невозможен. По крайней мере, без существенных и сущностных ограничений идеологических притязаний сверхбогачей. Поэтому до тех пор, пока сохраняется статус-кво современных политических реалий в России, вести речь о реальном демократическом электоральном процессе беспредметно.

* * *

В результате вырисовывается технологическая система, где алгоритмом, задающим систему отсчета и ее размерности, выступает определение функции государства как политического общества. И здесь, в современных условиях развития России, возможны, с нашей точки зрения, только два варианта.

Первый: признать, что идеология российского государства – функционирующее право – обеспечивает не интересы всего спектра общественных отношений, а выступает лишь в качестве защищенного интереса элиты. Тогда государство становится на защиту элитных интересов и за счет ущемления или подавления интересов других страт добивается их полной реализации. В настоящих условиях это означает противостояние основной части населения элите. И для того, чтобы добиться изменения действительности, государству необходимо подавлять инерцию общественного сознания, особенно в части действия законов обычного для прежнего образа жизни права. Согласно законам физики, описывающим взаимодействие сил, сила любого воздействия равна силе противодействия, но противоположна по знаку (направлению действия этой силы реакции опоры). Сила выражает отношение массы и ускорения. Применительно к общественным явлениям, мы можем постулировать, что для реализации интересов одной группы против воли другой необходимо либо изменить ориентацию основной массы участников процесса, либо резко ускорить реальный ход реформ.

Основная масса населения реформы, ведущие к ее обнищанию, не поддерживает. Следовательно, необходим инновационный рывок в праве и резкое ускорение капитализации, то есть реализации действительных интересов элиты. В политических реалиях это означает новый виток «шоковой терапии» (но уже в новых конфликтных условиях), невозможный без карательно-репрессивных механизмов ее обеспечения. То есть, на повестку дня выходит «пиночетовский» сценарий, но без соответствующей

исторической традиции и без наличия широко представленного «среднего класса». Достижение демократии подобным путем весьма проблематично, а вот превращение всех общественных противоречий общества как целого, то есть религиозных, национальных и политических в антагонистические и, коль скоро функцию идеологии элиты берет на себя государство, то и в антигосударственные, вырастает до размеров реального общественного факта. И вопрос социального взрыва становится лишь вопросом времени и скорости «реформирования».

Второй вариант заключается в постановке государства на службу интегрированному интересу общества. И хотя он предполагает значительное усечение идеологических притязаний каждой из реально существующих сегодня страт, но не требует ускорения (шока) и опирается на интересы социального большинства. Более того, если господство одной страты предполагает исключение реализации интересов остальных или обеспечение их защиты в той мере, в какой это выгодно элите, то интегрированный интерес основной массы населения позволяет реализовать действительное многообразие, в том числе форм собственности и хозяйствования, политического представительства всех страт и идеологического плюрализма.

В этом и только в этом случае политические групповые идеологии превращаются в частные по отношению к государству интересы. Они им не регулируются и не контролируются (естественно, если реализация любого группового частного интереса осуществляется в рамках действующего законодательства) и тем самым реализуются в действительности как мировоззрение, культура, религия, укрепляя и обогащая историческую традицию как конкретного субъекта гражданского общества, так и морально-нравственные устои самого реального социума. Декларированные Конституцией права граждан и их объединений становятся основой единства правосознания общества, защищенные системой функционирующего права, а право – государственной идеологией, а само государство – функцией его реализации и защиты в сфере конкретной политической деятельности. И в этом качестве оно выступает уже как субъект международного права, а общественное сознание России, интегрированное в своих действительных экономических, социальных, национальных и культурных интересах, действует на мировой арене как реальная общенациональная (государственная) идеология, уважение к которой со стороны других субъектов мирового политического процесса гарантировано уважением к ней граждан Российской Федерации, как частный случай, эффективный лишь в границах устойчивого развития и стабильности политической системы.

Сказанное отчетливо указывает на то, что процесс поиска какой-либо идеологии в головах «интеллектуалов» или в кабинетах официальной политики имеет нулевую эффективность не в силу того, что идеологии не существует как феномена социальной действительности. Здесь предельно

ясно другое. Формирующиеся в настоящее время и еще сохраняющиеся идеологические воззрения отражают ту часть современной реальности, которая не находится в поле интересов тех субъектов, которые ее ищут. В связи с этим представляется необходимым сделать небольшой экскурс в теоретические основания понятий общественного сознания, мировоззрения и идеологии.

Если статья на точку зрения теоретиков либерализма и согласиться, что субъективное начало в жизнедеятельности общественного организма является доминирующим, тогда изучение сформулированной задачи изначально будет заведено в тупик. Ибо если в данном конкретном обществе отсутствует общая идея – субъективное начало, – а именно это подразумевается либералами, то следовательно, задача сводится к необходимости такую идеологию создать. Но это сразу приводит к такому следствию, как необходимость подогнать под идеальную схему, подобную идейно-типическим картинам мира М. Вебера, всю многоуровневую и множественную систему социальной реальности. Представляется, что дальнейший ход подобной технологии в истории хорошо известен: он именовался тоталитаризмом, а сегодня более распространено такое его определение, как социальный эксперимент над судьбами стран и народов.

Собственно, коллизия здесь проста. В обществе отсутствует как раз то, что по мнению либеральных ортодоксов составляет его исходное начало, его источник развития и функционирования – субъективный фактор. Тот самый дух, который оживляет и запускает механизмы и функции конкретно-исторического типа социального устройства. Логически – это тавтология; практически – порочный круг неверной методологии, войдя в который, невозможно отыскать выхода. В этой системе его просто не существует.

С позиции историко-материалистической методологии общественное бытие определяет общественное сознание. При этом понятия «бытие» и «сознание» не берутся в качестве дихотомий. Это – заданные жизнью реальности, для субъективной возможности количественных измерений которой мы пользуемся категориальным аппаратом методологии. Значит, реальная система сложившихся в данном обществе отношений формирует в нем и соответствующую, как положительную, так и, возможно, негативную, систему взглядов, представлений и идей.

Рождаясь в человеческой практике, формирующиеся идеи, отражая закономерности и тенденции мира, в то же время могут либо совпадать либо не совпадать с действительностью, а точнее, с ее законами. В случае совпадения система взглядов людей как субъективный фактор способствует развитию всей системы общественных отношений. Случай же несовпадения или даже противоречия между идеями и реальностью сам имеет двойственную природу и двоякое решение. Если мировоззрение большинства населения или его активной части по содержанию антипрогрессивно, то общество неизбежно приходит в упадок. Если же вектор

наличного противоречия содержит положительное для природы социальных отношений решение, то есть, если идеи общества оказываются способными преодолеть инерцию социального гомеостаза, то в таком обществе в зависимости от конкретно-исторического соотношения прогрессивных и реакционных социальных сил происходит мирное или насильственное революционное преобразование¹⁵. Это означает, что в момент бифуркации социальных систем общественное сознание, во-первых, может совпадать или не совпадать с выбором полной эмерджентной социальной системы и, во-вторых, именно характер идей, господствующих в социальной среде, отражая действительное соотношение сил прогресса и реакции, определяет и степень полноты, и характер реализации системного вызова.

* * *

Итак, общественное сознание есть отражение в головах людей, представляющих общество как социальное целое, системы реально существующих в его границах общественных отношений. При этом для нас сейчас представляется совершенно неважным, в какой степени они сами являются производными от таких глубинных общественных оснований, как процесс разделения общественного труда и формы его кооперации или, в конечном счете, как они соотносятся с отношением к результату общественного труда, то есть, с конкретно-исторической формой собственности.

Однако само наличие общественного сознания, по крайней мере, до настоящего времени – не факт, а эмпирическое обобщение. В реальности существует то, что принято называть мировоззрением, то есть, та система взглядов, представлений и идей, которая существует не в абстрактном поле общественного сознания, а в голове каждого конкретного человека. В зависимости от того, ощущает ли на сознательном уровне действие этих взглядов, представлений и идей конкретный деятельный человек в своей повседневной практике, мировоззрение может проявляться либо в форме обыденного сознания, либо принимать качество научного знания. Но даже в последнем случае оно еще не становится идеологией.

Лишь получая адекватное отражение в строгой научной теории, описывающей закономерности возникновения (производства), функционирования и распространения общественно-значимых идей в социуме, мировоззрение в качестве научного уровня организации общественного сознания превращается в идеологию. Взятая в качестве отражения на этом уровне коренных интересов определенного субъекта политического процесса она выступает

¹⁵ Особо подчеркнем: мирного или насильственного, но всегда революционного преобразования. С моей точки зрения, дихотомия «революция – эволюция» более правильная, чем ошибочное противопоставление «насильственный революционный или мирный пути». Революции, как имманентная часть процесса развития сложных самоорганизующихся систем, являются объективно закономерными. Это не предмет политической идеализации, а естественный закон развития систем.

как политическая идеология. Особо важной целью идеологии как стороны общественного сознания выступает, таким образом, способность к социализации и мобилизации всех ресурсов социального управления.

С этих позиций объемы понятий социализации и идеологического обеспечения практически совпадают. Суть заключается в том, что как нет идеологии «вообще», так нет и идеологического обеспечения «вообще». Каждой идеологии предшествует «объективная истина, абсолютная природа»¹⁶. Так и идеологическому обеспечению предшествует реальная социальная установка.

В идеологии отражаются отношения личности к материальному бытию, опосредованные групповым социальным интересом, ибо адекватное отражение реальной действительности, отношение личности к ней, в полном объеме реализуется в науке. В равной мере, как и соотношение идеологического обеспечения конкретной задачи с ее научно обоснованным решением. В той степени, в какой идеология действительно стремится стать, а в условиях совпадения долговременной социальной стратегии и действия формообразующих социальных «законов сборки» данной социальной системы и действительно становится наукой, идеологическое обеспечение конкретной задачи совпадает с уровнем ее научного решения, не опосредуясь иллюзорными формами сознания. Такое движение понятий применительно к конкретно сформулированной задаче социализации и мобилизации общественных ресурсов означает, что ее решение, поставленное на действительно научную основу, является в соответствующих условиях моментом идеологического обеспечения одной из сторон структурной организации социума, точнее, именно идеологическое обеспечение есть превращенная форма необходимости социализации масс, политическая квалификация которых могла бы соответствовать задачам избранного прогрессивного вектора развития общества. В общем, это не новое утверждение. Так как этимология слова «идеология» четко приводит нас не к описанию конкретного уровня феномена общественного сознания, а к конкретной дефиниции: идеология – это наука об идеях. Наука, а не феномен.

Особенно важно данное понимание для действия политической элиты или контрэлиты, претендующей на лидирующую роль в государственном руководстве в переходные моменты, когда вектор развития системы (или ее распада) зависит от уровня и характера социальной поддержки власти.

Во-первых, в условиях становления социальной структуры и действия ее интегративных «законов сборки» важен момент совпадения стратегии системных целей общества и конкретного направления усилий политического руководства. Только в этом случае политические задачи долговременной исторической перспективы могут совпадать с конечной целью – содержа-

¹⁶ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 18. С. 138.

нием конкретной социальной системы. Тогда идеологическая деятельность, в полном объеме этого понятия, политической элиты (но не государства) и поддерживающих ее социальных страт и институтов совпадает с конкретными формами идеологического обеспечения главной стратегической задачи. То есть, появляется необходимость приведения уровня политического сознания общества с уровнем объективного осознания стратегической перспективной задачи даже, если хотите, в форме утопии. А ее поддержание в качестве объективной реальности или мифа осуществляется через систему идеологического обеспечения социально-экономических, политических и духовных условий существования людей.

Во-вторых, совпадение объективных задач социального прогресса в коренных установках общественной стратегии приводит к тому, что по мере изменения условий существования общества его интересы получают непосредственное отражение в теории, нацеливая всю систему гражданского общества на их постоянное, последовательное практическое осуществление. Необходимым инструментом реализации этого интереса выступают социальное прогнозирование и моделирование, обеспечивающие координацию реализации конкретных вопросов и форм повышения материального уровня развития общества. Коренные интересы стратегии социального прогресса через идеологическое обеспечение интересов конкретных социальных страт (классов, групп, слоев) и институтов общества, индивидуальных интересов людей получают свое выражение в процессе их духовной и материальной реализации.

Следовательно, социум, в лице своих движущих сил – социальных страт, оформленных в политические партии, общественные движения и институты, в действительности выступает субъектом производства политической информации – идеологического знания. Но реализует его социум не непосредственно. В условиях социальной неоднородности и различия интересов элиты и контрэлиты; культур, субкультур и контркультур свои политические интересы, уже в качестве политической идеологии, социум реализует через деятельность субъектов политического процесса – партии и движения, а интегрированный системный общественный интерес реализуется через официально функционирующее законодательство – право.

В первом случае распространение идеологического знания осуществляется посредством идеологической деятельности субъектов политической жизни общества. И никуда от этого факта не деться, как бы он не мимикрировал в словесной шелухе либерализма. Ибо справедливо сказано, что нельзя жить в обществе и быть свободным от него. Вопрос лишь в границе меры проникновения и контроля.

В качестве своей теоретической функции идеологическая деятельность элиты направлена на развитие теоретической базы и перспективное исследование путей реализации стратегического курса как интегрирующий момент в отражении объективной реальности в синтезе с достижениями

обществознания. Ее суть – содержание духовных оснований избранной стратегии. Основной функцией идеологической деятельности в этом случае выступает функция производства идеологического знания – знания, которое в условиях выбора социальной стратегии превращает любое научное знание, любую науку в мировоззренческую.

В своей практической функции идеологическая деятельность субъектов политического процесса выступает в форме идеологического обеспечения конкретных социальных, экономических или духовных задач с целью мобилизации ресурсов и рекрутирования последователей на их успешную реализацию.

Главной функцией идеологического обеспечения выступает распространение идеологического знания, передача его смысла от элиты к последователям, активной части социальных страт и собственно обществу с целью, во-первых, подъема политического самосознания, формирования действительно научного мировоззрения как идейной базы программы конкретного субъекта политического процесса; во-вторых, через осознанный характер участников политического процесса на реализацию конкретных ближайших и перспективных стратегических политических задач.

Стало быть, в системе сложившихся общественных отношений, особенно в переходные периоды, появляется возможность идеологически, то есть с позиций осознанных перспектив развития, обеспечить социально-экономические, политические и духовные аспекты развития членов общества. Отражая коренные интересы социальной стратегии, в которой интегрированно выражаются интересы социальных слоев, страт, групп и индивидов, ориентируясь при этом на системные цели социума, идеология как политическая наука через функции идеологической деятельности и идеологического обеспечения получает возможность определять основное направление социального прогресса.

* * *

В заключение необходимо сказать о движущих силах политического процесса в свете рассматриваемой темы.

При рассмотрении механизма складывания общественно-экономических формаций лежащие в его основе противоречия способа производства выводы предварительного анализа позволили говорить, во-первых, о вторичности форм собственности по отношению к процессу общественного разделения труда; во-вторых, о том, что производство и распределение ресурсов власти так же являются процессами разделения общественно-значимых функций. На базе этого было отмечено, что, скорее всего, период расцвета общественно-экономической формации приходится на период дробления господствующей (независимо от характера, то есть конкретных общественных или частных ее

форм) формы собственности, тогда как процесс предельной концентрации власти находится в границах конкретного социума в обратно-пропорциональной зависимости, то есть определяется монопольным проявлением той же господствующей формы собственности.

Тогда становится понятным и достаточно четким процесс ненаправленных флуктуаций в сфере экономической, политической и социальной стратификации, открытый известным русским социологом П. А. Сорокиным. А также четко прорисовываются контуры общих черт и различий либерализма и этатизма и как идеологий, и как парадигм научного знания, и в качестве реалий практики социально-экономической и политической систем реально существующего общественного организма.

Поясним нашу мысль. Во-первых, если период наивысшего расцвета формации приходится на момент наибольшего дробления господствующей в социуме формы собственности, то ее реальным носителем является достаточно широкий слой (страта, класс, группа) общества. Все мужское население античности, класс феодалов-землевладельцев, классическое третье сословие – мелкая и средняя (массовая) часть буржуазии в государствах нового времени.

Собственность, точнее, владение ею в таких широких масштабах, сочетается (даже вызывает его) со статусом гражданина данного общества, наделенного всеми правами и свободами, направленными вовнутрь статуса, в его границах имеющая все возможности автохтонного их удовлетворения. Естественно, что власть государства является для этого класса собственников лишь внешним фактором, необходимой функцией которого становится не только регулирование процессов производства и обмена собственности, они удовлетворяются в своем ареале, автономно и на основании самодостаточности; единственной функцией такого государства является функция силовой защиты тех прав и свобод, которые в рамках господствующей формы собственности и вместе с ней как реальной экономической властью воспроизводится посредством механизмов соответствующего типа разделения общественного труда (и власти).

Конкретно-исторические формы собственности и типы государственного устройства, естественно, различны, возможно, даже уникальны, но закон обратно-пропорциональной зависимости количества собственности и государственной власти, как и конкретное соотношение объемов прав и обязанностей граждан (как собственников) любого государства и, фактически, механизмы их реализации, представляются скалярными величинами, константами всех мыслимых форм социального устройства.

Поэтому принципы классического капитализма, определяющего роль государства как «ночного сторожа», не нова – она всегда реализуется практикой обществ, где господствующая форма собственности дробится, делая эффективным процесс разделения труда и способ производства всей системы материальных и духовных благ.

И во-вторых, наоборот, период превращения господствующей формы собственности в абсолютную монополию свидетельствует о падении ее экономической и общественной эффективности, сужает, а то и фактически отчуждает, ограничивает круг реальных собственников, то есть граждан государства, тем самым действительно лишая их статуса, прав и свобод. И опять-таки совершенно безотносительно того, в какую историческую эпоху, в каком конкретном обществе и на основе конкретно какой формы собственности это происходит.

В этом случае, согласно закону обратно-пропорциональной зависимости, происходит процесс изменения функций власти как внутри класса собственников, так и в обществе в целом. Так как реальным статусом граждан, основанном на экономической власти монопольной формы собственности, выступает узкая группа субъектов, то, во-первых, остальная часть собственников переходит в статус зависимого населения и выступает если не антагонистом, то уже и не союзником; во-вторых, если группа монополистов не в состоянии ни реализовать свои права и свободы без ответной реакции масс, ни защитить собственный статус, пользуясь классическими механизмами конкретного способа производства, так как они перерастают его границы, запретная, по отношению к гражданскому обществу (обществу собственников) функция государства превращается в охранительную грамоту плутократии, государственность принимает форму господствующего этатизма. А когда процессы монополизации и отчуждения доходят до запредельных, для данного способа производства уровня и, следовательно, *предопределяют* либо очередной метаморфоз (если это возможно), либо смену формы собственности, государство становится абсолютным: теократическим, как в Древнем Египте, Римской империи, *формальным абсолютизмом государств нового времени или автократией некоторых государств новейшего периода истории.*

Значит, изменение разделения труда и форм собственности вызывает ненаправленные флуктуации экономической, политической и профессиональной стратификации, тем самым определяя темпы и интенсивность социальной мобильности общества, означая вызов неэффективности господствующих форм собственности и власти.

Поскольку можно считать исторически доказанным, что отношения господства-подчинения появляются раньше других, в том числе раньше первых крупных разделений общественного труда, то можно сказать, что собственно власть занимает базисное положение на фоне таких категорий как собственность и право. Это особенно важно при анализе таких переходных состояний общественных организаций, как состояния государств, включенных объективным ходом истории или, чаще по внешнему принуждению, в современные процессы модернизации. Это влияние настолько велико, что позволяет говорить о совершенно

новом феномене социального процесса – так называемой «революции управляющих»¹⁷.

Суть процесса возрастания роли управляющих-менеджеров состоит в современном производстве в широком смысле: от производства материальных благ и услуг до производства функций и структуры власти, в развертывании общего тренда современности в сфере отделения собственности от управления. Более широко – в устойчивом нарастании доминирования в дихотомии труда и капитала именно процесса усиления роли труда. Пожалуй, в этом и ключ в понимании складывания оснований новой формы организации социальных общностей, называемой сегодня информационным обществом или постиндустриальной цивилизацией.

Являясь объективной тенденцией общественного развития, данное явление представляется внутренне противоречивым, как и все предшествующие стадии развертывания доминант собственности, права, товарно-денежных отношений и капитала. Одним из проявлений данной противоречивости выступает основная роль социальных групп управляющих. Она может быть определена на основе следующих моментов:

1) наличие доступа к технологии осуществления той власти, которая в обществе осуществляется сувереном (или высшим должностным лицом), а в производственных процессах – собственником средств производства или продукта труда. Наличие подобной возможности становится главным предлогом интриг, в результате которых ее второстепенный характер блокируется властными полномочиями де-факто, а соперники просто устраняются;

2) возможность манипулировать правом распоряжения распорядительными правами как главная особенность выдвигает управляющих в первые ряды действительных носителей власти;

3) право распоряжения распорядительными правами становится стимулом процесса перевода интереса управляющих к усилению статуса: в политике – из статуса последователя в статус формального лидера; в экономике – статус власти конвертация интереса распоряжения собственностью от имени владельца в статус формального владения этой собственностью.

Налицо факт: изменение качественных параметров социальной организации общества неизбежно влечет за собой изменение качества властных ресурсов: в экономике, политике, идеологии. Тогда степень возможности влияния на процессы формирования стратегии и цели общественного движения напрямую зависят от того, в чьих руках находятся распределительные механизмы и, в особенности, контроль над самим процессом распределения распределительных прав. В силу исторически сложившихся

¹⁷ См.: Дзарасов С. С. Российский путь: либерализм или социал-демократизм. М, 1994.

традиций, отмеченного отсутствия эффективных источников первоначального накопления капитала и особенностей современного состояния России, на роль таких управляющих в нашем обществе реально претендует только один «фигурант» – государственный чиновник.

Посмотрим на факты: Римская империя в период перехода к колонату как форме уже не рабовладельческого, но еще и не крепостного земледелия, представляет собой череду смен «солдатских» императоров (да, здесь еще важно то, что в качестве управляющих является ведь не собственнический (монопольный) слой, а выразители в наиболее адекватной характеру и уровню общественного развития форме организационно-управляющих (властных) структур). В этот период Римской истории такими субъектами выступали полководцы. Распад империи Карла Великого характеризуется революцией мажордомов, представляющих государственную (как формальную) власть на основе обладания функцией действительного распоряжения распорядительными полномочиями. Борис Годунов, Иосиф Сталин, Франклин Рузвельт, Дэн Сяопин – за каждым из этих имен стоит аналогичная история революции управляющих (государственной бюрократии) – показатель стагнации господствующей формы собственности и грядущего экономического и политического, а при соответствующей глубине умножающихся противоречий, кризиса и смены способа производства и общественно-экономической формации.

Чрезвычайно актуален и важен в данном контексте следующий вывод. Революция управляющих (бюрократии) представляется не только индикатором перемен и начальной стадией формационного метаморфоза, она еще и закономерный процесс общественного развития. Ни либерализм, ни социализм как полюса общественных, исторически сложившихся идеалов, не могут ни существовать раздельно, ни сливаться в едином конкретно-историческом процессе. Следовательно, флуктуируя внешне ненаправленно, в периоды относительно стабильного развития социальной системы они попеременно сменяют друг друга в качестве общественных парадигм в их той или иной конкретно-исторической интерпретации и как коллективистская или индивидуалистская общественная традиция.

Но в периоды исторических разломов, когда себя реализует лишь одна альтернатива – или инновационный сдвиг, в этом случае, как правило, представляющий собой смену общественно-экономической формации, или деградация – противоречие между полюсами достигает колоссального напряжения, и ни одна из сторон не может (вся история человечества это подтверждает) сразу и необратимо себя реализовать.

Объективно необходимым условием простого выживания общества в этих условиях выступает переходный период. Его содержательная нагрузка – подготовка или завершение складывания условий социального сдвига, модернизации или смены господствующей формы собственности

и ее реального основания – процесса общественного разделения труда. Как правило, формой организации политической системы в переходный период выступает конкретно-историческая форма доминирующего этатизма – абсолютное (теократическое или бюрократическое) государство.

Социальным слоем в ситуации нестабильности политических отношений в совокупности с неравномерным и неравноправным действием различных групп, доходящих в проявлении иногда до состояния антагонизма, экономических законов, в условиях упадка старой и становления новой структуры господствующей формы собственности, который может реально удерживать единственную ценность, имеющую реальное значение – власть, выступает слой (страта, класс, группа) управляющих, так как в его руках находится право не обладания собственностью (и, следовательно, нет зависимости от этого обладания), а реальный механизм распределения статусов (в том числе, возможно, и статуса собственника) – функция, субъективный характер которой становится формообразующим фактором складывания новой политической системы. И лишь затем реализуется (или нет) в зависимости от конкретно-исторической обстановки, экономических кризисов, соотношения политических сил, примата идеологической иллюзии, традиций и парадигм мышления, и начинается осуществляться процесс конверсии политического статуса управляющих в статус собственников реального экономического ресурса, если сам метаморфоз разворачивается в плоскости модернизации той же самой (а, возможно, и предшествующей, нижнепорядковой стадии социальной организации) господствующей формы собственности; или, наоборот пропорционально, по мере складывания нового широкого слоя собственников, изменения социальной системы переходят в новую (для предшествующего периода уже недостижимую) стадию – первую пульсацию социальной мобильности уже нового общественного строя, когда весь класс управляющих опускается в реликтовую, в новых условиях общественно незначимую, сферу социального бытия. Новые собственники становятся действительными гражданами государства, получая права и свободы, вновь оставляя государству лишь внешнюю, по отношению к их статусу собственников и граждан, функцию защиты.

Цикл завершается и исторический процесс вступает в новую фазу своего развития. Естественно, каждый цикл конкретной истории государства и права уникален, и его описание принадлежит сфере чистой истории. Но, как показано в процессе анализа, в качестве модели, общих типичных черт и механизмов их реализации, он не в сознании, а в реальности имеет общие закономерности, анализ которых возможен уже в рамках философии истории, социальных и политических наук.

В строгих научных границах последних исторический цикл приобретает особую актуальность для современного развития России. Ибо если закономерности смены формаций, революционных и цивилизационных

сдвигов, механизмы реализации и исторический опыт других народов, социумов и цивилизаций в качестве методологических карт применимы к процессам экономики, политики и идеологии Российского государства, то это может иметь важное прикладное, практическое значение в их понимании и правильном, с точки зрения социального прогресса, применении в практике реформ. С этой точки зрения несомненный интерес представляет возможность анализировать процессы, происходящие в нашей стране, интерпретировать их с принципиально и качественно иных позиций, по сравнению с их описанием как в отечественной, так и в западной, либеральной или социалистической научных парадигмах.

Ответ на общецивилизационный вызов конца прошлого – начала нашего столетия, смысл и содержание которого заключались уже не просто в отказе от классических механизмов капиталистического способа производства, но и от форм и механизмов реализации его высшей и последней (что в действительности подтвердили более поздние цивилизационные процессы) – государственно-монополистической, – получил адекватный ответ во всех эпицентрах, но с разной степенью и неравномерной реализацией в конкретно-исторических формах общественно-государственного устройства конкретных стран мирового сообщества. Так, в США это был «новый курс» уже упомянутого Ф.Д. Рузвельта и кейнсианство как его научное обоснование; в европейских империалистических государствах – фашизм и нацизм (а позднее – голлизм); в Японии – военно-полицейский режим.

В нашей стране ответ на исторический вызов модернизации и цивилизационного сдвига был дан в форме реального социализма. Но если в США метаморфоз за счет неиспользованных возможностей и своеобразной традиции произошел (и длится до сих пор, лишь неравномерно флуктуируя к своим полюсам) в плоскости той же самой частной собственности, колеблющейся периодически от уже невозможных в чистом виде либеральных форм и государственно-монополистического капитализма (ГМК); в Европе с поражением в войне процесс пошел под патронатом доминирования американских ресурсов власти и собственности, то есть, под действием внешнего фактора, лишь в последние годы вновь обретающим свое традиционное лицо (особое место здесь мог бы занять анализ скандинавской модели цивилизационного сдвига); то в России собственно революционный, то есть переходный в своем качественном содержании процесс остановился на революции управляющих. То есть, с этих позиций обо всем периоде существования СССР можно говорить как о растянутом в нашем историческом времени переходном периоде.

Это стало возможным, во-первых, потому, что Октябрьская революция вслед за Парижской Коммуной попыталась дать ответ на фактический, то есть полный, объем исторического вызова – переход не к модернизации, понимаемой как фаза системного развития, а к смене качественно, принципиально различных по характеру и уровню социальных систем.

Во-вторых, так называемый переход начался в отсутствие благоприятных сопутствующих внешних факторов, наоборот, они, включая военную угрозу, во многом жестко детерминировали застывание революционного сдвига в границах его переходного периода и, в-третьих, в действительности, в силу исторического своеобразия, специфики и качественных особенностей этнической истории России и ее социально-экономических и политических форм.

Но для нас сейчас принципиально важно не это. По-настоящему интересным представляется то, что, выполнив ряд позитивных функций, таких как предотвращение экономической, социальной и военной катастроф, складывание единого мощного индустриального государства с лидирующей ролью в мировом геополитическом пространстве, революция управляющих не смогла (объективно или под воздействием субъективных, идеальных целей) решить свою главную задачу – осуществить конверсию основанной на общественном разделении труда господствующей формы собственности.

Превратившись в самоцель, революция управляющих не адаптировала к новым условиям старую собственность, понимаемую как частнокапиталистическая, и не осуществила перехода к новой – общественной – форме собственности на средства производства и результаты общественно-полезного труда. И в первом, и во втором случаях она (революция управляющих) могла бы считаться завершенной тогда, когда господствующая форма собственности получила бы максимальную тенденцию к дробности, рождая мощный класс своих носителей и, естественно, свободных (даже по отношению к ней), полноправных граждан общества. Роль государства закономерно свелась бы к охранным, внешним функциям, статус управляющих, как субъектов власти, перешел бы в статус реальных собственников как ее реальных носителей (причем, скалярно, так как, по-видимому, этот процесс не зависит от вектора социального движения, то есть от конкретной формы собственности в ее историческом проявлении). В границах складывающейся системы социальных отношений были бы заполнены все имеющиеся ниши, и она была бы готова к действительному и эффективному функционированию.

Но абсолютно естественное состояние государства, присущее ему в переходный период на любом отрезке истории, в России принимает не переходную, а как бы системную форму¹⁸. Новое качество – общественная собственность – лишь рядится в старые бюрократические формы и присутствует в идеологических построениях партийно-государственной пропаганды, а позднее – в реальном массовом образе жизни и общественном сознании (вот где действительная трагедия сегодняшнего дня). Но иначе и быть не могло, даже если исходить не из либерализма, классического

¹⁸ В предшествующих работах я ввел этот феномен в научный оборот под названием «революции».

марксизма или социал-демократизма, а даже из ленинского варианта теории социалистической революции.

При неготовности объективных факторов главным формообразующим и детерминирующим становится субъективный. Но все дело в том, что реальным субъективным фактором цивилизационного сдвига или возможности смены общественно-экономической формации является не наличие политической власти в руках гегемона, да и не класса, а вначале лишь его идеологов из старого господствующего слоя, а затем управляющей номенклатуры – имманентно выражающей интересы не основной политической системы – взглядов, традиций и образа жизни трудящегося населения, а собственно государства как самодостаточной и самодовлеющей структуры.

И еще об одной новелле современного методологического прочтения ситуации с демократическим выбором.

В прошлом веке элита развивающихся стран, вышедших из состояния колониальной зависимости, делилась на национальную и компрадорскую. В третьем тысячелетии появляется компрадорский тип государства, подчиняющий свою функциональную деятельность чуждому для национальной культуры коренному интересу. Более того, это уже не государство-аргумент и не государство-функция. Это – государство-посредник, государство-брокер. Оно не создает национальное богатство, а в виде ресурсов распродает его; оно не зарабатывает деньги, приращивая материальный национальный продукт, а живет на биржевой процент от мировой распродажи собственного народа, территории и всего того, что именуется государственным суверенитетом.

Если мы перенесем выделенные принципы на характеристику современного развития мира и нашей страны, то очень многие процессы станут объяснимыми с точки зрения их внутренней логики. Более того, понимание этой внутренней логики делает возможным эффективное управление процессом перемен, причем с максимальной вероятностью достижения искомого для данного сообщества результата. Так, совершенно прозрачной становится проблема властных отношений в современной России. В поле российского социума по мере нереализации тех системных целей, которые вызрели в ходе революционной ситуации 1980-х годов и были направлены на совершенствование структурных возможностей становления нового уровня, проявился распад самого социума, с одной стороны, продолжает свое существование передовая форма общественных отношений, которая была создана за предшествующие 70 лет прогрессивного развития. Она требует иного государства в качестве политического ядра, системные цели которого совпадали бы с интегративным вектором общественного интереса. С другой – субъективно сформирован правящий политический режим, не имеющий корней в российской социальной действительности. Его системный интерес

предполагает либеральные ценности, оператор управления экономикой, социальными приоритетами и политическими технологиями которых находится за пределами России. Соответственно, данному государству требуется качественно иное общество.

Подытожим сказанное. Эффективность социальной жизнедеятельности определяется механизмом взаимодействия капитала и власти. Капитал, выступая в форме общественного разделения труда в качестве основания простого и расширенного воспроизводства, формирует рыночные отношения; при переходе границы меры качественной определенности он превращается в средство для воспроизводства не своей сущности – товарной массы, а формы – финансовых потоков макроэкономики. В первом случае он выступает генератором социального разнообразия и формирует определенную модель гражданского общества; во втором, монополизируя сферы общественного производства, ограничивает рынок и приводит общество к редукции социальной стратификации.

Государственная власть как строй политического общения, в отличие от гражданского общества как строя частного общения, интегрируя политические притязания всей гаммы его участников, выступает как гарант и формообразующий фактор их реализации через систему существующего законодательства, тем самым оформляя правовую и организационную структуру социума. В случае превращения политической, особенно государственной, власти в товар, она становится наемным «совокупным работником» на службе у отдельного корпоративного или даже частного интереса. В данной ситуации государство как строй политического общения перестает существовать, перемещаясь в сферу частного или монополизованного корпоративного общения.

Источником социальных противоречий выступают коренные интересы капитализации внутренних и транснациональных корпораций и обслуживающих их социальных групп, как легальных, так и криминальных; полем конфликта внешнего и внутреннего, нормального и девиантного – политическая власть государства; центральным звеном – ее государственные служащие; детерминирующим всю гамму негативных процессов в интерактивном социальном пространстве механизмом – коррупция.

Ключевой структурой в этих условиях является государственная бюрократия. От того, насколько совпадают или расходятся в конкретно-исторических условиях три главных составляющих ее функционирования: служение обществу, обеспечение корпоративного интереса или обслуживание самой себя как самодостаточной кастовой структуры, во многом зависит если не содержание процесса перемен, объективно детерминированное социально-экономическим уровнем и историческим развитием социальной системы, но механизм его реализации и темпы осуществления.

Можно определять современное общество как демократическое или авторитарное, олигархическое, корпоративное или элитаристское, либеральное

или этатистское – в каждом определении будет как в зеркале отражаться не ослабление или усиление государства как института, а усиление того аспекта, который соответствует функциональному обеспечению господства той социальной силы, которая располагается в основании соответствующего определения. Поэтому либеральные утверждения о необходимости ослабления экономической роли и ухода государства из производственной сферы – не более, чем миф, рассчитанный на императивное усиление протворческой роли государства в интересах обеспечения господства монополий в социально-экономическом пространстве путем создания соответствующего правового поля.

Следовательно, то, что сегодня происходит в политической сфере, только кажется борьбой за государство или против него; на уровне сущности проблема формулируется иначе: борьба за использование всего, включая потенциал легитимного насилия, властного государственного ресурса, но не в интересах всего общества и его граждан, а в узко групповых корпоративных интересах.

Список литературы

1. Алексеева Т.А. Демократия как идея и процесс // Вопросы философии. 2003. № 6.
2. Адамс Г., Видал Г., Дидион Д. Демократия. М., 2013.
3. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 2013.
4. Вебер М. Избранное. М., 1990.
5. Восленский М.С. Номенклатура. М., 1991.
6. Гуггенбергер Б. Теория демократии // Полис. 1991. № 4.
7. Джилас М. Новый класс // Джилас М. Лицо тоталитаризма. М, 1992.
8. Доган Л. Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. М., 1994.
9. Казанцев А. Суверенная демократия: противоречия и концепции // Политический журнал. 2007. № 7-8.
10. Кин Дж. Демократия и гражданское общество. М., 2013.
11. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: Сравнительные исследования. М., 1997.
12. Меланченко И.В. Афинская демократия. М., 2014.
13. Рассел Д. Имитационная демократия. М., 2013.
14. Рассел Д. Прямая демократия. М., 2014.
15. Милль Дж. Представительное правление. СПб., 1897.
16. Никитина А.Ю. Актуальные проблемы электоральной демократии в России // Законность и правопорядок в современном обществе. 2015. № 25.
17. Тихомиров Л.А. Россия и демократия. М., 2013.

18. Фурман Д. Проблема 2008: общее и особенное в процессах перехода постсоветских государств / Лекция. 2007.
19. Хайек Ф. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 10-12.
20. Шапиро И. Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики // Полис. 2001. № 4.
21. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995

Д.А. РЕУТ

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОВОГО СТАТУСА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению правового положения избирательных комиссий, порядка их формирования, их места в системе государственного механизма. Автор обращается к вопросам формирования и организации работы избирательных комиссий с точки зрения подхода, способствующего реализации их основной функции как организаторов избирательного процесса.*

Ключевые слова: *избирательные комиссии, правовой статус, избирательное законодательство, избирательный процесс.*

ABOUT SOME QUESTIONS OF THE LEGAL STATUS OF ELECTION COMMISSIONS

Abstract. *The article is devoted to consideration of the legal status of election commissions, the procedure of their formation, their place in the system of state mechanism. The author addresses the issues of formation and organization of work of election commissions from the point of view approach that facilitates the realization of their basic function as organizers of the election process.*

Keywords: *electoral commissions, legal status, electoral law, electoral process.*

Правовое положение избирательных комиссий, порядок их формирования, место в системе государственного механизма, профессионализм и добросовестное отношение к исполнению своих обязанностей со стороны членов комиссий имеют непосредственное значение для обеспечения качественного народного представительства, обеспечения свободного волеизъявления граждан на выборах и достоверного определения его результатов.

В Постановлении от 13.04.2017 года № 11-П Конституционный Суд Российской Федерации отмечает, что «возложение – в порядке конкретизации предписаний, закрепленных в статьях 2, 6 (часть 2), 17 (часть 1) и 18 Конституции Российской Федерации, – пунктом 3 статьи 20 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» на избирательные ко-

РЕУТ Дмитрий Алексеевич – член Московской городской избирательной комиссии, кандидат юридических наук, г. Москва

миссии обязанности обеспечения и защиты избирательных прав граждан требует от них ответственного отношения к исполнению своих полномочий, сопряженного с эффективной заботой о создании всех необходимых условий для полноценного участия в выборах граждан, политических партий и других субъектов избирательного процесса. Игнорирование этой обязанности не согласуется с конституционной ценностью избирательных прав граждан и их объединений и конституционной ролью органов и должностных лиц публичной власти в их соблюдении и защите при подготовке и проведении выборов»¹.

Вместе с тем, рассматривая вопрос о соответствии Конституции Российской Федерации отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Закон об основных гарантиях), устанавливающих ограничение права участия в работе избирательных комиссий лиц, имеющих вид на жительство на территории другого государства, Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что работа гражданина в составе коллегиального органа, обеспечивающего подготовку и проведение выборов (избирательная комиссия), является одним из способов участия гражданина в управлении делами государства, а право участия в работе избирательной комиссии производно от активного избирательного права².

В аналогичном направлении позиция Конституционного Суда Российской Федерации по данному вопросу последовательно высказывалась ранее в ряде постановлений. Например, в определении от 16.01.2007 года № 160-О-П изложена позиция о том, что установленные избирательным законодательством гарантии неприкосновенности членов избирательных комиссий не являются их личной привилегией, а имеют публично-правовой характер, так как обеспечивают общественный интерес, выражающийся в независимости работы избирательных комиссий, в качественном выполнении ими работы по организации избирательного процесса, имеющего целью формирование на основе результатов выборов публичных органов власти³.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.04.2010 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 40, частей 10 и 11 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», пунктов 2 и 3 части 1 статьи 128 и части 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой граждан И.Л. Трунова и М.В. Юревича» // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision268572.pdf> (дата обращения: 19.04.2017).

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.06.2010 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 1 и подпункта «а» пункта 8 статьи 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.М. Малицкого» // СЗ РФ. 2010. № 27. Ст. 3552.

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.01.2007 г. № 160-О-П «По жалобе федерального государственного учреждения «Маганский лесхоз» на нарушение конституционных прав и свобод положением пункта 19 статьи 29 Федерального закона «Об основных гарантиях из-

Немаловажное значение при рассмотрении этого вопроса имеет и позиция Конституционного Суда Российской Федерации, заключающаяся в том, что избирательные права, являясь личными правами каждого избирателя, в то же время выступают элементом публично-правового института выборов, так как в их реализации воплощается как личный интерес каждого гражданина в участии в управлении делами государства, так и общественный интерес, выражающийся в наделении в результате выборов полномочиями народных представителей⁴.

Необходимо отметить, что в таком юридическом аспекте реализация избирательных прав граждан рассматривается не впервые. Еще на рубеже XIX–XX веков Леон Дюги писал о том, что избиратель является одновременно и носителем права, и обличен функцией; участие в выборах является вместе и правом, и функцией. Право заключается в голосовании за конкретных кандидатов, функция заключается в передаче власти определенному индивиду, наделяемому соответствующими публичными функциями⁵. Мысль о том, что выборы как способ формирования органов народного представительства обеспечивают также формирование политического единства общества, высказывалась профессором В.В. Ивановским: «Трудно представить себе народное представительство таким компактным целым, которое было бы объединено одним образом мышления, но юридически оно функционирует как единое целое... Двух решений в нем быть не может; всегда имеется большинство и меньшинство»⁶. При этом ученый отметил, что организация выборов имеет не менее важное значение, чем сами принципы избирательного права⁷.

Таким образом, рассматривая выборы в их конституционно-правовом смысле как одну из форм непосредственного осуществления народовластия, способ реализации народного суверенитета, более того, как механизм, запускающий весь конституционный процесс в Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что организовывать этот процесс должны высокопрофессиональные, постоянно действующие государственные органы с обязательным условием общественного контроля за их работой.

Однако на практике вопросы правового статуса избирательных комиссий, установленный законодательством порядок их формирования,

бирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 20. Ст. 2453.

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.04.2014 N11-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 65 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Владимирской области».

⁵ Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М. Типография т-ва И.Д. Сытина. 1908. С. 121–122.

⁶ Ивановский В.В. Учебник государственного права. 1909. Казань. Типо-литография Императорского университета. С. 163.

⁷ Там же. С. 181.

порядок работы, правовой статус членов комиссий зачастую противоречат правовому содержанию конституционных норм. Серьезнейшая проблема здесь, на наш взгляд, заключается в такой парадоксальной ситуации, при которой публично-значимую государственную функцию по организации избирательного процесса осуществляют негосударственные органы – избирательные комиссии, правовой статус которых не урегулирован в полной мере, либо урегулирован таким образом, что законодательные предписания фактически препятствуют их нормальной работе. Если ЦИК России, избирательные комиссии субъектов Российской Федерации являются государственными органами в силу прямого указания Закона об основных гарантиях (статьи 21, 23), то окружные, территориальные и участковые избирательные комиссии таким статусом не обладают, члены указанных комиссий, включая председателей, заместителей председателя и секретарей, работают на общественных началах. Не обладают избирательные комиссии и статусом общественного объединения, выполняющего отдельные государственные полномочия. При этом законом установлена как юридическая ответственность избирательной комиссии в качестве коллегиального органа – в виде расформирования избирательной комиссии (статья 30 Закона об основных гарантиях) так и персональная ответственность за нарушения избирательного законодательства со стороны членов комиссии в форме наложения взыскания в рамках уголовного преследования или привлечения к административной ответственности.

В совокупности с фактом, что избирательное законодательство крайне перегружено и содержит большое количество не согласующихся между собой и с другими отраслями права норм, кроме того, усердно подвергается серьезным изменениям по итогам каждой масштабной избирательной кампании, это обстоятельство отнюдь не способствует обеспечению качественного избирательного процесса, в том числе, высокопрофессиональной и стабильной работе системы избирательных комиссий в том духе, в котором эта работа должна проводиться в соответствии с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 13.04.2017 года № 11-П.

Все вышесказанное обуславливает необходимость качественно иного, нового научного взгляда на вопросы правового статуса избирательных комиссий, в качестве отправной точки для размышлений в этом направлении можно вновь обратиться к разъяснениям Конституционного Суда Российской Федерации.

Так, говоря о том, что участие в деятельности избирательных комиссий является одной из форм конституционного права на участие в управлении делами государства⁸, Конституционный Суд Российской

⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.06.2010 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 1 и подпункта «а» пункта 8 статьи 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме

Федерации указал, что избирательные комиссии «действуют прежде всего в интересах граждан как носителей избирательных прав, что соответствует статье 2 Конституции Российской Федерации, согласно которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина выступают важнейшей обязанностью государства, его органов и должностных лиц. В этом смысле формирование избирательных комиссий, организация их деятельности и обеспечение полномочий как самих комиссий, так и их членов приобретают, по существу, статус гарантии избирательных прав граждан»⁹.

Таким образом, избирательные комиссии, так же как и представительные органы государственной власти, органы местного самоуправления, являются представителями народа. Здесь, опираясь на конституционные установки о том, что носителем суверенитета и единственным источником власти в стране является народ, который осуществляет свою власть как непосредственно, так и через органы государственной власти и органы местного самоуправления (статья 3 Конституции Российской Федерации), можно сказать: правовые отношения «народ – органы государственной власти» во многом тождественны отношениям «избиратели – избирательные комиссии». Как отметили В. М. Боев и Х. Х. Лойт, одним из основных прав человека в современном мире является право на учреждение государственной власти во всех ее видах; таким образом, формирование и деятельность всех ветвей государственной власти являются результатом волеизъявления народа¹⁰. Сказанное совершенно справедливо и в отношении системы избирательных комиссий.

Общие условия формирования избирательных комиссий определены положениями статей 20, 22, 29 Закона об основных гарантиях. Среди них следует выделить партийный принцип, в соответствии с которым преимущество при назначении в состав комиссии отдается кандидатуре, предложенной политической партией. Кандидатура, предложенная парламентской партией или партией, представленной в парламенте субъекта Российской Федерации, назначается в состав комиссии в обязательном порядке.

Политическая партия, как это отражено в статье 2 Федерального закона «О политических партиях», – разновидность общественного объединения, предназначением которого является участие граждан в политической жизни

граждан Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А. М. Малицкого» // СЗ РФ. 2010. № 27. Ст. 3552.

⁹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.01.2007 г. № 160-О-П «По жалобе федерального государственного учреждения «Маганский лесхоз» на нарушение конституционных прав и свобод положением пункта 19 статьи 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 20. Ст. 2453.

¹⁰ Боев В. М., Лойт Х. Х. Научная сессия ГУАП: сборник докладов. СПб.: Изд-во СПбГУАП, 2016. С. 274.

общества посредством формирования и выражения их политической воли, участие в выборах, а также представление интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления. Избрание списка кандидатов от политической партии в парламент предполагает поддержку данной партии населением. Остается открытым вопрос: как в данном случае быть с другими политическими партиями, не представленными в парламенте, которых на момент написания данной статьи насчитывается 75¹¹? В соответствии с тем же Федеральным законом «О политических партиях» такие партии также представляют интересы определенной группы населения, объединенной общими политическими взглядами.

На практике, к сожалению, все чаще встречаются случаи, когда назначенные по предложению политических партий члены комиссий в работе своей комиссии участия не принимают, видя свою задачу только лишь в контроле за работой комиссии и в получении копий итоговых документов для последующего отчета¹².

В качестве решения данной проблемы целесообразно исключить партийный принцип формирования избирательных комиссий. Комиссии должны быть надпартийными и выполнять роль объективного и незаинтересованного арбитра, а «партийный» член комиссии зачастую вопреки требованиям законности и объективности отстаивает интересы, прежде всего, своей партии, а не всех избирателей. В настоящее время существует вполне достаточный круг субъектов выдвижения кандидатур в составы избирательных комиссий, к числу которых относятся общественные объединения, не являющиеся политическими партиями, органы местного самоуправления и собрания избирателей.

Противоречия заложены и в самом Федеральном законе «О политических партиях»: обходя вниманием заинтересованность членов комиссий, представляющих политические партии, закон совершенно обоснованно вводит жесткие ограничения на включение в состав комиссий судей, прокуроров, депутатов, близких родственников кандидатов. Более того, определенные требования установлены данным Федеральным законом и в отношении морально-этических качеств членов комиссий. Так, членами избирательных комиссий не могут быть граждане, имеющие неснятую и непогашенную судимость либо привлеченные к административной ответственности за нарушения законодательства о выборах.

Из этого логично следует вопрос о профессионализме членов избирательных комиссий. Например, если для кандидатов на должность судей установлены минимальные необходимые требования – возраст, стаж работы

¹¹ См. Министерство юстиции Российской Федерации. Сведения о зарегистрированных политических партиях // URL: <http://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok> (дата обращения 28.09.2016 г.).

¹² См. «Избирательный дефицит. «Очереди из желающих поработать на выборах мы не видим» // Московский комсомолец // URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2009/10/20/371086-izbiratelnyiy-defitsit.html> (дата обращения 28.09.2016 г.).

и образование (статья 119 Конституции Российской Федерации), то почему этого нельзя сделать в отношении членов избирательных комиссий? Как отмечалось выше, законодательство о выборах крайне сложное и излишне формализованное, к тому же еще и с завидной периодичностью изменяется. Так, с момента принятия Закона об основных гарантиях в 2002 году в него было внесено более 80 изменений. Комплексный характер избирательного права также не способствует легкости его реализации на практике. Основу института избирательного права составляют положения Конституции Российской Федерации, нормы международного права, нормы Закона об основных гарантиях и ряда законов, регулирующих порядок проведения выборов различного уровня: федеральные законы «О выборах Президента Российской Федерации», «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», законы субъектов Российской Федерации, регулирующие порядок проведения выборов в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и в органы местного самоуправления. Значительное место в институте избирательного права занимают законы, не отнесенные напрямую к избирательному законодательству, но тем не менее содержащие нормы, регулирующие рассматриваемые правоотношения¹³. Как справедливо отметил О.И. Чепунов, федеральные законы, имеющие номинально другие предметы регулирования, могут устанавливать отдельные правовые понятия, значимые для избирательного процесса¹⁴.

В то же время единственное квалификационное требование, которое устанавливает Федеральный закон к членам комиссии – наличие высшего образования, применяется только в отношении членов ЦИК России, председателей региональных избирательных комиссий.

На наш взгляд, давно назрела необходимость не только перевода всей системы избирательных комиссий на профессиональную основу, но и повышения квалификационных требований к членам комиссий, по меньшей мере – к их руководящему составу, включая наличие профильного (специального) образования, опыта работы, требования к которому следует дифференцировать в зависимости от уровня комиссии, наличие необходимых морально-этических и деловых качеств. Говоря словами Е.М. Заболотских, особый статус членов избирательных комиссий за-

¹³ См., например: Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Российская газета. 1992. № 32; Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» // СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 2950; Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» // СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 2950; Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930; Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // СЗ РФ. 2004. № 25. Ст. 2485; Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

¹⁴ См.: Чепунов О.И. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: Учебно-методич. пособие (Под ред. И.С. Яценко). М.: Московская государственная академия водного транспорта. Юридический институт, РАГС при Президенте Российской Федерации, 2005. С. 55.

ключается в том, что свои полномочия они получили непосредственно от населения, чем обуславливаются повышенные требования к их деятельности¹⁵.

Другой важный аспект формирования и организации работы избирательных комиссий – это их представительская функция, ведь, как было отмечено, член избирательной комиссии, равно как и депутат, – представитель народа. В связи с этим целесообразно обратиться к опыту правового регулирования данного вопроса в СССР.

Статьей 24 Закона РСФСР от 03.08.1979 года «О выборах в местные Советы народных депутатов РСФСР» предусматривалось, что избирательные комиссии по выборам в местные Советы народных депутатов РСФСР образуются из представителей от организаций Коммунистической партии Советского Союза, профессиональных союзов, Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, кооперативных и других общественных организаций, от трудовых коллективов и собраний военнослужащих по воинским частям, а окружные и участковые избирательные комиссии образуются также из представителей от общественных сельских, уличных, квартальных, домовых комитетов, женсоветов, советов ветеранов войны и труда¹⁶.

Практика организации работы по формированию составов избирательных комиссий того периода показывала необходимость включения в составы избирательных комиссий представителей от всех социальных групп и профессий. Обращает на себя внимание акцент в приведенной норме на внесение предложений по кандидатурам в составы комиссий по территориальному признаку (месту жительства) и по профессиональному признаку (от трудовых коллективов). Основным определяющим критерием формирования состава избирательной комиссии в тот период был социальный состав населения соответствующей территории.

Такая правоприменительная практика представляется чрезвычайно актуальной и в наше время, когда кандидатуры членов избирательных комиссий, зачастую неизвестные избирателям, приглашенные из других регионов, навязываются органу, формирующему состав комиссии, решением партии. Более правильным с этой точки зрения представляется положение, в соответствии с которым членами участковых избирательных комиссий должны назначаться граждане, проживающие или работающие на территории соответствующего избирательного участка или хотя бы в пределах соответствующей административно-территориальной едини-

¹⁵ См.: Заболотских Е. М. Ответственность должностных лиц и органов местного самоуправления: научно-практич. пособие. М.: Проспект, 2011. С. 26.

¹⁶ Закон РСФСР от 03.08.1979 «О выборах в местные Советы народных депутатов РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1979. № 32. Ст. 784.

цы. В настоящее время аналогичный подход реализован для назначения присяжных заседателей судов общей юрисдикции¹⁷.

Таковыми же должны быть и принципы формирования территориальных избирательных комиссий. Более того, учитывая качественно иной, по сравнению с участковыми комиссиями, характер функциональных обязанностей, необходимо на законодательном уровне перевести все территориальные избирательные комиссии на постоянную (штатную) основу (в настоящее время законом этот вопрос отнесен к дискреции субъекта Российской Федерации). Это позволит решить целый комплекс проблем, связанных с подготовкой и сохранением кадрового состава комиссий, качества выполняемой работы, ответственного отношения к выполнению своих обязанностей.

В этих целях необходимо сделать председателей территориальных избирательных комиссий штатными работниками аппарата избирательной комиссии соответствующего субъекта Российской Федерации, предусмотрев данную должность в реестре должностей государственной гражданской службы. Это позволит достигнуть следующего:

- сформировать и закрепить обученные и заинтересованные в профессиональной работе кадры составов территориальных комиссий (с учетом всех гарантий, предоставляемых государственным гражданским служащим, ответственности за добросовестное выполнение своих обязанностей);

- избежать необходимости замещения председателями территориальных комиссий государственных должностей субъектов Российской Федерации, исключить сопутствующие этому расходы из регионального бюджета (как в настоящее время предусмотрено Законом об основных гарантиях).

В отношении порядка формирования участковых избирательных комиссий совершенно излишним представляется формирование и ведение резерва составов участковых избирательных комиссий¹⁸. Помимо того, что для этой работы необходимы большие организационные усилия, также требуются бюджетные средства для обучения состава резерва. В то же время у подавляющего большинства политических партий нет людских ресурсов даже для предложений в составы всех участковых комиссий, не говоря уже о резерве. Действующим законодательством установлена другая гарантия правомочности работы участковой комиссии, в том числе, в день выборов, в виде запрета на подачу заявления о сложении полномочий члена комиссии за 10 и менее дней до дня голосования (подпункт «а» пункта 6 статьи 29 Закона об основных гарантиях).

¹⁷ Федеральный закон от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3528.

¹⁸ См.: Федеральный закон от 02.10.2012 № 157-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 41. Ст. 5522.

В дополнение к предложенным мерам необходимо освободить избирательные комиссии от излишних, несвойственных им функций, таких, как работа со специальными знаками (марками), полностью исключив их использование для защиты избирательного бюллетеня, исключить обязанность согласовывать в ряде случаев применение системы видеонаблюдения, а также упростить протокол об итогах голосования и процедуру подсчета голосов. Последнее возможно, в том числе, в рамках наметившейся тенденции к отказу от использования открепительных удостоверений¹⁹, в результате которой станет возможным освободить участковые и территориальные комиссии от этой работы, исключить возможные злоупотребления и ошибки в оформлении соответствующих документов, сократить время работы участковых комиссий и продолжительность охраны их помещений до двух дней (при этом ознакомление со списками избирателей, проверка информации о включении в список в отношении себя может осуществляться избирателями с использованием электронных сервисов, размещенных на сайтах ЦИК России и избирательных комиссий субъектов Российской Федерации).

Отказ от открепительных удостоверений позволит упростить протокол участковой комиссии об итогах голосования, не будут заполняться строки, связанные с открепительными удостоверениями (строка «11а»: число открепительных удостоверений, полученных участковой комиссией; строка «11б»: число открепительных удостоверений, выданных участковой комиссией избирателям на избирательном участке до дня голосования; строка «11г»: число погашенных на избирательном участке открепительных удостоверений; строка «11д»: число открепительных удостоверений, выданных территориальной комиссией (избирательной комиссией муниципального образования, окружной избирательной комиссией) избирателям; строка «11е»: число утраченных открепительных удостоверений), а также упростить саму работу членов участковой комиссии, так как не будет необходимости до начала голосования гасить неиспользованные открепительные удостоверения.

Из анализа обращений, поступающих в избирательные комиссии в период избирательной кампании, следует, что большинство обращений связано с получением информации о порядке и месте голосования, досрочного голосования, голосования вне помещения для голосования²⁰.

¹⁹ Подробнее об этом см.: Законопроект 114572-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О выборах Президента Российской Федерации» // URL: <http://www.duma.gov.ru/systems/law/?number=114572-7&sort=date> (дата обращения 19.04.2017).

²⁰ Более подробно об этом см: пресс-конференции в Информационном центре Правительства Москвы // URL: <http://icmos.ru/press>; На горячую линию Мосгоризбиркома поступает 50 обращений в день // URL: <http://www.m24.ru/articles/53493?attempt=1>; Свыше 350 звонков поступило на «горячую линию» Мосгоризбиркома // URL: http://ria.ru/vybor2012_hod_vyborov/20120304/584396858.html (дата обращения: 19.04.2017).

Представляется необходимым предусмотреть законодательно обязанность органов государственной власти при проведении выборов в органы государственной власти и органы местного самоуправления информировать избирателей о порядке и сроках совершения избирательных действий (пункт 3 статьи 45 Закона об основных гарантиях). Порядок информирования, содержание мер по информированию не требуют специального законодательного регулирования. При этом законодательно необходимо установить, что принятые меры по информированию избирателей должны обеспечить возможность получения информации всеми избирателями, в том числе маломобильными группами населения, избирателями с ограниченными физическими возможностями, а также избирателями, проживающими в труднодоступных и удаленных местах. Очевидно, что органы государственной власти в силу своего статуса имеют для этого больше возможностей, чем избирательные комиссии, первичное звено которых работает на общественных началах.

Следует более подробно остановиться и на вопросе защиты прав и законных интересов членов избирательных комиссий, так как необходимость повышенных требований к ним предполагает и несение определенных издержек, связанных с ответственностью и высокой общественной и государственной значимостью этой работы. Так, в настоящее время избирательным законодательством предусмотрены гарантии независимости деятельности члена комиссии, в том числе, в форме запрета на его увольнение с работы в ряде случаев, а также особого порядка привлечения к административной и уголовной ответственности. В плане осуществления членом комиссии, работающим на общественных началах, трудовой деятельности также предусмотрено сохранение места работы, сохранение исчисления трудового стажа и установлен компенсаторный механизм в случае откомандирования члена комиссии на период проведения выборов.

В то же время, награда ЦИК России Почетный знак «За заслуги в организации выборов»²¹ представляет собой как моральное, так и материальное поощрение организаторов выборов, поскольку дает право на получение звания «Ветеран труда» с сопутствующими льготами. При этом право на получение такого звания возникает только у награжденных Почетным знаком лиц, работающих в системе избирательных комиссий на постоянной (штатной) основе. Представляется справедливым учреждение аналогичной награды, дающей право на получение звания «Ветеран труда» членам избирательных комиссий, длительное время добросовестно выполняющим свои обязанности на общественных началах.

²¹ См.: Постановление ЦИК России от 15.02.2017 № 74/670-7 «О ведомственном знаке отличия Центральной избирательной комиссии Российской Федерации» // URL: http://cikrf.ru/law/decree_of_cec/2017/02/15/74-670-7.html (дата обращения 19.04.2017).

Надеемся, что изложенный в данной статье подход к вопросам формирования и организации работы избирательных комиссий будет способствовать реализации их основной функции как организаторов избирательного процесса, как гаранта обеспечения и защиты избирательных прав и обеспечит эффективную работу избирательных комиссий по созданию всех необходимых условий для полноценного участия в выборах граждан, политических партий и других субъектов избирательного процесса.

Список литературы

1. Боер В. М., Лойт Х. Х. Научная сессия ГУАП: сборник докладов. СПб, 2016.
2. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908.
3. Заболотских Е. М. Ответственность должностных лиц и органов местного самоуправления: научно-практич. пособие. М, 2011.
4. Ивановский В. В. Учебник государственного права. Казань, 1909.
5. Чепунов О. И. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: Учебно-методич. пособие / Под ред. И. С. Яценко. М, 2005.

А.В. ГРАНАТОВИЧ

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

***Аннотация.** Исследуются вопросы участия военнослужащих в избирательном процессе. Проводится анализ правовых основ участия в избирательном процессе военнослужащих Российской Федерации. Выявляются особенности участия военнослужащих в избирательном процессе исходя из их правового статуса. Обозначены проблемы участия военнослужащих в избирательном процессе и предлагаются направления их разрешения.*

***Ключевые слова:** избирательные права военнослужащих, участия военнослужащих в избирательном процессе, военнослужащие, избирательный процесс, выборы.*

TO A QUESTION OF IMPLEMENTATION OF ELECTORAL RIGHTS OF THE MILITARY PERSONNEL

***Abstract.** Questions of participation of the military personnel in electoral process are investigated. The analysis of legal bases of participation in electoral process of the military personnel of the Russian Federation is carried out. Features of participation of the military personnel in electoral process proceeding from their legal status come to light. Problems of participation of the military personnel in electoral process are designated and the directions of their permission are offered.*

***Keywords:** electoral rights of military servants, electoral rights of the military personnel, participations of the military personnel in electoral process, military personnel, electoral process, elections.*

Правовое положение военнослужащих в российском обществе имеет особенности, предопределяемые спецификой государственной военной службы. Нормативное закрепление в российском законодательстве правового статуса военнослужащих представляет собой совокупность элементов, определяющих его содержание. В качестве основного элемента правового

ГРАНАТОВИЧ Александр Вячеславович – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Московского психолого-социального университета, г. Москва

статуса военнослужащих необходимо выделить права и свободы, которые образуют совокупность личных, политических, социально-экономических, культурных прав. Необходимо отметить, что Конституция Российской Федерации (ст. 55) допускает возможность ограничения прав и свобод граждан федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. По мнению автора, данные конституционные предписания не ущемляют конституционные права и свободы военнослужащих, но обуславливают потребность их уточнения в соответствующих правовых нормах

Так, особенности реализации активного избирательного права военнослужащих, служащих по призыву, заключаются в том, что если место жительства военнослужащих до призыва на военную службу не было расположено на территории муниципального образования, то такие военнослужащие не включаются в список избирателей, участников референдума, и не учитываются при определении числа избирателей при выборах в органы местного самоуправления.

Представляется, что такое ограничение ущемляет права военнослужащих, нарушает статью 19 Конституции Российской Федерации, устанавливающую принцип равноправия¹. В подтверждение такой позиции приведем часть 1 статьи 10 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», которой предусмотрено, что депутаты избираются гражданами Российской Федерации, проживающими на территории субъекта Российской Федерации и обладающими в соответствии с федеральным законом активным избирательным правом. Указанным федеральным законом ограничений, применяемых к военнослужащим, не закреплено. Ограничения активного избирательного права военнослужащих по мотивам, связанным с характером, условиями, продолжительностью, местом их службы или местом пребывания, а также местом жительства до призыва (поступления) на военную службу, и другим мотивам, недопустимы, за исключением ограничений, предусмотренных Конституцией Российской Федерации и федеральными законами². В конституционных нормах и принципах (всеобщее, прямое, тайное голосование, равное) не закреплена возможность лишения военнослужащих избирательных прав.

Пребывание гражданина вне места его постоянного или преимущественного проживания во время проведения на этой территории выборов не может служить основанием для лишения его права на участие в выборах в органы государственной власти соответствующего субъекта, об

¹ Смулов Р. П. Права человека: Учебн. пособие. М., 2009. С. 69.

² Комментарий к законодательству о статусе военнослужащих / Под ред. А. В. Кудашкина, А. В. Фатеева. М.: За права военнослужащих, 2005. С. 137–139.

этом свидетельствует решение Верховного Суда Российской Федерации, где Суд в одном из дел правильно мотивировал позицию относительно участия военнослужащих в выборах, сославшись на пункт 2 статьи 4 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Закон об основных гарантиях), в соответствии с которым гражданин может избирать и быть избранным независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, а также других обстоятельств³.

В соответствии со статьей 32 Конституции Российской Федерации, статьей 4, части 3 статьи 8, части 3 статьи 10 Закона об основных гарантиях, методическими рекомендациями, утвержденными Центральной избирательной комиссией Российской Федерации, в выборах могут принимать участие военнослужащие, проходящие военную службу в воинских частях, предприятиях, учреждениях и организациях, расположенных в границах соответствующих субъектов Российской Федерации. Как мы видим, нормы избирательного права не содержат ограничений в отношении участия военнослужащих в выборах по месту прохождения военной службы по призыву.

Согласно статье 7 Закона Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», граждане, призванные на военную службу по призыву, снимаются с регистрационного учета по месту жительства, и, следовательно, казарма как жилое помещение является местом жительства военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, на период прохождения им такой службы.

Применительно к муниципальным выборам и местным референдумам имеется ограничение в отношении военнослужащих, проходящих военную службу по призыву. Возникает проблема пределов и принципов ограничения избирательных прав граждан. Исходя из общей нормы пункта 4 статьи 4 Закона об основных гарантиях, активным избирательным правом обладает гражданин, место жительства которого расположено в пределах избирательного округа. Пребывание гражданина России вне его места жительства во время проведения выборов в округе, в котором расположено данное место жительства, не может служить основанием для лишения его права на участие в выборах в органы государственной власти соответствующего субъекта Российской Федерации, органы местного самоуправления. В специальной норме этой же статьи установлено, что законом активное избирательное право может быть предоставлено

³ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2002 года. Дело № 58-Г02–8. По материалам сайта: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big1/verhsud_big_16574.htm (дата обращения 15 июня 2017 г.).

гражданину, место жительства которого расположено за пределами избирательного округа.

Таким образом, основная часть избирателей состоит из граждан Российской Федерации, имеющих регистрацию по месту жительства в пределах данного территориального образования, то есть установлен ценз места жительства. Необходимо учитывать, что население муниципального образования состоит не только из числа граждан, которые имеют регистрацию по месту жительства в данном муниципальном образовании. Возникает вопрос, а как же граждане, которые не имеют регистрации по месту жительства на территории муниципального образования, например, проходящие военную службу, участвующие в общественной жизни и обеспечении безопасности и общественного порядка, обремененные налоговыми выплатами в местный бюджет? По моему мнению, в данной ситуации использование вышеозначенного ценза чрезмерно ограничивает избирательные права военнослужащих, проходящих военную службу по призыву.

Военнослужащие, поступившие на военную службу по контракту, а также офицеры, проходящие военную службу по призыву, и члены их семей до получения жилых помещений регистрируются органами регистрационного учета по месту дислокации воинских частей в установленном порядке (пункты 23, Постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 1995 г. № 713)⁴. Таким образом, справедливо и логично было бы предположить, что военнослужащие, фактически проживая на территории муниципального образования, выполняя налоговые обязательства, должны быть наделены активным избирательным правом.

Выборы являются одним из основных методов реализации стремления граждан обрести справедливое правление, улучшить свое социально-экономическое положение путем формирования органов власти, способных защитить интересы большинства населения страны⁵. Повышение активности участия военнослужащих в избирательном процессе доказывают отдельные результаты их оценочных суждений в рамках проведенного исследования правосознания военнослужащих в избирательном процессе. Так, среди респондентов отмечается общая положительная тенденция в оценке важности участия военнослужащих и членов их семей в избирательном процессе. Из 1240 опрошенных 78 процентов респондентов признают участие в выборах в качестве избирателя обязательным для

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 17 июля 1995 г. № 713 «Об утверждении Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и перечня лиц, ответственных за прием и передачу в органы регистрационного учета документов для регистрации и снятия с регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации» // СЗРФ. № 30. 1995. ст. 2939.

⁵ Гончаров В. В. «Выборность как принцип формирования и функционирования органов исполнительной власти в Российской Федерации» // Конституционное и муниципальное право. № 7. 2008 [Электронный ресурс]: Доступ из справ. правовой системы «Консультант плюс».

себя, 7 процентов затрудняются ответить, не признают обязательным – 15,1 процента респондентов⁶.

Особенности реализации пассивного избирательного права военнослужащими необходимо рассматривать с учетом общих ограничений данного права, связанных с возрастом субъекта права, наличием гражданства, местом постоянного проживания.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации, статьей 9 Федерального закона «О статусе военнослужащих», федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации и нормативными правовыми актами органов местного самоуправления военнослужащие имеют право быть избранными, в органы государственной власти и органы местного самоуправления. Важность представительства военнослужащих в выборных органах власти обусловлена тем, что в них «должны быть представлены интересы основных социальных слоев и групп населения, чтобы они могли через своих представителей артикулировать собственные интересы, выражать их в принимаемых законодательных актах и обеспечивать их реализацию в рамках согласованного политического курса»⁷.

Сами военнослужащие считают целесообразным избрание их депутатами представительных органов государственной власти, при проведении вышеназванного социологического исследования на вопрос: «Считаете ли Вы целесообразным избрание военнослужащих депутатами представительных органов государственной власти для решения актуальных проблем военнослужащих?» 65,4 процента опрошенных дали положительный ответ.

Право самовыдвижения гарантировано в статье 37 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», которая предусматривает право каждого гражданина Российской Федерации, обладающего пассивным избирательным правом и не являющегося членом политической партии, обратиться в любое региональное отделение любой политической партии с предложением включить его в федеральный список кандидатов, выдвигаемый этой политической партией.

При рассмотрении порядка выдвижения кандидата политической партией в том же исследовании отмечается (с чем стоит согласиться), что «действующее законодательство гарантирует лишь рассмотрение кандидатуры гражданина, не являющегося членом политической партии, для включения его в список кандидатов от политической партии для участия

⁶ Стенограмма заседания секции Общественного научно-методического консультативного совета при ЦИК России по вопросам обеспечения избирательных прав военнослужащих, представителей силовых структур, а также граждан, находящихся за пределами территории Российской Федерации, Москва, 12 февраля 2015 года. URL: <http://zoom.cikrf.ru/zoom/EdFields.asp?nqr=-1&ndoc=21&npg=-1>.

⁷ Веденеев Ю.А. «Развитие избирательной системы Российской Федерации: проблемы правовой институционализации» // «Журнал российского права». № 6. 2006.

в выборах при соблюдении соответствующих условий»⁸. Окончательное решение вопроса о включении гражданина в список кандидатов зависит от воли политической партии и «при указанных условиях гарантии для военнослужащих на реализацию пассивного избирательного права приобретают исключительно декларативный характер, возможности воспользоваться на практике пассивным избирательным правом («быть избранным») у военнослужащего минимальны»⁹.

Ю. С. Леншина, исследуя проблемы реализации пассивного избирательного права военнослужащих, отмечает неправомерность утверждения о том, что «в соответствии с Законом «О статусе военнослужащих» военнослужащие Вооруженных Сил Российской Федерации не могут участвовать в политической жизни общества, а значит, не могут быть избраны в парламент страны, представительные органы субъектов Российской Федерации»¹⁰. Данное положение противоречит статье 32 Конституции Российской Федерации, так как граждане России (к которым относятся и военнослужащие) имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления. Конституция в пункте 3 статьи 32 установила исчерпывающий перечень обстоятельств, в соответствии с которыми граждане не имеют права избирать и быть избранными.

В исследовании А. И. Дириной обосновывается, что закон о статусе не лишает военнослужащих пассивного избирательного права. Военнослужащие вправе принять участие в выборах (совершать действия по выдвижению своей кандидатуры, проводить предвыборную агитацию, создавать собственные избирательные фонды для финансирования своей избирательной кампании)¹¹.

Согласно части 1 статьи 41 Закона об основных гарантиях администрация организации, командир воинской части, руководитель органа внутренних дел Российской Федерации, в которых работает, служит, проходит альтернативную гражданскую службу, военные сборы, учится кандидат, со дня регистрации кандидата до дня официального опубликования результатов выборов обязаны по заявлению, рапорту зарегистрированного кандидата освободить его от работы, исполнения служебных обязанностей, учебных занятий в любой день и на любое время в течение этого срока.

⁸ Трофимов Е.Н. «О некоторых общих вопросах, связанных с реализацией политических прав и свобод военнослужащими в условиях прохождения военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации» // Военно-юридический журнал. № 6. 2009. [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

⁹ Там же.

¹⁰ Леншина Ю. С. «Активное и пассивное избирательное право военнослужащих вооруженных сил России: проблемы реализации и пути совершенствования законодательства Российской Федерации на современном этапе» // Военно-юридический журнал, 2008 год, № 3. [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

¹¹ Дирина А. И. Конституционно-правовое регулирование и особенности правовой реализации политических прав военнослужащих Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2009.

Аналогичную обязанность по освобождению военнослужащего от исполнения служебных обязанностей с момента его регистрации в качестве кандидата содержит часть 2 статьи 53 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

Военнослужащий, включенный в федеральный список кандидатов, представляет заявление о согласии баллотироваться с обязательством в случае избрания приостановить военную службу, службу в правоохранительных органах со дня избрания на весь срок депутатских полномочий или уволиться со службы¹².

Для участия в избирательной кампании в качестве кандидата на выборную должность, военнослужащий проходит процедуру включения в списки кандидатов от политической партии. Для включения в федеральный список кандидатов военнослужащий не позднее чем через три дня со дня официального опубликования (публикации) решения о назначении выборов вправе обратиться в любое региональное отделение любой политической партии с предложением включить его в федеральный список кандидатов, выдвигаемый этой политической партией. В случае поддержки этой кандидатуры не менее чем десятью членами политической партии, которые состоят в данном региональном отделении, она должна быть рассмотрена на конференции (общем собрании) регионального отделения политической партии при решении вопросов, связанных с участием политической партии в выборах.

Кандидатура, поддержанная конференцией (общим собранием) регионального отделения политической партии, подлежит рассмотрению на съезде политической партии при решении вопроса о выдвижении федерального списка кандидатов наравне с иными кандидатурами, которые предлагаются к включению в федеральный список кандидатов.

В соответствии со статьей 45 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, реализуют право либо на увольнение с военной службы по основаниям, предусмотренным подпунктами «г» и «д» пункта 3 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», либо на приостановление военной службы¹³.

¹² Постановление ЦИК России от 29.06.2016 № 14/116–7 «О Методических рекомендациях по обеспечению реализации избирательных прав военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов при проведении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва» // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. № 12(342). 2016.

¹³ В случае избрания депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации; избрания депутатами законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации; избрания депутатами представительных органов муниципальных образований и главами муниципальных образований, осуществляющими полномочия на постоянной основе; наделения полномочиями высших должностных лиц субъектов Российской Федерации или назначения временно исполняющими обязанности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти объектов Российской Федерации); избрания (назначения) членами Совета Федерации.

Приостановление военной службы военнослужащим означает приостановление действия условий заключенного ими контракта о прохождении военной службы. Военнослужащие, военная служба по контракту которым приостановлена, не считаются исполняющими обязанности военной службы в соответствии со статьей 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе».

Приостановление военной службы не является основанием прекращения военно-служебных отношений, вместе с тем временное освобождение военнослужащего от исполнения обязанностей военной службы связано с рядом ограничений его правового статуса¹⁴. По истечении срока действия обстоятельств, послуживших основанием приостановления военной службы, военнослужащие вправе продолжить исполнение обязанностей военной службы.

Поскольку приостановление военной службы не влечет прекращения статуса военнослужащего, выводы Ю.С. Леншиной о том, что военнослужащие России не могут участвовать в политической жизни общества, не могут быть избраны в парламент страны, представительные органы субъектов Российской Федерации, не находит подтверждения. Но и мнение А.И. Дириной, что «законодатель не сужает пассивное избирательное право военнослужащих, так как они могут реализовать свое право как в порядке самовыдвижения, так и в порядке выдвижения в составе списка кандидатов от политической партии»¹⁵, на мой взгляд, не достаточно обосновано.

В результате проведенного анализа практики реализации пассивного избирательного права военнослужащих выявлена проблема равенства статусов кандидатов на выборах, которая проявляется в том, что военнослужащий, не действуя в интересах политической партии, что запрещено Федеральным законом «О статусе военнослужащих», вряд ли будет включен в список кандидатов от политической партии.

Проблема может быть решена внесением изменений в Федеральный закон «О статусе военнослужащих» и Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Вопрос реализации пассивного избирательного права на современном этапе развития избирательного процесса приобрел новую актуальность. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Выборы» представляет следующие данные: для участия в выборах в единый день голосования 18 сентября 2016 года кандидатами на различных уровнях выборов были зарегистрированы 313 военнослужащих: из них 222 военнослужащих – представители Вооруженных Сил Российской

¹⁴ Петров М.И. «Комментарий к Федеральному закону «О воинской обязанности и военной службе» (постатейный) // ЗАО Юстицинформ, 2007 [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

¹⁵ Дирина А.И. Указ. соч.

Федерации; 91 военнослужащий – представитель федеральных органов исполнительной власти, в которых законодательством Российской Федерации предусмотрена военная служба.

На наш взгляд, комплексная оценка практики реализации избирательных прав военнослужащих в Российской Федерации позволила выявить проблемы и предлагает необходимость их разрешение по следующим направлениям:

- правовое обеспечение возможности голосования на выборах и референдумах регионального и муниципального уровней военнослужащих и членов их семей, место жительства которых находится в военных городках, закрытых административно-территориальных образованиях, расположенных на территории Российской Федерации;

- правовое регулирование действий командиров воинских частей и руководителей органов безопасности по обеспечению исполнения избирательного законодательства, закона «О государственной тайне» на закрытых избирательных участках;

- правовое регулирование равенства статусов кандидатов на выборах при включении военнослужащих в список кандидатов от политической партии;

- регламентация поведения наблюдателей на выборах, проводимых на закрытых избирательных участках, законодательное ограничение попыток несанкционированного проникновения;

- проведение комплекса мероприятий по обучению членов избирательных комиссий из лица военнослужащих;

- планирование и проведение правовой подготовки с военнослужащими, направленной на разъяснение им избирательных прав и порядка реализации таких прав при участии в выборах¹⁶;

- совершенствование методических рекомендаций по обеспечению реализации избирательных прав военнослужащих;

- разработка рекомендаций по подготовке военнослужащих к участию в избирательных компаниях на разных уровнях выборов¹⁷.

Рассмотрение потребностей и возможностей правового обеспечения избирательных прав военнослужащих представляется необходимым условием совершенствования их статуса в современном российском обществе.

¹⁶ Гранатович А. В. Актуальные вопросы правового обеспечения участия военнослужащих Российской Федерации в избирательном процессе // Научное Обозрение. Серия 1. Экономика и право. № 1. 2016. С. 108–112.

¹⁷ Гранатович А. В. Некоторые проблемы обеспечения избирательных прав военнослужащих и пути их решения // Право в Вооруженных Силах: военно-правовое обозрение. № 6. 2013.

Список литературы

1. Веденеев Ю. А. Развитие избирательной системы Российской Федерации: проблемы правовой институционализации // Журнал российского права. 2006. № 6. [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

2. Гончаров В. В. Выборность как принцип формирования и функционирования органов исполнительной власти в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 7. [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

3. Гранатович А. В. Актуальные вопросы правового обеспечения участия военнослужащих Российской Федерации в избирательном процессе // Научное Обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2016. № 1.

4. Гранатович А. В. Некоторые проблемы обеспечения избирательных прав военнослужащих и пути их решения // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2013. – № 6.

5. Дирина А. И. Конституционно-правовое регулирование и особенности правовой реализации политических прав военнослужащих Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2009.

6. Леншина Ю. С. Активное и пассивное избирательное право военнослужащих вооруженных сил России: проблемы реализации и пути совершенствования законодательства Российской Федерации на современном этапе // Военно-юридический журнал. 2008. № 3. [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

7. Петров М. И. Комментарий к Федеральному закону «О воинской обязанности и военной службе (постатейный) // ЗАО Юстицинформ, 2007. [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

8. Смуров Р. П. Права человека: Учеб. пособие. М., 2009.

9. Трофимов Е. Н. О некоторых общих вопросах, связанных с реализацией политических прав и свобод военнослужащими в условиях прохождения военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации // Военно-юридический журнал. 2009. № 6. [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

ДИНАМИКА ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ЛЕЙБОРИСТСКИХ ПАРТИЙ В ЗАПАДНЫХ СТРАНАХ

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются актуальные проблемы и перспективы изменения уровня электоральной поддержки лейбористских партий в развитых странах Запада. Оценивая результаты выступлений соответствующих субъектов политической борьбы на выборах в национальные парламенты, автор приходит к выводу о том, что на современном этапе разворачивается глобальный кризис лейборизма и тред-юнионизма. Причины данного кризиса можно связывать с переходом к постиндустриальному обществу, в котором классовая дифференциация сменяется социальной кооперацией, и, как следствие, исчезает общественный запрос на левые политические идеи и программы. По мнению автора, место лейбористских и социал-демократических партий во главе оппозиционного движения стран ЕС в ближайшей перспективе займут умеренные националисты и евроскептики.

Ключевые слова: партия лейбористов, выборы, электоральная поддержка, политическая борьба, парламент, профессиональные союзы

THE DYNAMICS OF ELECTORAL SUPPORT FOR LABOUR PARTIES IN WESTERN COUNTRIES

Abstract. This article discusses topical problems and prospects for changing the level of electoral support for Labour parties in Western developed countries. Assessing the results of the participation of Labour parties in Parliamentary elections in different countries, the author comes to the conclusion that there is a global crisis of labourism and trade unionism in modern world. The causes of such this crisis can be attributed to the transition to a postindustrial society in which class differentiation is replaced by social cooperation, and as a consequence, the public request for leftist political ideas and programs disappears. According

to the author, in the near future, right-wing nationalists and Eurosceptics will take the place of the Labour and Social-Democratic parties at the head of the opposition movement of the EU countries.

Keywords: *Labour Party, elections, electoral support, political struggle, parliament, trade unions.*

XX век по праву может считаться веком расцвета лейбористских партий не только в Европе, но и во всем мире. В период бурного промышленного роста западных держав лейбористам удалось стать ключевыми артикуляторами и выразителями интересов наемного труда. От большинства левых партий их выгодно отличала приверженность к цивилизованным методам политической борьбы и принципам поступательного социально-экономического развития. По итогам успешных парламентских выборов лейбористы нередко получали возможность формировать кабинеты министров и выдвигать своих лидеров на премьерские посты. Однако в последние годы обозначилась неуклонная тенденция к ослаблению их позиций. Следует отметить, что на уровне национальных государств лейбористам и прежде неоднократно доводилось оказываться в оппозиции к либералам, консерваторам и умеренным националистам, но еще никогда проблема их низкой электоральной поддержки не приобретала мирового масштаба. Соответствующая тенденция, констатируемая, прежде всего, в Англии и бывших колониях Британской империи, заставляет выдвинуть гипотезу о глобальном кризисе или, как минимум, политическом упадке лейборизма в современном мире. Причины и вероятные последствия данного кризиса будут рассмотрены в настоящей статье.

* * *

Своим зарождением и стремительным развитием лейбористские партии обязаны движению тред-юнионов. К концу XIX века западные профсоюзы, пройдя путь от подпольных организаций до крупных легализованных ассоциаций, сформировались как полноценные группы интересов. Дабы трансформировать свой растущий экономический и организационный потенциал в политическое влияние, они обратились к практике инкорпорирования своих представителей в легислатуры. Наиболее энергично данный процесс разворачивался в Англии, где ассоциации наемных работников совместно с рядом левых партий учредили в 1900 году «Комитет по представительству интересов наемных работников» (Labour Representation Committee), выдвинувший на выборы в Палату общин 15 кандидатов, из которых двоим удалось добиться победы. Так наемные работники впервые в истории успешно задействовали механизм электорального представительства интересов.

Уже к 1906 году профсоюзное представительство в английском Парламенте расширилось до 29 человек, что способствовало организационному укреплению и стремительному развитию Лейбористской партии Великобритании. Начало XX века ознаменовалось возникновением аналогичных политических объединений практически во всех странах Запада. В 1901 году Партия лейбористов была учреждена в Австралии, в 1916 году – в Новой Зеландии, в 1912 году – в Ирландии и т.д.

За последние 100 лет соотношение сил между фракциями лейбористов и консерваторов в английской Палате общин принципиальным образом менялось более 10 раз. В конце прошлого века Трудовая партия пережила один из наиболее сложных этапов своего развития, связанный с нахождением Маргарет Тэтчер на посту премьер-министра Великобритании. Ограничение финансовых и политических свобод профессиональных союзов, а также показательная победа Тэтчер в конфликте с Национальным союзом горняков нанесли колоссальный удар по имиджу тред-юнионов и повлекли массовый выход граждан из рядов рабочего движения¹. Ослабление главного союзника лейбористов не могло не сказаться на уровне их электоральной поддержки. Однако после восемнадцатилетнего доминирования консерваторов в Палате общин их традиционным конкурентам удалось выиграть парламентские выборы 1997, 2001 и 2005 годах. Полагаем, что успех лейбористов в конце 1990-х и середине 2000-х годов в значительной мере обуславливается личной популярностью их бывшего лидера – Тони Блэра.

Выборы в Палату общин 2010 года ознаменовались для Лейбористской партии Великобритании завершением успешного политического цикла. Из 641 выдвинутого ими кандидата лишь 258 прошли в Парламент (на 91 меньше, чем в 2005 г.). Благодаря формированию праволиберальной коалиции в Палате общин английское правительство впервые за длительный промежуток времени возглавил представитель Консерваторов – Дэвид Кэмерон. Вскоре после выборов кабинет министров во главе с Кэмероном предпринял ряд мер, направленных на ослабление политического и экономического потенциала своих главных конкурентов. Принятие закона «О прозрачности лоббизма, проведении непартийных политических кампаний и управлении профессиональными союзами» в 2014 году существенно ограничило допустимые инструменты и механизмы электоральной поддержки политических партий со стороны тред-юнионов. Данный нормативный акт, по мнению британского эксперта К. Эвинга, был призван «заглушить предвыборную агитацию профсоюзов в пользу лейбористов» и «ограничить политические свободы рабочих ассоциаций»². В конечном счете на парламентских вы-

¹ Тьерно Ж. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М.: Молодая гвардия. 2010. С. 147.

² Trade unions and the lobbying Bill [Электронный ресурс] Электрон. дан. URL: <http://www.ier.org>.

борах 2015 года Лейбористская партия продемонстрировала худший за последние 35 лет результат, сократив свое представительство в Палате общин еще на 26 человек.

После исторического референдума о выходе Великобритании из состава Европейского союза было принято решение о проведении летом 2017 года досрочных парламентских выборов как своеобразного «референдума о доверии» Правительству во главе с Терезой Мэй. В преддверии выборов ведущие эксперты и центры изучения общественного мнения сходились в своих прогнозах относительно поражения Лейбористской партии. Главная интрига заключалась в том, смогут ли консерваторы завоевать парламентское большинство. В итоге партии-фавориту удалось получить лишь 318 из 650 мест в Палате общин. Лейбористы, напротив, несколько улучшили результат 2015 года, расширив состав своей парламентской фракции до 262 депутатов.

Подобные итоги кампании могут объясняться не столько укреплением электоральных позиций Трудовой партии (для этого на данный момент нет объективных оснований), сколько падением уровня доверия британцев к их традиционному конкуренту, которое вызвано неспособностью действующей власти эффективно бороться с террористической угрозой и миграционным кризисом. Вместе с тем, благодаря заключению коалиционного соглашения с Либеральными демократами и Североирландскими юнионистами, консерваторам удалось получить контроль над правительством страны и продолжить курс на дезинтеграцию с Европейским союзом. Таким образом, сравнительно удачное выступление лейбористов на выборах 2017 года лишь закрепило за ними статус оппозиционной партии и принципиально не изменило их роли в политической жизни Великобритании.

* * *

Результаты парламентских выборов в постколониальных странах Британской империи подтверждают гипотезу о глобальном характере спада электоральной поддержки лейбористов. Так, в Австралии соответствующая партия еще 10 лет назад утратила парламентское большинство и безуспешно пытается вернуть его вплоть до настоящего момента. С 2007 по 2013 год ей удавалось контролировать правительство лишь благодаря заключению союза с «зелеными» и рядом независимых депутатов. На выборах 2016 года австралийская Партия лейбористов получила 46,51 процента голосов избирателей и оказалась в оппозиции по отношению к парламентской коалиции, сформированной Либеральной и Национальной партиями. Согласно актуальным социологическим опросам, проведенным

в конце мая 2017 года, 38 процентов австралийцев поддерживают правящую коалицию, и 36 процентов потенциально готовы отдать свои голоса за лейбористов³.

Практически аналогичная ситуация отмечается в Новой Зеландии, где Лейбористская партия, проиграв парламентские выборы 2008 года, до настоящего момента не может добиться результата, который бы позволил ей сформировать правительство страны. По итогам последней электоральной кампании 2014 года лейбористы получили только 32 из 120 мандатов в Палате представителей (на 2 меньше, чем в 2011 г.), тогда как их главный соперник – Национальная партия – заняла ровно половину депутатских мест.

Впрочем, констатируемый нами спад электоральной поддержки лейбористов отмечается и на территории материковой Европы. Так, например, в Норвегии Трудовая партия пребывает в оппозиции с тех пор, как в 2013 году возглавляемая ее бывшим лидером Йенсом Столтенбергом (ныне – генеральный секретарь НАТО) Социал-демократическая коалиция утратила доминирующие позиции в национальном парламенте. Сокрушительным поражением Трудовой партии завершились состоявшиеся весной 2017 года выборы в парламент Нидерландов. Лейбористы, некогда входившие в правящую коалицию, утратили 29 из 38 депутатских мест, завоеванных ими в 2012 году. Лидер партии Л. Ассер назвал подобный результат «драматичным» и признал, что его партия некогда «управляла страной и вывела ее из кризиса, но не смогла убедить избирателей»⁴.

С высокой долей вероятности, можно предположить, что бывший электорат голландских лейбористов частично перешел на сторону правых популистов в лице Партии свободы Г. Вилдерса. Впрочем, с 2013 года Лейбористская партия является правящей на Мальте, где проживает менее полумиллиона человек, однако данный успех можно расценивать как локальный. Единственной крупной европейской державой, где на данный момент у власти пребывает коалиция во главе с лейбористами, остается Швеция. На парламентских выборах 2014 года Социал-демократическая (де-факто, лейбористская) партия Швеции смогла получить 113 из 349 мест в Риксдаге, что позволило ей сформировать коалиционное правительство и выдвинуть своего лидера С. Левена на пост премьер-министра страны. Однако подобный результат следует рассматривать через призму доминирующей в Швеции концепции «государства всеобщего

³ Цитируется по: Federal voting intention [Электронный ресурс] Электрон. дан. URL: <http://www.essentialvision.com.au/category/essentialreport> (дата обращения: 10.06.2017).

⁴ Итоги выборов в Нидерландах успокоили сторонников евроинтеграции и обрадовали ультраправых [Электронный ресурс] // ТАСС: сетевое издание. Электрон. дан. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4101433> (дата обращения: 10.06.2017).

благоденствия», популярность которой способствует электоральным успехам левых сил.

* * *

Итоги состоявшихся в 2014 году выборов в Европарламент подтверждают выявленную нами тенденцию. Из 73 кандидатов, избранных от Великобритании в главный законодательный орган объединенной Европы, лишь 20 представляют Лейбористскую партию. При этом лидером по итогам голосования стали правые консерваторы в лице Партии независимости Соединенного Королевства, получившей 24 мандата. На аналогичных выборах Трудовая партия Нидерландов смогла завоевать лишь 3 из 26 мест, отведенных в Европарламенте голландцам. Всего же Прогрессивному альянсу социалистов и демократов, объединяющему более 30 левых партий, удалось получить 190 депутатских мест, а лидирующие правоцентристы (Европейская народная партия) завоевали 217 мандатов. Столь неутешительные для лейбористов результаты парламентских выборов не могут, на наш взгляд, объясняться простым стечением обстоятельств или ситуативным изменением предпочтений западного избирателя. Причины глобального спада их электоральной поддержки мы видим в комплексе факторов, каждый из которых заслуживает отдельного рассмотрения.

1. Социально-экономические причины. Переход от индустриального общества к постиндустриальному (информационному), завершаемый развитыми странами, ознаменовал деформацию сложившейся к концу XX века модели общественно-производственных отношений. Снижение уровня занятости в промышленном секторе, перемещение производственных мощностей транснациональных корпораций в страны Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, вытеснение «живой» рабочей силы компьютерной техникой привели к естественному количественному сокращению представителей рабочего класса – традиционного электората лейбористов. Кроме того, изменилась сама природа межклассовых отношений. Характерный для индустриального общества антагонизм наемных работников и работодателей уже практически не констатируется в современных западных странах. Напротив, отмечаются межклассовая кооперация и конвергенция, о чем свидетельствует не только высокая социальная ответственность бизнеса, но и рост числа самозанятых граждан (индивидуальных предпринимателей). В данных обстоятельствах пропадает объективная потребность в партиях, обеспечивающих политическое представительство и защиту интересов пролетариата.

2. Глобальный упадок профсоюзного движения. Для подавляющего большинства лейбористских партий тред-юнионы традиционно выступали не только важнейшей институциональной опорой в системе гражданского общества, но и основным источником финансовых вливаний. Однако на

современном этапе практически во всех странах мира профессиональные союзы переживают экзистенциальный кризис, пытаясь найти свое место в стремительно меняющихся экономических и политических реалиях. В частности, сокращение охвата профсоюзным членством приобрело характер устойчивой глобальной тенденции. По данным национального бюро трудовой статистики США, к 2016 году доля членов американских профсоюзов составила 10,7 процента от общего числа наемных работников (14,6 млн. человек), тогда как в 1983 году этот показатель равнялся 20,1 процента (17,7 млн. человек)⁵. В Великобритании охват профсоюзным членством в 2015 году был зафиксирован на уровне 24,7 процента. При этом в абсолютном выражении количественный потенциал современных английских профсоюзов сократился до уровня 1919 года (7 млн. человек), хотя еще в 1978 году их социальная база включала около 14 млн. трудящихся⁶. Сопоставимые по масштабу потери понесло профсоюзное движение Германии, ряды которого за последние 25 лет сократились почти вдвое. Во Франции на сегодняшний день в профсоюзах состоят менее 8 процентов работников, что свидетельствует о трехкратном уменьшении их членской базы по сравнению с 1950 годом⁷. В Израиле за последние 15 лет доля членов профсоюзов от общего числа работников сократилась с 41,3 до 22,8 процента⁸. Аналогичные тенденции отмечаются в Австрии, Чешской Республике, Греции, Голландии, Польше, Венгрии, Швеции, Швейцарии, Турции, Португалии, Японии и ряде других стран. Исключениями на общем фоне выглядят Италия, Бельгия, Канада, Южная Корея и некоторые Скандинавские страны⁹. Для лейбористских партий столь масштабное сокращение профсоюзных рядов означает, во-первых, ослабление их стратегических партнеров, во-вторых, сокращение материальной подпитки, и, в-третьих, потерю значительной доли лояльных избирателей, некогда принадлежавших к движению тред-юнионов.

3. Идеологические причины. Концептуальной доминантой политической программтики лейбористских партий всегда была близость к левым (главным образом, социалистическим и социал-демократическим) идеологемам. Однако в развитых странах, за исключением государств Скандинавского полуострова, популярность соответствующих идей вот

⁵ Цитируется по: Bureau of labour statistics of the USA official website. [Электронный ресурс] Электрон. дан. URL: <https://www.bls.gov/news.release/union2.nr0.htm> (дата обращения: 10.06.2017).

⁶ Цитируется по: The UK Trade Union Membership 2015: Statistical Bulletin [Электронный ресурс] Электрон. дан. URL: <https://www.gov.uk/government/statistics/trade-union-statistics-2015> (дата обращения: 10.06.2017).

⁷ Цитируется по: Why French trade unions are so strong [Электронный ресурс] // The Economist, 17.03.2104. Электрон. дан. URL: <http://www.economist.com/blogs/economist-explains/2014/03/economist-explains-15> (дата обращения: 10.06.2017).

⁸ Цитируется по: The Organization for Economic Co-operation and Development (OECD) official website [Электронный ресурс] Электрон. дан. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=UN_DEN (дата обращения: 10.06.2017).

⁹ Там же.

уже в течение 30 лет неуклонно падает. Средний класс, составляющий ядро западного электората, является носителем праволиберальной, консервативной или умеренной идеологии. В сегменте так называемых синих воротничков (представителей рабочих профессий), традиционно поддерживавших лейбористов, все более популярными становятся националистические и праворадикальные идеи. Во многом это объясняется массовым недовольством граждан по поводу притока мигрантов из Африки и стран Ближнего Востока.

Важно отметить, что Лейбористские партии в силу приверженности социал-демократическим идеалам являются сторонниками достаточно «мягкой» миграционной политики и выступают с позиции защиты прав беженцев. Как следствие, симпатии их электората переходят на сторону правых и евроскептиков, которые постепенно наращивают свой политический потенциал. Наконец, партийные программы и лозунги лейбористов, всегда отличавшиеся известной долей популизма, уже не могут найти прежнего отклика у современного Западного избирателя, склонного к трезвому прагматизму. Так, заявленные в предвыборной программе Лейбористской партии Великобритании обещания создать «миллионы высокотехнологичных рабочих мест» и «гарантировать всеобщую занятость за счет инвестирования 500 миллиардов фунтов стерлингов в инфраструктурные проекты» едва ли могут рассматриваться избирателями как реально выполнимые¹⁰.

4. Кадровый кризис. Для лейбористских партий всегда был характерен харизматический тип лидерства, основанный на личной популярности их первых лиц в среде наемных работников. Однако с момента отставки Т. Блэра в Великобритании и перехода Й. Столтенберга с поста премьер-министра Норвегии на должность генсека НАТО ни в одной стране мира во главе лейбористского движения так и не встал политический лидер, сопоставимый по масштабу и популярности с вышеназванными персонами. Прежде всего, это касается Трудовой партии Великобритании, председателями которой за последние 7 лет успели побывать Г. Браун, Э. Милибэнд и Д. Корбин. Последний руководит английскими Лейбористами с 2015 года, возглавляя парламентскую оппозицию в Палате общин. Не так давно канал ВВС признал Д. Корбина «главным разочарованием в политической истории Британии»¹¹. Противники видят в нем карикатуру на убежденных сторонников лейборизма 1980-х годов, для которых преданность социал-демократическим идеалам значила больше, чем борьба за власть.

Действительно, 68-летний Корбин, придерживающийся леворадикальных взглядов, является крайне нетипичной фигурой для современной

¹⁰ The Labour Party of the United Kingdom official website [Электронный ресурс] Электрон. дан. URL: <http://www.labour.org.uk/index.php/10-pledges> (дата обращения: 10.06.2017).

¹¹ The Jeremy Corbyn Story: Profile of Labour leader [Электронный ресурс] URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-34184265> (дата обращения: 10.06.2017).

политической элиты Великобритании. За 30 лет нахождения во внутренней оппозиции к относительно умеренным лидерам Партии лейбористов он заработал репутацию непримиримого борца с любыми праволиберальными идеями. Благодаря одиозным высказываниям, симпатиям к руководству социалистических стран Латинской Америки и стремлению укрепить диалог между Великобританией и Россией Д. Корбин нередко становился мишенью для информационных атак со стороны Западной прессы. В современной Великобритании, покидающей Евросоюз и возвращающейся на путь неоконсерватизма, действующий лидер лейбористов едва ли может рассчитывать на поддержку со стороны большинства граждан. Следует, однако, признать, что в ходе парламентской электоральной кампании 2017 года Д. Корбин несколько усилил свои внутрипартийные позиции и укрепил персональный политический имидж за счет жесткой критики премьер-министра Т. Мэй.

* * *

Таким образом, опыт Соединенного Королевства, Австралии, Новой Зеландии, Нидерландов и ряда Скандинавских государств свидетельствует о падении уровня электоральной поддержки лейбористов в тех странах, где они еще недавно играли ведущую роль в политическом процессе. Примечательно, что на постсоветском пространстве предпринимаются единичные попытки создания трудовых партий. В течение последних 25 лет подобные институты возникали в Армении, Беларуси, Литве, Молдавии и на Украине, однако добиться существенных успехов на выборах им так и не удалось.

Весьма неоднозначной оценки заслуживает деятельность возрожденной в 2012 году российской партии «Союз труда». Подобно британским Лейбористам, данная партия создана по инициативе крупнейшего национального профцентра (Федерации независимых профсоюзов России) и призвана обеспечить политическое представительство тред-юнионов в органах законодательной власти. С момента учредительного съезда «Союзу труда» так и не удалось провести ни одного кандидата в законодательные собрания субъектов Российской Федерации. На выборы депутатов Государственной Думы VII созыва партия допущена не была, поскольку значительную долю подписей, собранных для ее выдвижения, ЦИК России признала недействительной. Дальнейшие перспективы развития «Союза труда» сложно поддаются оценке, поскольку отечественные профсоюзы традиционного типа достаточно тесно сотрудничают с политической партией «ЕДИНАЯ РОССИЯ», благодаря чему им регулярно удается проводить своих представителей в Государственную Думу.

* * *

Прогностические суждения относительно дальнейшего изменения уровня электоральной поддержки лейбористских партий в Западных странах могут базироваться на экстраполяции выявленных нами тенденций на ближайшее будущее. Полагаем, что в среднесрочной перспективе социальные, экономические и политические реалии не будут благоприятствовать укреплению их позиций. Прежде всего, это касается Западной Европы, где левые идеи с высокой долей вероятности уже никогда не обретут былой популярности. Современные лейбористы неспособны дать внятный политический ответ на главную проблему, волнующую европейского избирателя, – миграционный кризис. Стремительно растущая популярность националистов и евроскептиков служит тому косвенным подтверждением. Вместе с тем, полного ухода Рабочих партий с политической арены развитых стран в ближайшие десятилетия прогнозировать не следует. Вероятнее всего, их ожидает острая борьба с ультраправыми силами за ведущие роли в оппозиционном движении Западных держав.

Список литературы

1. Тьеро Ж. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010.
2. Trade unions and the lobbying Bill [Электронный ресурс] URL: <http://www.ier.org.uk/blog/trade-unions-and-lobbying-bill> (дата обращения: 10.06.2017).
3. Federal voting intention [Электронный ресурс] URL: <http://www.essentialvision.com.au/category/essentialreport> (дата обращения: 10.06.2017).
4. Итоги выборов в Нидерландах успокоили сторонников евроинтеграции и обрадовали ультраправых [Электронный ресурс] URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4101433> (дата обращения: 10.06.2017).
5. Bureau of labour statistics of the USA official website. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bls.gov/news.release/union2.nr0.htm> (дата обращения: 10.06.2017).
6. The UK Trade Union Membership 2015: Statistical Bulletin [Электронный ресурс] URL: <https://www.gov.uk/government/statistics/trade-union-statistics-2015> (дата обращения: 10.06.2017).
7. Why French trade unions are so strong [Электронный ресурс] // The Economist, 17.03.2104. URL: <http://www.economist.com/blogs/economist-explains/2014/03/economist-explains-15> (дата обращения: 10.06.2017).
8. The Organization for Economic Co-operation and Development (OECD) official website [Электронный ресурс] https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=UN_DEN (дата обращения: 10.06.2017).

9. The Labour Party of the United Kingdom official website [Электронный ресурс] URL: <http://www.labour.org.uk/index.php/10-pledges> (дата обращения: 10.06.2017).

10. The Jeremy Corbyn Story: Profile of Labour leader [Электронный ресурс] URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-34184265> (дата обращения: 10.06.2017).

О.В. ДАМАСКИН

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНОЙ ЮРИСДИКЦИИ КАК ФАКТОРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются современные проблемы международного права и международной юрисдикции, потребности и возможности формирования перспектив равноправного международного сотрудничества, в интересах международной и национальной безопасности.*

***Ключевые слова:** международное право, международная юрисдикция, международные суды, международная и национальная безопасность.*

CONTEMPORARY ISSUES OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL JURISDICTION AS FACTORS OF INTERNATIONAL AND NATIONAL SECURITY

***Abstract.** The article examines contemporary issues of international law and international jurisdiction, the needs and opportunities of the formation of the prospects for equitable international cooperation in the interests of international and national security.*

***Keywords:** international law, international jurisdiction, international courts, international and national security*

Трансформация мира в процессе глобализации в связи с распадом СССР не привела к реальной разрядке напряженности, ликвидации военных союзов и всеобщему разоружению. Экономическая экспансия, милитаризм, накопление оружия массового уничтожения продолжаются. В различных районах мира возникают очаги напряженности и военные конфликты.

ДАМАСКИН Олег Валерьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, г. Москва

Терроризм, как современное универсальное транснациональное средство борьбы, получает широкое развитие и используется криминальными, религиозными и государственными организациями¹.

Опыт второй мировой войны показал, что перед угрозой общей опасности возможно объединение различных общественных систем. Это внушало народам всего мира оптимизм в борьбе за исключение войн из международных отношений. Между итогами войны и развитием стран и народов в послевоенные годы существует глубокая взаимосвязь. Поэтому в современных условиях политическая интерпретация и юридическое закрепление итогов второй мировой войны актуализируются в условиях глобализации и стремления США к гегемонизму.

Тот же опыт второй мировой войны и послевоенных лет доказывает, что политике и идеологии агрессии и военных авантур, какие бы формы они ни принимали, необходимо давать решительный и твердый отпор. Считается, что холодная война прекратилась с падением коммунизма. Однако назревает угроза возвращения к состоянию холодной войны, поскольку фактически борьба всегда шла между СССР и Западом как между двумя культурами, имеющими разную историю и природу, ориентированными на разные ценности и ресурсы. Запад, ведя активную борьбу с коммунизмом, декларировал, что борется не с СССР, а с коммунистическим режимом.

Десятилетиями культивировался миф о народе, изнывающем под игом тоталитаризма и жаждущем свободы в западном понимании. Однако формирование представления о свободе, как пути к комфорту в обществе потребления, оказалось иллюзией. А значит, современное охлаждение отношений Запада и России вызвано кризисом неоправданных ожиданий. Для Запада отношение к России – часть внешней политики сложных отношений с «неразвитым» обществом. Для России отношения с Западом являются, прежде всего, вопросом культуры, выбора путей внутреннего развития, обеспечение суверенитета.

Таким образом, целесообразно вернуться к проверенным принципам политики мирного сосуществования, невмешательства во внутренние дела друг друга, отказавшись от иллюзии «одинаковости партнеров». Вот почему в условиях глобализации необходим заинтересованный, глубокий и компетентный диалог России и Запада в интересах конструктивного сотрудничества и международной и национальной безопасности².

* * *

За последние десятилетия в мире произошли существенные геополитические изменения. Развал СССР и формирование новых независимых государств

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Интернет-портал Российская газета.

² Дамаскин О. В. Россия в современном мире: проблемы международной и национальной безопасности. М.: 2016. С. 423.

как реакция на холодную войну и идеологическое противостояние во многом изменили критерии государственности. При этом во имя политической целесообразности были проигнорированы основополагающие принципы международного права, Хельсинские договоренности о нерушимости границ в Европе.

Представляется, что Запад заинтересован в демонтаже послевоенной системы международного права, снижении роли ООН и дроблении суверенных государств в целях формирования в условиях глобализации нового мирового порядка при лидерстве США. Вместе с тем в Европейском Союзе становится дискуссионной теория о том, что континент вступил в эпоху федерализма, национальные государства утрачивают свою роль, а это ведет к отказу от послевоенных границ в Европе. Кроме того, Европейский Союз заинтересован в расширении своей территории, механизме дробления и поглощения соседних государств. При этом в зоне особого риска оказываются страны, неспособные предотвратить свой распад силовым путем. Это обуславливает потребность осмысления влияния новых факторов на постсоветском пространстве, включая продвижение НАТО на Восток, организацию псевдодемократических «революций» и «майданов».

Нарастание международной напряженности, в связи с деятельностью ИГИЛ³ (запрещено в Российской Федерации) и других террористических организаций, массовое перемещение беженцев из стран Азии и Африки в Европу, военная агрессия и экономическая экспансия США и их союзников, посредством новых сил и средств ведения вооруженной борьбы, продвижения НАТО к границам России, возрождение нацистских, неофашистских, русофобских движений и военных формирований в Украине и других странах актуализируют проблемы международной и национальной безопасности. В настоящее время вооруженные конфликты, происходящие во многих странах мира, приводят к огромным человеческим жертвам, страданиям гражданского населения и масштабным разрушениям культурных ценностей, несмотря на существование международного гуманитарного права (МГП), призванного обеспечивать защиту жертв войны, военных конфликтов, а также ограничивать методы и средства ведения войны.

Впервые обсуждение роли национальных комитетов по МГП и моделей их работы состоялось в рамках совещания экспертов, созванного Международным Комитетом Красного Креста (МККК) в 1996 году. Совещания представителей таких органов проводились трижды: в 2002, 2007 и 2010 годах. По результатам обсуждений и с опорой на передовые методы работы существующих национальных комитетов Консультативная служба МККК по МГП разработала основные документы для содействия работе комитетов и отношениям между ними: «Руководящие принципы, относящиеся к статусу и деятельности национальных органов по имплементации международного гуманитарного права» и «Практические

³ Красинский В.В., Машко В.В. Международная террористическая организация «Исламское государство». Монография. М.: ИНФРА-М. 2017. С. 94.

рекомендации по содействию деятельности национальных комитетов по международному гуманитарному праву».

Актуализация проблем международного гуманитарного права в современных условиях обострения международной напряженности, военных конфликтов в ряде мусульманских и арабских государств, массовой миграции в Европу обусловили проведение 10 ноября – 2 декабря 2016 года Всемирного совещания национальных комиссий и других национальных органов по имплементации международного гуманитарного права, проблеме усиления защиты во время вооруженных конфликтов посредством законодательных и политических мер, принимаемых на национальном уровне⁴. Поэтому актуализируется рассмотрение современных гуманитарных проблем, потребностей и возможностей развития деятельности органов по международному гуманитарному праву в сфере сохранения и охраны культурных ценностей; защиты от насилия в отношении раненых и больных, медицинского персонала, учреждений и транспорта в периоды вооруженных конфликтов и других чрезвычайных ситуациях; защиты лиц, перемещенных внутри страны, и мигрантов во время вооруженных противостояний.

На 2016 год в мире насчитывалось около 40 миллионов временно перемещенных лиц (ВПЛ), что составляло две трети от общего числа людей, вынужденных покинуть места своего постоянного проживания из-за вооруженных конфликтов и других ситуаций насилия⁵. Эта тенденция отражает затяжной и хронический характер вооруженных конфликтов, а также неспособность руководителей ряда государств обеспечить долгосрочные решения для сотен тысяч ВПЛ и миллионов потенциальных мигрантов. В условиях глобализации гуманитарные проблемы ориентирует мировое сообщество на признание потребностей и возможностей формирования и использования норм гуманитарного права в интересах международной и национальной безопасности.

Представляется возможным констатировать, что существующих норм МГП в основном достаточно для эффективного решения задач по защите жертв войн и военных конфликтов, а также ограничения средств и методов их ведения, в связи с чем отсутствует необходимость их пересмотра, а также принятия новых конвенций или дополнительных протоколов. Среди основных практических вопросов продолжают оставаться ключевыми реальное соблюдение МГП всеми участниками вооруженных конфликтов, включая государства, и международно-правовая ответственность за его нарушения. Очевидно, что эта проблема в условиях глобализации еще долгое время будет актуальной для всего мирового сообщества, что актуализирует проблематику реализации международного гуманитарного права и международной юрисдикции.

⁴ Всемирное совещание национальных комиссий и других национальных органов по имплементации международного гуманитарного права. 10 ноября – 2 декабря 2016 г. Женева, Швейцария. 2016. С. 5.

⁵ Internal Displacement Monitoring Centre (IDMC), Global Report on Internal Displacement, 2016.

* * *

Актуализируются проблемы вхождения государств в союзы и блоки, развития наднациональных структур власти и международного права. Изменяется понятие государственных границ, приоритетным становится понятие среды обитания, в которой оказывается государство. Состояние экономики, качество жизни и направленность внутренней и внешней политики государств на постсоветском пространстве становятся факторами, стимулирующими отказ от центробежных тенденций распада союза и перехода к центростремительным тенденциям сближения, на основе общих интересов в новых условиях. От этого в значительной мере зависит безопасность России, стран постсоветского пространства, безопасность в Европе и во всем мире. Эти угрозы обуславливают необходимость осмысления потребности и возможности объединения стран постсоветского пространства на основе общности интересов, связанных с экономикой и народонаселением, в интересах повышения совместного политического влияния в международном сообществе. Сближение стран на постсоветском пространстве в современных условиях глобализации представляется необходимым фактором укрепления экономических и культурных связей, современных сил и средств национальной и международной безопасности. Это также актуализирует проблемы международного права и международной юрисдикции.

Международное сообщество должно иметь в своем распоряжении механизм осуществления правосудия в случае совершения наиболее серьезных нарушений, затрагивающих коренные интересы человечества. Само право на суд за преступления против международного права должно реализовываться всем международным сообществом, а не каким-либо одним государством или группой стран. Не столь давно возникновение международных судов, трибуналов и арбитражей, увеличение их количества рассматривались как однозначно позитивный процесс⁶. Однако, по прошествии времени оказалось, что при этом нельзя игнорировать существующие и потенциальные проблемы в работе международных судов и трибуналов. За ними стоят как позитивные факторы – усиление международной коммерческой деятельности государств, международных организаций, мер по защите прав человека, так и негативные – проблемы вооруженных конфликтов и международного терроризма, связанные с ними вопросы суверенитета и самозащиты, военных преступлений и преступлений против человечности, агрессии, геноцида⁷.

⁶ См., в частности, Shabtai, Roseanne, *The perplexities of modern international law*. The Hague Academy of international law, Martinus Nijhoff Publishing Leiden/Boston 2004. P. 64; *Международное право: Учебник для вузов*. Отв. ред. проф. Г.В. Игнатенко и проф. О.И. Тиунов. 3-е изд. М.: Норма, 2003. С. 208.

⁷ См. в частности, Higgins, Rosalyn, *Reflections from the international court.*, International law. 1st Ed., Malcolm D. Evans, Oxford University Press, 2003. P. 6; McLachlan, Campbell, *Reflections from the practice of international litigation.*, International law. 1st Ed., Malcolm D. Evans, Oxford University Press, 2003. P. 15–20.

В настоящее время действуют суды по правам человека, носящие региональный характер (в частности, Европейский суд по правам человека и Межамериканский суд по правам человека). Сущность этих судов отличается от ряда других судов и трибуналов, так как они создаются не для мирного разрешения споров между государствами, а для защиты прав индивидов от их нарушения национальными органами в рамках международных инструментов защиты прав человека. В их работе сохраняется общий принцип согласия сторон на рассмотрение дела международным судебным органом. Иной подход к данной проблеме присутствует в практике международных трибуналов, созданных для преследования индивидов за международные преступления, в частности, трибунала по Югославии. Еще в ходе Нюрнбергского процесса указывалось, что преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными существами, и только наказывая индивидов, совершивших такие преступления, можно проводить в жизнь нормы международного права⁸.

Уникальным был способ их организации – Нюрнбергский и Токийский трибуналы были учреждены соответствующими правительственными соглашениями⁹, а международные трибуналы в Руанде и бывшей Югославии – в 1990-е годы Резолюциями Совета Безопасности ООН¹⁰, но не посредством международных конвенций и соглашений, что характерно для большинства международных судов в соответствии с традиционным пониманием международного права.

Создание Международного трибунала по бывшей Югославии в 1993 году не воспрепятствовало массовым убийствам в Сребренице в 1995 году. На практике компетенция международных трибуналов распространяется в том числе на граждан государств, не являющихся членами соответствующих международных соглашений и организаций. Так, международный трибунал по бывшей Югославии рассматривал дела сербов, несмотря на позицию Совета Безопасности ООН, согласно которой с 1993 по 1999 год Сербия не была членом ООН. Смерть в тюрьме нескольких подсудимых, включая бывшего президента Югославии Милошевича в связи с неказанием необходимой медицинской помощи и лидера хорватских сербов Бабича дискредитирует деятельность этого суда. Неоднозначной представляется и оценка компетенции Международного уголовного суда, к юрисдикции которого относится рассмотре-

⁸ International Military Tribunal for the Trial of Major War Criminals, Judgement of 1 October, 1946, A.J.I.L., vol. 41 (1947), P. 172, at P. 221; такая же позиция закреплена ст. 25 (1) Римского статута (Rome Statute of the International Criminal Court, 37 I.L.M. 999 (1998)).

⁹ Международный Нюрнбергский военный трибунал был учрежден Соглашением правительств СССР, США, Великобритании и Франции от 8 августа 1945 года. Международный Токийский военный трибунал был создан 3 мая 1946 года странами победителями: СССР, США, Китай, Великобритания, Франция, Нидерланды, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Индия, Филиппины.

¹⁰ Международный военный трибунал по бывшей Югославии был учрежден на основе Резолюции Совета Безопасности ООН № 827 от 25 мая 1993 года. Международный трибунал по Руанде был утвержден Резолюцией Совета Безопасности ООН от 8 ноября 1994 года.

ние дел о военных преступлениях, преступлениях против человечности, геноциде, агрессии.

Специфика Международного уголовного суда имеет два значимых аспекта: а) более широкие по сравнению с международным обычаем определения ряда международных преступлений, б) делегированность юрисдикции Международного суда. В соответствии с пунктом 2 статьи 12 Римского статута, учреждающего Международный уголовный суд, для юрисдикции суда есть три основания: лицо, обвиняемое в преступлении, является гражданином государства, присоединившегося к Римскому статуту, преступление совершено на территории либо на борту воздушного или морского судна такого государства, дело передано в Международный уголовный суд Советом Безопасности ООН.

Однако при принятии Римского статута несколько государств, в частности США, возражали против того, чтобы вопросы, касающиеся их солдат, обвиняемых в совершении преступлений на территории государств, присоединившихся к Римскому статуту, рассматривались международным судебным органом, стороной соглашения о котором они не являются¹¹. В результате напряженной дискуссии по данному вопросу статья 16 Римского статута допускает отсрочку расследования или рассмотрения дела по запросу Совета Безопасности ООН (оформляется Резолюцией Совета Безопасности ООН в соответствии с Главой VII Устава ООН) на 12 месяцев. Советом Безопасности ООН 12 июля 2002 года была принята Резолюция № 1422¹², согласно которой юрисдикция Международного уголовного суда не распространяется на действия граждан государств, не присоединившихся к Римскому статуту. Резолюция предусматривает обновление этого положения на последующие 12 месяцев, «пока это будет необходимо». Можно считать, что данный политический компромисс ущемляет права государств, присоединившихся к Римскому статуту, в части их территориальной юрисдикции относительно преступлений, совершенных на их территории¹³.

Применение по инициативе США руководством стран НАТО двойных стандартов, военной силы при расчленении Югославии, признание большинством европейских стран независимости Косово, обусловило антисербскую направленность Международного военного трибунала по бывшей Югославии и способствовало авантюризму президента Грузии Михаила Саакашвили, выразившемуся в нападении на население Юж-

¹¹ Morris, M. «The United States and the International Criminal Court: High Crimes and Misconceptions: The ICC and Non-Party States». 64 Law and Contemp. Prob. 13 (2001); Paust. «The Reach of ICC Jurisdiction over Non-Signatory Nationals» 33 Vanderbilt Journal of International Law (2000). См. также Mike Allen, «Bush renews criticism of tribunals for war crimes. Troops are told U.S. will protect them from panel». Washington Post. July 20, 2002.

¹² Resolution 1422, S/RES/1422 (2002). Принята 12 июля 2002 года.

¹³ Sharf, M. P. «The United States and the International Criminal Court: The ICC's Jurisdiction over the Nationals of Non-Party States: A Critique of the U.S. Position». 64 Law & Contemp. Prob. 67 (2001).

ной Осетии и военной агрессии против российских миротворческих сил. Сравнительный анализ роли в истории Нюрнбергского и Токийского Международных военных трибуналов и Гаагского Международного военного трибунала по бывшей Югославии дает основание для утверждению об ангажированности последнего интересами стран НАТО.

* * *

Последние годы ознаменовались декларированием намерения подчинить сферу международных отношений юридической процедуре. Безусловно, нарушения прав человека, военные преступления, геноцид и пытки приобрели такие масштабы и покрыли наше время таким позором, что разработка правовых норм, предотвращающих подобные беззакония или карающие за них, представляется жизненно необходимой. Однако опасность состоит в возможности того, что диктат правительств сменится произволом «независимых» судей. Согласно доктрине всемирной юрисдикции¹⁴, существуют настолько опасные преступления, что совершившие их лица не вправе избегать правосудия, прикрываясь принципами суверенитета или неприкосновенности национальных границ.

К настоящему времени сформировались два основных подхода к решению этой проблемы. Первый состоит в применении внутренних механизмов уголовного преследования в случае нарушений общепринятых мировых стандартов на основе конвенций ООН с передачей нарушителей под юрисдикцию соответствующего государства посредством процедуры экстрадиции. Второй подход заключается в организации специальных международных судов, в частности Международного уголовного суда, решение о создании которого было принято в июле 1998 года на конференции в Риме представителями девяноста пяти государств, включая большинство европейских стран¹⁵.

После завершения второй мировой войны основные усилия были направлены на то, чтобы создать соответствующую юридическую базу для предотвращения преступлений против человечества, отличавшихся особой жестокостью, и наказания за них. В связи с этим историческое значение имеют Нюрнбергский и Токийский процессы 1945–1946 годов, Всеобщая декларация прав человека 1948 года, Конвенция по геноциду 1948 года и Конвенция о запрещении пыток 1988 года. Учреждение Советом Безопасности ООН в 1990-е годы международных трибуналов по расследованию преступлений в Югославии и Руанде было попыткой организовать в отдельных

¹⁴ Юрисдикция – (судопроизводство, ведение суда) подсудность; право производить суд, решать правовые вопросы; правовая сфера, на которую распространяются полномочия данного государственного органа. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык. 1982. С. 597.

¹⁵ Волеводз А. Г., Волеводз В. А. Современная система международной уголовной юстиции. М.: «Юрлитформ», 2009. С. 271.

регионах, пострадавших от произвола и насилия, систему, наказывающую за совершенные преступления. Однако в то время ни один из этих актов не декларировался, как стремление создать «всемирную правоохранительную систему». При подписании конвенций ООН или Заключительного акта Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки в 1975 году не предполагалось, что национальные судьи будут руководствоваться этими документами в качестве основы для выдвижения требований об экстрадиции в связи с обвинениями в преступлениях, совершенных вне пределов их юрисдикции.

Составители проектов этих конвенций полагали, что они выдвигают лишь общие принципы, а не формулируют законы, которые будут применяться судами государств, гражданами которых ни преступники, ни их жертвы не являются. Однако фактически они были прообразом современных правовых институтов, вторгающихся в сферу суверенитета различных государств. Так, Заключительный акт Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе превратился в своеобразный вид оружия, с помощью которого коммунистические режимы в Европе были объявлены вне закона и в итоге свергнуты. Деятельность Европейского суда по правам человека на протяжении длительного времени явно подвержена политическому влиянию при рассмотрении дел против России, инициированных в связи с событиями в Чеченской Республике и других регионах. Ранее никто не акцентировал внимания на том, что различные декларации ООН позволяют судьям из третьих стран преследовать государственных руководителей и других лиц, не соблюдая должным образом прав подозреваемых и принятых институциональных ограничений.

Следует признать наличие ряда проблем, негативно влияющих на процесс признания и развития международной юрисдикции, к которым, в частности, относятся следующие:

- избирательное использование принципов права для улаживания политических конфликтов, использование правовых средств в конъюнктурных политических целях;

- потребность объективного обоснования ряда теоретических вопросов: какие правовые нормы применяются; каковы правила работы со свидетелями; какие права имеет обвиняемый; каким образом судебные расследования повлияют на реализацию основных целей политической деятельности;

- проблемы и последствия, которыми чревата процедура, когда один судья получает возможность, руководствуясь личными соображениями, судить по законам своего государства гражданина другого государства за реально или предположительно совершенное им в этом другом государстве преступление или требовать экстрадиции обвиняемого из третьей страны, не принимая при этом во внимание никаких смягчающих обстоятельств, которые могут предусматриваться ее законодательством;

- чрезмерно широкая интерпретация международного права и международной юрисдикции, декларирующего возможность в любой части мира наделить судью единоличной властью применять положения национального права; подменять своим собственным мнением процедуру достижения мировых соглашений даже в демократичном обществе, в случае, если на кого-то падает подозрение в нарушении прав человека;

- возможность судьи подвергать обвиняемого уголовному преследованию в стране, резидентом которой является этот судья, в условиях действия правовой системы, с которой обвиняемый может быть незнаком и которая затруднила бы сбор доказательств и получение свидетельских показаний¹⁶.

При этом очевидно, что основным является вопрос о взаимоотношениях между всемирной юрисдикцией и национальными процедурами урегулирования конфликтов. Если судьи во всем мире получают возможность требовать экстрадиции без предупреждения обвиняемого и независимо от того, какова позиция государства, гражданином которого является обвиняемое лицо, в отношении самих подобных обвинений, то в таком случае страна, от которой требуют выдачи преступника, столкнется с необходимостью принять решение – удовлетворять или не удовлетворять поступивший запрос.

При такой процедуре экстрадиции у подозреваемого нет возможности оспорить обвинение по существу, ему придется довольствоваться возражениями по процедурной стороне процесса: если при требовании экстрадиции была совершена техническая ошибка; если правовая система страны, требующей экстрадиции, не в состоянии обеспечить беспристрастное разбирательство; если нарушение закона, за которое требуют экстрадиции, не считается преступлением в стране, от которой требуют выдать подозреваемого. Пока эти претензии рассматриваются, обвиняемый пребывает в той или иной форме предварительного заключения, возможно, на протяжении ряда лет. Такая процедура открывает возможности для политического шантажа уже задолго до того, как обвиняемый получит шанс представить доказательства в свою защиту, что, очевидно, принижает само существо обвинения.

Таким образом, доктрина всемирной юрисдикции, целью которой декларируется отход от политизации судебной процедуры и достижение всемирной справедливости, превращается в возможное средство преследования политического противника. Но такой подход противоречит принципам внутренней юрисдикции многих государств. В любом случае, всемирный юридический стандарт не должен исходить ни из положения, что благородная цель оправдывает любые средства, ни из того, что политические соображения стоят выше юридической процедуры.

¹⁶ Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? / Перевод с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2002. С. 126.

Идеологические сторонники всемирной юрисдикции активно поддерживали создание Международного уголовного суда. Их декларируемая цель – объявить преступными определенные виды военных и политических действий и сделать тем самым международные отношения более гуманными. Однако в его нынешнем виде, когда важнейшие проблемы международной политики решаются никем не избираемыми юристами в рамках международной юрисдикции, этот суд представляет собой существенное изменение в юридической практике.

Образование и деятельность Международного уголовного суда требуют принципиальных изменений в системах национального законодательства. Доктрина всемирной юрисдикции исходит из положения, что в отношении лиц и дел, входящих в сферу ее компетенции, существует полная определенность. В некоторых случаях, особенно подобных Нюрнбергскому процессу, личности подсудимых и их участие в преступлениях действительно были очевидны. Но многие случаи неоднозначны и зависят от толкования исторического и политического контекстов. Поэтому такая неопределенность порождает риск того, что позже принятые решения могут быть признаны спорными, а это уже происходило в практике существующих трибуналов. Сфера всемирной юрисдикции расширилась: к ней были отнесены не только преступления против человечества, но и имевшие место военные операции. Право прокурора руководствоваться только собственным мнением и его неподотчетность составляет наиболее заметную проблему Международного уголовного суда, поскольку не определены четкие рамки компетенции прокурора, а сам процесс обвинения излишне политизирован. Любое государство, из числа подписавших соглашение об учреждении Международного уголовного суда, имеет право инициировать любое расследование. Как показывает практика, такая процедура может затянуться на длительный срок и превратиться в инструмент политической борьбы.

Независимый прокурор Международного уголовного суда вправе предъявлять обвинения, которые могут быть пересмотрены только комиссией из трех судей. Согласно Римскому статуту, Совет Безопасности ООН имеет право отменять любой обвинительный акт. Но в связи с тем, что на решение об аннулировании обвинения может быть наложено вето одним из постоянных членов Совета Безопасности, и поскольку прокурор, как правило, выдвигает обвинение, заранее заручившись поддержкой как минимум одного постоянного члена Совета Безопасности, на практике свобода действий прокурора оказывается фактически неограниченной. Также договором о Международном уголовном суде предусмотрено право страны, гражданину которой предъявлено обвинение, самой провести расследование и суд. Пока имеют место все эти процедуры, а они могут затянуться на годы, обвиняемый будет ограничен в правах и, очевидно, ему придется отказаться от полноценной общественной жизни.

* * *

Рассмотрение современных проблем международного права и международной юрисдикции подтверждает достаточную обоснованность, состоявшегося 16 ноября 2016 года, распоряжения Президента Российской Федерации В. В. Путина о намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда¹⁷. За 14 лет деятельности Международный уголовный суд вынес всего четыре приговора, израсходовав при этом более миллиарда долларов. Представляется, что аналогичное решение может быть правомерно принято и в отношении Европейского суда по правам человека в интересах защиты национальных интересов России от дискриминационного судебного преследования, как специфической составной части санкций в отношении России. Вместе с тем, в интересах развития равноправного международного сотрудничества, в перспективе, целесообразно иметь систему международной юрисдикции, отвечающую следующим условиям:

- под эгидой Генеральной Ассамблеи ООН Совет Безопасности ООН создает Комиссию по правам человека или особый подкомитет, задачей которого является выявление случаев систематического нарушения прав человека, требующих, по его мнению, юридического вмешательства;

- Совет Безопасности ООН создает для этого конкретного случая международный трибунал для расследования преступлений на основе консенсуса постоянных членов Совета Безопасности, если национальная юридическая система не в состоянии вынести законного решения;

- Совет Безопасности ООН регламентирует деятельность международных трибуналов, масштаб и пределы судебного преследования, при этом обвиняемые должны обладать правами, предоставляемыми в судах общей юрисдикции;

- государства-участники оперативно ратифицируют соответствующие международные международно-правовые акты и имплементируют их нормы в национальное законодательство;

- государства-участники организуют научное и образовательное обеспечение подготовки соответствующих юридических кадров для судебной и консультационной деятельности, а также ознакомления граждан, включая военнослужащих, с нормами международного гуманитарного права и практикой их реализации.

На этой основе представляется возможным институционализировать согласованные на международном уровне процедуры расследования военных преступлений, геноцида или преступлений против человечества. Необходимо признать, что возложение чрезмерных надежд только на

¹⁷ Распоряжение Президента РФ от 16 ноября 2016 г. № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда». Информационно-правовой портал Гарант.ру.

международную юрисдикцию способно поставить под угрозу саму цель, ради которой эта идея выдвигается, подорвать политическую волю к соблюдению гуманитарных норм в международных отношениях.

Список литературы

1. Волеводз А.Г., Волеводз В.А. Современная система международной уголовной юстиции. М., 2009.
2. Дамаскин О.В. Россия в современном мире: проблемы международной и национальной безопасности. М., 2016.
3. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? / Перевод с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2002.
4. Красинский В.В., Машко В.В. Международная террористическая организация «Исламское государство». Монография. М., 2017.

ИТОГИ ВЫБОРОВ-2016: ПРОБЛЕМА СВЯЗИ С УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ И СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ РЕГИОНОВ

Аннотация. В статье рассматриваются корреляции результатов выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 2016 года (показатели 6 основных партий, явка и доля недействительных бюллетеней) между собой, с 18 социально-экономическими показателями, определяющими уровень развития и социального благополучия, а также с 4 мировоззренческими явлениями. Взаимосвязи электоральных явлений значительно сильнее их связей с явлениями других групп. Отмечены сильные положительные связи результатов политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» с уровнем явки, отрицательные – с результатами КПРФ и ЛДПР. Результаты партии «РОДИНА», и особенно партии «ЯБЛОКО» обнаруживают положительные связи с явлениями, определяющими уровень научно-технологического и образовательного развития региона. Результаты ЛДПР тяготеют к регионам, относительно развитым экономически, но имеющим сравнительно низкий уровень социального благополучия.

Ключевые слова: Выборы-2016, «ЕДИНАЯ РОССИЯ», КПРФ, ЛДПР, «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ», «ЯБЛОКО», «РОДИНА», явка, доля недействительных бюллетеней, корреляция, социально-экономические показатели и мировоззренческие явления.

THE RESULTS OF THE ELECTIONS IN 2016: COMMUNICATION PROBLEM WITH THE LEVEL OF DEVELOPMENT AND SOCIAL WELL-BEING OF CONSTITUENT ENTITIES OF THE REGIONS

Abstract. The article discusses, at the level of a group of subjects of the Russian Federation, correlation of results of elections to the State Duma 2016 (figures 6

ПОПОВ Петр Леонидович – кандидат философских наук, научный сотрудник лаборатории теоретической географии Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

САРАЕВ Владимир Григорьевич – кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории экономической географии и территориального планирования Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

ЧЕРЕНЕВ Алексей Анатольевич – кандидат географических наук, научный сотрудник лаборатории георесурсоведения и политической географии Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

major parties, the turnout and the share of invalid ballots), with 18 socio-economic phenomena that determine the level of development and social well-being, and 4 ideological phenomena. The mutual relations of the electoral phenomena are much stronger than their connections to phenomena in other groups. Marked by a strong positive relationship the results of the Unified Russia with the level of turnout negative results of the CPRF and the LDPR. The results of the homeland, and especially Apple find a positive connection with the phenomena determining the level of scientific, technological and educational development of the region. The results of the liberal democratic party gravitate to regions relatively developed economically, but with a relatively low level of social well-being.

Keywords: *Elections in 2016, Edinaya Russia, KPRF, LDPR, Spravedlivaya Russia, Yabloko, Rodina, the turnout share of invalid ballots, correlation, socio-economic and ideological phenomena.*

Современное развитие общества предполагает создание и стабильное функционирование институтов власти на низовом, поселенческом, региональном и федеральном уровнях. Неотъемлемой частью формирования органов управления является закреплённый законодательной нормой избирательный процесс. Под избирательным процессом понимается ряд мероприятий по созданию административно-территориальных единиц (избирательных округов и участков), организации учета участников электорального события (с активным и пассивным избирательным правом), проведения самих выборов и подведения их итогов. Как показывает история, избирательные кампании в Российской Федерации имеют разную интенсивность (явка избирателей и реализация активного избирательного права) и результаты (политические предпочтения населения) в зависимости от уровня выборов, социально-экономического состояния территории и ее этнического состава. В наши дни проблематику электорального пространства Российской Федерации рассматривают такие известные специалисты как В.А. Колосов, Р.Ф. Туровский, Б.М. Ишмуратов, И.В. Минникес, А.Г. Манаков, Е.А. Покровский, К.С. Жуков и другие.

Электоральное поведение – важный индикатор политических и психологических установок социума и вместе с тем фактор, оказывающий влияние на политические процессы. Для его понимания, в том числе, необходимо исследование связей между результатами политических выборов и социально-экономическими и мировоззренческими явлениями, а также последующая их интерпретация.

Изучению уровня социально-экономического развития, качества жизни, здоровья общества, социального благополучия, индекса развития человеческого потенциала (это разные, но родственные понятия) в наше время придается большое значение. Несомненно, что реалии, отражаемые в этих понятиях, имеют значение для электоральной проблематики. Степень развития и социального благополучия региона – объективная основа для уровня социального комфорта (или дискомфорта) проживающих в нем избирателей,

неизбежно сказывающегося на их электоральном поведении. При проведении настоящего исследования нами были изучены и учтены 18 социально-экономических показателей, которые рассматриваются как компоненты уровня развития и социального благополучия региона. При этом рассматриваемые авторами исследования четыре мировоззренческих явления, несмотря на свое влияние на эту группу, компонентами уровня развития и социального благополучия не считаются¹. На наш взгляд, представляется естественным предположение, что более развитые и благополучные субъекты Российской Федерации тяготеют к поддержке партии власти, а менее развитые и благополучные – к поддержке различных оппозиционных партий.

Материалы и методы

В рамках исследования нами определены коэффициенты парной корреляции на совокупности субъектов Российской Федерации между некоторыми результатами выборов депутатов в Государственную Думу в 2016 году² и имеющимися статистическими данными³. Выявлены и корреляции (в том числе на совокупности субъектов Российской Федерации) результатов выборов между собой.

Из результатов были выбраны следующие 8: процент голосов, поданных за политические партии ЕДИНАЯ РОССИЯ, КПРФ, ЛДПР, СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ, ЯБЛОКО, РОДИНА, уровень явки и процент недействительных бюллетеней. Их корреляция была проведена с 18 социально-экономическими явлениями:

- 1) валовой региональный продукт (рублей на душу населения);
- 2) душевой доход (рублей на душу населения);
- 3) доля городского населения (%);
- 4) производство электроэнергии (кВт. часов на душу населения);
- 5) обрабатывающие производства (рублей на душу населения);
- 6) студенты вузов (на 100 тыс. жителей региона);
- 7) кандидаты наук (на 100 тысяч жителей);
- 8) патенты на изобретения (на 100 тысяч жителей);
- 9) результаты ЕГЭ по математике (средний балл по субъектам Российской Федерации, находящимся в данном субъекте Российской Федерации);

¹ См.: Попов П.Л., Сараев В.Г. Сравнение Сибири с другими макрорегионами России по уровню развития и социального благополучия // Успехи современного естествознания. № 9. 2016.

² Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва. – Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Официальный сайт. Доступ: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom> (проверено 10.10.2016).

³ АРЕНА: Атлас религий и национальностей России. – Исследовательская служба Среда. Доступ: <http://sreda.org/arena> (проверено 20.05.2016).; Регионы России. Социально-экономические показатели – 2014 г. – Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. Доступ: http://www.gks.ru/bgd/regl/B14_14p/Main.htm (проверено 15.05.2016).

10) результаты ЕГЭ по русскому языку (средний балл по субъектам Российской Федерации, находящимся в данном субъекте Российской Федерации);

11) балл успешности средних школ, вычисленный на основании частоты попадания в рейтинги Российской Федерации «Топ-100» по 9 учебным дисциплинам, по отношению к численности населения субъекта Российской Федерации;

12) продолжительность предстоящей жизни мужчин (лет);

13) продолжительность предстоящей жизни женщин (лет);

14) потребление овощей (в кг на душу населения);

15) потребление мяса (в кг на душу населения);

16) потребление молока (литров на душу населения);

17) число умышленных убийств и покушений на убийство (на 100 тысяч жителей);

18) число случаев краж (на 100 тысяч жителей).

Основания, по которым мы считаем эти явления компонентами уровня развития и социального благополучия региона, нами подробнее рассматривались в предыдущих исследованиях⁴. Были определены коэффициенты парной корреляции между всеми перечисленными социально-экономическими явлениями. Результаты этих исследований составляют контекст, важный для рассмотрения связей, образуемых электоральными явлениями. При всей близости понятий «уровень благополучия» и «уровень развития» региона между ними есть и различие. Из рассматриваемой группы явлений часть (продолжительность жизни, преступность, показатели питания), скорее, следует отнести к компонентам уровня благополучия региона. Другую часть (уровень доходов населения, ВРП, производство электроэнергии, обрабатывающие производства, количество студентов, кандидатов наук, патентов на изобретения, показатели ЕГЭ, балл успешности лучших школ) предпочтительнее назвать компонентами уровня развития. Корреляционные связи обнаруживаются, согласно ранее проведенным нами исследованиям, внутри группы, определяющей уровень социального благополучия (продолжительность жизни отрицательно связана с количеством различных видов преступлений, а преступления положительно коррелируют между собой). Обнаруживаются и корреляционные связи между группой, определяющей уровень социального благополучия, и некоторыми компонентами научно-образовательного и технологического развития. Результаты ЕГЭ, обрабатывающие производства, количество студентов, патенты на изобретения положительно связаны с продолжительностью жизни и отрицательно с количеством преступлений. Компоненты экономического развития (доходы населения, ВРП, производство электроэнергии) почти не обнаруживают, согласно нашим исследованиям, корреляционных связей с другими рассматриваемыми явлениями.

⁴ См.: Попов П.Л., Сараев В.Г. Указ. соч.

Нами учитываются также 4 мировоззренческих явления:

- 1) принадлежность к Русской православной церкви (% участников опроса);
- 2) атеизм (% участников опроса);
- 3) наличие любви к России (% участников опроса);
- 4) уважение и соблюдение законов (% участников опроса).

Они не рассматриваются как компоненты уровня развития и социального благополучия, но имеют корреляционные связи со многими из этих компонентов.

Принадлежность к РПЦ, любовь к России, уважение к закону связаны между собой положительной корреляцией с продолжительностью жизни, результатами ЕГЭ, и отрицательной – с количеством атеистов. Число атеистов положительно связано с количеством преступлений, отрицательно – с результатами ЕГЭ⁵.

Вернемся к электоральным явлениям. Поскольку известно (и в рамках нашего исследования это подтверждается), что характер электорального поведения населения республик (и других национальных образований) отличен от областей, краев и федеральных столиц (Москвы и Санкт-Петербурга), нами были сформированы две выборки. Первая включает все субъекты Российской Федерации, вторая – только области, края и федеральные столицы. Порог статистической достоверности (на уровне $p=0,05$) коэффициента корреляции для первой, большей, выборки, достигается при его абсолютной величине не ниже 0,22; для второй, меньшей, выборки – при абсолютной величине, не ниже 0,26. Далее, после названия электорального явления приводятся *только достоверные* ($p=0,05$) значения коэффициентов корреляции с социально-экономическими и мировоззренческими явлениями; цифра в круглых скобках по всей совокупности субъектов Российской Федерации, цифра в фигурных скобках – по совокупности, включающей области, края и федеральные столицы.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим полученные результаты проведенного исследования в разрезе партийной принадлежности и факторов, влияющих на результаты выборов.

Политическая партия «ЕДИНАЯ РОССИЯ» (% от голосовавших)

Положительные связи

Продолжительность жизни мужчин (0,40); ЕГЭ математика (0,58) {0,37}.
РПЦ {0,47}.

⁵ Попов П.Л., Сараев В.Г. 2015. Результаты ЕГЭ в субъектах Российской Федерации: связи с социально-экономическими и мировоззренческими явлениями // Современные проблемы науки и образования. Цитируется по: <http://www.science-education.ru/129-22211>. (дата доступа 11.05.2017).

Отрицательные связи

Убийство $\{-0,26\}$; Кража $(-0,62) \{-0,42\}$; обрабатывающие производства $(-0,26)$; кандидаты наук $(-0,27) \{-0,26\}$; городское население $(-0,50)$; производство электроэнергии $(-0,26)$; успешность школ $(-0,22)$.

Атеизм $(-0,52) \{-0,40\}$.

Явка $(0,91) \{0,81\}$. КПРФ $(-0,64) \{-0,54\}$; ЛДПР $(-0,85) \{-0,73\}$; СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ $(-0,52) \{-0,40\}$; ЯБЛОКО $(-0,49) \{-0,41\}$; РОДИНА $(-0,31)$; недействительные бюллетени $(-0,72) \{-0,65\}$.

Характер связей результатов политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» с явлениями-компонентами уровня социального благополучия (положительна корреляция результатов с продолжительностью жизни и одним из показателей ЕГЭ, отрицательна – с преступностью) вписываются в систему связей социальных явлений, о которой речь шла выше. Это же можно сказать и о положительной связи результатов «ЕДИНОЙ РОССИИ» и уровнем поддержки РПЦ, отрицательной – с количеством атеистов. Высокие результаты «ЕДИНОЙ РОССИИ» имеют определенное тяготение к регионам, обладающими некоторыми признаками, характерными для сравнительно благополучных регионов. Тем не менее, этот вывод нуждается в корректировке, потому что высокие результаты «ЕДИНОЙ РОССИИ» отмечаются во многих национальных образованиях, в том числе и имеющих невысокий уровень развития и социального благополучия.

Результаты «ЕДИНОЙ РОССИИ» имеют отрицательные связи с некоторыми компонентами уровня развития (образовательными, экономическими). Особо отметим отрицательную корреляцию с процентной долей городского населения. В основном эти связи исчезают на выборке, не включающей национальные образования.

В целом можно отметить и неоднозначность связей результатов «ЕДИНОЙ РОССИИ» с уровнем развития и социального благополучия субъектов Российской Федерации (с некоторыми компонентами связи положительные, с другими отрицательные) и слабость таких связей (значения коэффициентов корреляции, как правило, невелики).

Более выразительны корреляции с другими электоральными явлениями. В данном случае следует отметить высокую степень зависимости показателя явки избирателей на выборах и высокой степени доверия к «ЕДИНОЙ РОССИИ». Показательный момент – произошедший в последние 10 лет «разворот» соотношения «явка – доверие к партии власти» на 180 градусов. Соответственно, в современных реалиях политической жизни страны чем выше явка на избирательных участках, тем больше голосов набирает «ЕДИНАЯ РОССИЯ», и наоборот.

КПРФ (% от голосовавших)

Положительные связи

Кража (0,36).

Недействительные бюллетени (0,27); ЛДПР (0,40) {0,35}.

Отрицательные связи

Продолжительность жизни мужчин (-0,31); {-0,27}; ЕГЭ математика (-0,33); ЕГЭ русский язык {-0,33}.

ЕДИНАЯ РОССИЯ (-0,64) {-0,54}; Явка (-0,51) {-0,40}.

Связи результатов этой партии с социально-экономическими и мировоззренческими явлениями на рассматриваемых выборах немногочисленны и слабы. Имеется слабая «зеркальная» тенденция по отношению к результатам политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» – некоторые социально-экономические явления, с которыми ее результаты связаны положительно, с результатами КПРФ обнаруживают отрицательные связи, и наоборот.

Подобная тенденция, но более сильная, имеется и по отношению к электоральным явлениям.

ЛДПР (% от голосовавших)

Положительные связи

Убийство {0,54}; Кража (0,66) {0,54}; Доходы (0,26); Городское население (0,50); Производство электроэнергии (0,38).

Атеизм (0,56) {0,49}.

КПРФ (0,40) {0,35}; ЯБЛОКО (0,25); СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (0,29); Недействительные бюллетени (0,70) {0,50}.

Отрицательные связи

Продолжительность жизни мужчин (-0,52) {-0,40}; Продолжительность жизни женщин (-0,38){-0,50}; Обработывающие производства {-0,27} ЕГЭ математика (-0,66) {-0,57}; ЕГЭ русский язык {-0,40}.

РПЦ {-0,60}; Люблю Россию {-0,32}; Уважаю закон {-0,30}; ЕДИНАЯ РОССИЯ (-0,85) {-0,73}; Явка (-80) {-0,54}.

Результаты ЛДПР по характеру связей с другими социальными явлениями имеют сходство с результатами КПРФ, но при этом у результатов ЛДПР связей больше, их величина нередко выше. В общем, можно сказать,

что поддержка ЛДПР тяготеет к регионам, экономически развитым, но социально неблагополучным.

СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (% от голосовавших)

Положительные связи

Городское население (0,22); Атеизм (0,22).
Недействительные бюллетени (0,29); ЛДПР (0,29); ЯБЛОКО (0,25)

Отрицательные связи

ЕДИНАЯ РОССИЯ (-0,52) {-0,40}; Явка (-0,39).

Поддержка этой партии имеет сравнительно слабые и немногочисленные связи с социально-экономическими и мировоззренческими явлениями

ЯБЛОКО (% от голосовавших)

Положительные связи

Продолжительность жизни мужчин {0,56}; Продолжительность жизни женщин {0,45}; Кража (0,26); Доходы (0,26) {0,45}; Обрабатывающие производства (0,40) {0,45}; Патенты на изобретения (0,56) {0,71}; Студенты (0,35) {0,44}; Кандидаты наук (0,69) {0,79}; Городское население (0,52) {0,54}; ЕГЭ русский язык (0,33) {0,32}; Успешность школ (0,33) {0,36}.

СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (0,26); РОДИНА (0,29); Недействительные бюллетени (0,34).

Отрицательные связи

ЕДИНАЯ РОССИЯ (-0,49) {-0,41}; Явка (-0,50) {-0,44}.

Для партии «ЯБЛОКО» характерна поддержка избирателей регионов с высоким уровнем научно-технологического и образовательного развития и высокой продолжительностью жизни. Напомним, что научно-образовательные явления и продолжительность жизни составляет единый, связанный положительными корреляциями комплекс, поэтому результаты партии «ЯБЛОКО» в этом отношении вписываются в систему установленных корреляционных связей.

РОДИНА (% от голосовавших)

Положительные связи

Продолжительность жизни мужчин {0,28}; Продолжительность жизни женщин {0,29}; Патенты на изобретения {0,27}; Кандидаты наук (0,26) {0,33}; Успешность школ (0,44) {0,62};

РПЦ (0,31) {0,32}; Люблю Россию (0,37) {0,28}; Уважаю закон (0,29) {0,37}.

ЯБЛОКО (0,29).

Отрицательные связи

ЕДИНАЯ РОССИЯ (-0,31); Явка (-0,41) {-0,31}.

По характеру связей с социально-экономическими и электоральными явлениями эта партия имеет сходство с политической партией «ЯБЛОКО». Имеется тяготение к регионам с развитым научно-технологическим и образовательным потенциалом. Но партия «РОДИНА» имеет положительные связи с уровнем влияния РПЦ, любовью к России, уважением к закону, не свойственные политической партии «ЯБЛОКО».

Явка (% от голосовавших)

Положительные связи

Продолжительность жизни мужчин (0,37); ЕДИНАЯ РОССИЯ (0,91) {0,80}; ЕГЭ математика (0,55) {0,32}.

Отрицательные связи

Кража (-0,56); Кандидаты наук (-0,31) {-0,34}; Городское население (-0,49); Успешность школ (-0,26); Обрабатывающие производства (-0,25); Производство электроэнергии (-0,22); Потребление мяса (-0,23).

Атеизм (-0,46) {-0,26}; Люблю Россию (-0,30).

КПРФ (-0,51) {-0,40}; ЛДПР (-0,80) {-0,54}; СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (-0,39); ЯБЛОКО (-0,35) {-0,44}; РОДИНА (-0,41) {-0,31}; Недействительные бюллетени (-0,73) {-0,65}.

Одним из важнейших элементов электорального процесса является деятельность по активизации сторонников того или иного политического направления в отчетный период голосования. Для крупных политических партий явка граждан, реализующих свое пассивное избирательное право – основополагающий критерий достижения желаемого результата

на выборах. Особенно наглядно данное утверждение прослеживается по отношению к ЕДИНОЙ РОССИИ и ЛДПР.

По приводимым корреляциям можно было бы сделать вывод, что явка на выборы выше в регионах, относительно развитых и благополучных, чем в менее развитых и менее благополучных. Но в данном случае корреляция не вполне отражает действительность, потому что высокая явка свойственна многим национальным образованиям, в том числе и имеющим невысокий уровень развития и социального благополучия (например, Республика Тыва).

Недействительные бюллетени (% от голосовавших)

Положительные связи

Кража (0,47) {0,28}; Доходы (0,28); Городское население (0,37); Производство электроэнергии (0,26).

Атеизм (0,45) {0,36}.

КПРФ (0,27); ЛДПР (0,70) {0,50}; СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (0,29); ЯБЛОКО (0,34).

Отрицательные связи

Продолжительность жизни мужчин (-0,45); Продолжительность жизни женщин (-0,44) {-0,26}; Потребление мяса (-0,23).

РПЦ {-0,32}; Люблю Россию {-0,29}.

ЕГЭ математика (-0,49); ЕДИНАЯ РОССИЯ (-0,72){-0,65}; Явка (-0,73) {-0,65}.

Отдельной графой в итоговой таблице результатов выборов является учет недействительных бюллетеней. Данный показатель часто воспринимается не только как случайное действие избирателя, но и как проявление протестного голосования.

Этот показатель, по характеру связей с другими социальными явлениями, в большой мере противоположен явке на выборы. Недействительных бюллетеней больше в менее развитых и в менее благополучных регионах, чем в более развитых и более благополучных.

Основные выводы

Основные политические партии, участвовавшие в выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 2016 года, по количеству достоверных корреляционных связей их результатов с социально-экономическими явлениями, определяющими уровень развития и социального благополучия региона, и с мировоззренческими

явлениями, значительно различаются. Партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ», ЛДПР, «ЯБЛОКО», «РОДИНА» заметно превосходят по числу таких связей КРПФ и партию «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ».

Высокие результаты партии «РОДИНА» и, особенно, партии «ЯБЛОКО» тяготеют к регионам, развитым в научно-технологическом и образовательном отношении.

Высокие результаты партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» в аспекте связи с признаками развития и социального благополучия регионов неоднозначны.

Высокие результаты ЛДПР тяготеют к регионам, сравнительно развитым в экономическом отношении, но имеющим сниженный уровень социального благополучия.

Связи электоральных явлений между собой в целом сильнее связей электоральных явлений с социально-экономическими и мировоззренческими явлениями.

Результаты партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» связаны тесной положительной корреляцией с явкой на выборы и тесной отрицательной корреляцией с результатами КРПФ, ЛДПР и количеством недействительных бюллетеней.

Список литературы:

1. Попов П.Л., Сараев В.Г. Сравнение Сибири с другими макрорегионами России по уровню развития и социального благополучия. – Успехи современного естествознания. 2016. № 9, с. 160–171.;
2. Попов П.Л., Сараев В.Г. 2015. Результаты ЕГЭ в субъектах Российской Федерации: связи с социально-экономическими и мировоззренческими явлениями. – Современные проблемы науки и образования. «[Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/129-22211>.
3. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва. – Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Официальный сайт. Доступ: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom> (проверено 10.10.2016).
4. АРЕНА: Атлас религий и национальностей России. – Исследовательская служба Среда. Доступ: <http://sreda.org/arena> (проверено 20.05.2016).; Регионы России. Социально-экономические показатели – 2014 г. – Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. Доступ: http://www.gks.ru/bgd/regl/B14_14p/Main.htm (проверено 15.05.2016).

Л.Х. ДЗАХОВА, З.Ю. ГУСОВ

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию гражданского общества в качестве социального ресурса страны, способного к стимулированию инновационных процессов в различных сферах общественной жизни. Опираясь на институциональный и коммуникативный подходы в понимании гражданского общества, авторы интерпретируют его как социальный институт, призванный осуществлять коммуникацию между политической властью и различными общественными ассоциациями.*

Ключевые слова: *гражданское общество, гражданская культура, гражданская активность, правовое государство, институциональная матрица, инновационное развитие*

CIVIL SOCIETY AS A RESOURCE OF RUSSIA'S INNOVATIVE DEVELOPMENT: A METHODOLOGICAL MODEL OF SCIENTIFIC RESEARCH

Abstract. *The article is devoted to the study of civil society as a social resource of the country, capable of stimulating innovative processes in various spheres of public life. Relying on institutional and communicative approaches in understanding civil society, the author interprets it as a social institution designed to communicate between political power and various public associations.*

Keywords: *civil society, civil culture, civic activity, rule of law, institutional matrix, innovative development*

Обращение к анализу гражданского общества начинается с периода появления такого политического института, как государство, повлекшего за собой разделение общества на государственную и негосударственную сферы

ДЗАХОВА Лариса Хасановна – доктор политических наук, профессор кафедры философии и социально-политических наук Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ
ГУСОВ Заурбек Юрьевич – аспирант кафедры философии и социально-политических наук Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ

жизнедеятельности людей. Возникновение государства обозначило проблему взаимоотношения политических институтов власти и частных интересов граждан. Кроме того, их взаимоотношения нередко носили конфликтный характер и сопровождались политическими переворотами, революциями. Достаточно сложный характер отношений между государством и гражданским обществом привлекал внимание мыслителей различных эпох.

По мнению исследователей политических теорий, понятие «гражданское общество» восходит своими корнями к идее полиса Аристотеля¹. Абсолютизируя государство как исключительно разумное устройство общественной жизни, Аристотель говорил, что «государство создается ... для того, чтобы жить счастливо»². Такое понимание роли государства в жизни граждан полиса, по сути, отождествляет его с гражданским обществом. Гражданское общество и государство выступают как взаимозаменяемые понятия. Данный подход в рассмотрении гражданского общества и государства как идентичных понятий сохранялся до XVIII века. Об этом свидетельствуют первые концепции либерализма, основоположниками которых являются Томас Гоббс и Джон Локк.

В теории Дж. Локка гражданское общество предшествует государству, поскольку представляет естественную форму интеграции людей. Естественное состояние общества характеризуется тем, что «люди, живущие вместе в соответствии с разумом, без обычного превосходства одних над другими и с правом судить друг друга, и представляют собою, собственно, естественное состояние». Государство по отношению к гражданскому обществу является более поздним социальным конструктом, опирающимся на систему права. Причиной возникновения государства, как института политической власти, по мнению Дж. Локка, выступает появление собственности: «Главной и основной целью людей, объединяющихся в государство и подчиняющих себя власти правительства, является сохранение своей собственности, чему в естественном состоянии недостает многого»³.

С точки зрения Т. Гоббса, в истории вообще нет общества, которое предшествует политической власти, отождествляемой с государством: «гражданские сообщества не есть простые объединения людей, но объединения, основанные на договоре, для создания которых необходимы взаимные верность и соглашение»⁴. Для мыслителя, государство, основанное в результате общественного договора, подчиняет себе все общество подобно библейскому чудовищу Левиафану. Более того, гражданское общество не есть продукт естественного развития, поскольку

¹ Гаджиев К. С. Проблема гражданского общества: Идеиные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии. 1991. № 7.

² Аристотель. Политика. М.: Директ-Медиа, 2012. С. 60.

³ Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 317.

⁴ Гоббс Т. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 285.

оно результат появления государства⁵. Таким образом, согласно позиции Т. Гоббса, гражданское общество – это общество цивилизованных граждан, подчиняющихся законам государства. Граждане и государство связаны договором, который опирается на мораль, знание и право. Единство последних определяет единство интересов государства и общества, и тем самым разрешается противоречие между естественным и разумным. Кроме того, государство, по его мнению, защищает естественные права граждан и обуздывает природные инстинкты человека, а общество, в свою очередь, сдерживает стремление власти к тотальному господству над народом. Отношения государства и гражданского общества в политической концепции Гоббса выстраиваются следующим образом: государство создает гражданское общество, но и общество формирует государство, передавая ему часть своих прав и осуществляя контроль за его деятельностью.

Аналогичной позиции придерживался и Жан Жак Руссо. Являясь одним из идеологов теории народного суверенитета и демократии, французский мыслитель отождествляет государство и гражданское общество, полагая, что законна только та система правления, которая опирается на участие в ней народа⁶. Следует отметить, что Ж.–Ж. Руссо одним из первых обратил внимание на возможность и необходимость оценки уровня цивилизованности современного ему общества с позиций гражданственности. На наш взгляд, в данной концепции акцент начинает смещаться в пользу гражданского общества, подчеркивается его приоритет в политической системе социума.

Аналогичные акценты расставлены и в социально-политических воззрениях Шарля Монтескье, который пытался синтезировать характерное для XVIII века представление о двух типах договора – общественном и государственном. Если государственное право регулирует взаимоотношения правителей с подданными, то в компетенции гражданского права находятся вопросы отношений между членами общества. Гражданское общество определяется у французского просветителя как «набор независимых ассоциаций граждан, опосредующих отношения между индивидом и государством и в случае надобности защищающих свободу индивида от посягательств власти»⁷.

Таким образом, в философско-политическом дискурсе XVII–XVIII веков впервые начинают актуализироваться вопросы о свободе личности, о ее гражданских правах, о взаимоотношении человека и государства.

Размышления о праве человека на свободу присутствуют и в философии Иммануила Канта. Рассматривая противоречивые качества человеческой природы – конфликтность, тщеславие, жажду объединения

⁵ Там же.

⁶ Длугач Т. Б. Три портрета эпохи Просвещения. Монтескье. Вольтер. Руссо (от концепции просвещенного абсолютизма к теориям гражданского общества). М.: ИФ РАН, 2006.

⁷ Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. С. 317.

и в то же время стремление к согласию, Кант приходит к выводу, что главный путь сочетания свободы каждого со свободой других – формирование гражданского общества, которое есть «объединенная воля народа», способная к тому же стать «законодательствующей»⁸. То есть для него свободная воля и воля, подчиненная нравственным законам, идентичные понятия.

Таким образом, мыслители XVIII века разрабатывая концепцию индивидуализма, начинают поднимать вопрос о свободе личности как гражданине общества, независимого от государства. В итоге традиционное представление о тождественности гражданского общества и государства существенно пересматривается. Начинает формироваться убеждение, что чрезмерное влияние государства на сферы частной жизни препятствует свободному волеизъявлению отдельного индивида и реализации его гражданских возможностей.

Мысль о необходимости размежевания государства и гражданского общества была развита американскими просветителями Бенджаминем Франклином, Томасом Джефферсоном, Томасом Пейном и другими⁹.

Наиболее радикальную концепцию гражданского общества сформулировал идеолог американской буржуазной революции, автор знаменитого памфлета «Права человека» Т. Пейн. По его мнению, государство является необходимым злом: чем оно меньше, тем лучше для общества. Естественный характер гражданской социальности предрасполагает людей к установлению солидарности на основе взаимного интереса и взаимопомощи¹⁰.

По сути, американские просветители обосновали и реализовали на практике либерально-демократические принципы гражданского общества, полагая, что для осуществления своих прав граждане должны избирать то правительство, которое действует исключительно в интересах гражданского общества.

Крупный вклад в разработку концепции гражданского общества внес Георг Вильгельм Фридрих Гегель. По мнению мыслителя, семья как «первый этический корень государства» представляет собой целое, члены которого связаны определенными договорными обязательствами, но не являются конкурирующими между собой индивидами. В гражданском обществе напротив, одни частные интересы сталкиваются с другими частными интересами. Эту коллизию может, как считал Гегель, разрешить верховная публичная власть – конституционное государство, которое может эффективно справиться и синтезировать различные интересы в обществе¹¹.

⁸ Кант И. Основы метафизики нравственности. М.: Директ-Медиа, 2012. С. 34.

⁹ Американские просветители (под ред. Б.Э. Быховского). Т. 2. М.: Мысль, 1969.

¹⁰ Пейн Т. Избранные сочинения. М.: Мысль, 1959.

¹¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Директ-Медиа, 2002.

Таким образом, сложившиеся в западной политической науке подходы, сформировали устойчивое понимание таких понятий, как «гражданское общество» и «государство», обозначили различные грани отношений между политическими и неполитическими институтами. Более того, эти отношения демонстрируют основные этапы формирования либерально-демократической политической системы в западноевропейских странах.

Начало обращения к идеалам гражданского общества в российской традиции лежит в плоскости дискуссии между западниками и славянофилами о будущем России. Именно в рамках классического западничества, представленного в творчестве В.Г. Белинского, А.И. Герцена, вызревают идеи русского либерализма, базирующиеся на теории естественного права. Идея права рассматривалась сторонниками либерализма в единстве с идеей свободной личности, которая способна отстаивать свою автономию правовыми способами. Через призму понятия права западники рассматривают и понятие «гражданское общество», которое есть общественный союз людей, осознавших свои интересы. По мнению современных исследователей, отличительной чертой российского западничества является довольно расплывчатое представление «о линейном процессе глобального исторического развития в направлении некоей универсальной цели, в той или иной форме связанной с европейской... модернизацией»¹².

В свою очередь представители славянофилов отстаивали исконность и незыблемость русской общины, приоритет коллективного начала над индивидуальным. По мнению К.С. Аксакова, «русская земля есть изначально наиболее общественная (именно общинная) земля. Народное начало, пронизывающее всю историю России, существующее изначально в прошлом, является в то же время и идеалом, и основой будущего»¹³.

Таким образом, в рамках славянофильской традиции гражданское общество отождествлялось с русской общиной, для которой были свойственны такие черты, как автономность, самоорганизация, самоуправление. Тем самым община выступала в качестве самостоятельного субъекта права, но при этом учеными подчеркивалась ее роль в организации, прежде всего, хозяйственной деятельности. Следует отметить, что взгляды на судьбу русской общины, появившиеся в XIX веке, носили не просто теоретический характер, а отражали поиск модели дальнейшего развития России.

Вместе с тем в русском общественно-политическом дискурсе конца XIX – начала XX века сложилось такое направление, как консервативный

¹² Цейтлин Ю.В. Гражданское общество и государство в России // Россия и современный мир. 2000. № 3. С. 135.

¹³ Аксаков К.С. Государство и народ. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 33.

либерализм, которое отчасти пыталось синтезировать идеи славянофилов и западников относительно понимания основы гражданского общества в России.

Следует отметить, что русский либеральный консерватизм стал одной из первых в мировой общественно-политической мысли попыток гармонизировать либеральный и консервативный подходы, стремясь оптимально сочетать их положительные ценности. Соответственно к числу русских либеральных консерваторов обычно относят таких деятелей, как Б. Н. Чичерин, П. Б. Струве, И. А. Ильин, С. Л. Франк и других. Не отрицая идеи свободной личности, они пытались примирить ее с ценностями общинной жизни.

Достаточно известным либеральным консерватором XIX века был Б. Н. Чичерин. Относительно гражданского общества в стране он высказывался следующим образом: «В настоящее время в том положении, в котором находится Россия, дело первостепенной важности – возникновение в обществе независимых сил, которые поставили бы себе задачей охранение порядка и противодействие безрассудным требованиям и анархическому брожению умов. Только энергия разумного и либерального консерватизма может спасти русское общество от бесконечного шатания. Если эта энергия проявится не только в правительстве, но и в самом народе, Россия может без опасения глядеть на свое будущее»¹⁴.

В свою очередь, другой видный представитель либерального консерватизма П. Б. Струве считал, что основой гражданского общества является взаимная ответственность государства и общества, власти и гражданина. На его взгляд, гармоничные отношения между государством и гражданским обществом заключаются в синтезе и слиянии ценностей политического и экономического либерализма (свободы лица, права, собственности, реформаторства) и «ценностного духовно-культурного консерватизма (сильной, но «здоровой» власти, охранения исторически «данного порядка вещей», национальных традиций и «почвы»)»¹⁵.

В концепции И. Ильина государство – институт согласования интересов граждан и урегулирования конфликтов в обществе. В гражданском обществе люди живут частной жизнью, преследуя свои сугубо частные, часто противоположные цели, конкурируя между собой. Это влечет за собой конфликт, который может стать причиной разложения и распада всего общества. Поэтому именно государство, по мнению И. Ильина, способно выполнять роль связующего начала, интегрирующего частные интересы на основе всеобщей цели: «сущность государства состоит в том, что все его граждане имеют и признают помимо своих различных и частных интересов и целей еще единый интерес и общую цель, ибо государство

¹⁴ Чичерин Б. Н. *Философия права*. М.: Директ-Медиа, 2011. С. 459.

¹⁵ Струве П. Б. *О мере и границах либерального консерватизма* // *Политические исследования*. 1994. № 3. С. 131.

есть некая духовная община»¹⁶. Он считает, что без государства многие частные интересы отдельных граждан не будут объединяться в общий, следовательно, общество ожидает хаос и анархия. Поэтому он категорически против всех теорий, отрицающих какую-либо роль государства в обществе и само государство вообще.

С точки зрения С. Франка, гражданское общество – это не способ удовлетворения частных интересов, а форма общественного сотрудничества, осуществление некой высшей идеи. «Гражданское общество – писал ученый, – есть общественное единство, спонтанно слагающееся из вольного сотрудничества, из свободного соглашения воли отдельных членов общества»¹⁷. С. Франк не противопоставляет гражданское общество государству, напротив, он утверждает, что их цели совпадают: цель государства, как и гражданского общества, состоит в том, чтобы служить утверждению целостной правды, внутреннему, онтологическому, духовному развитию общества. При этом деятельность государства естественно ограничена гражданским обществом, они существуют в равновесии и не переходят этих границ.

Таким образом, на наш взгляд, русские мыслители пытались синтезировать основные ценности западной культуры (свобода, право, частная собственность) с российскими историческими реалиями (авторитарным характером государственности, коллективизмом, неразвитым правосознанием). Они полагали, что наличие гражданского общества обеспечивает согласование частного и общего интересов, выступая посредником между личностью и государством. Представители либерального консерватизма рассматривали гражданское общество исключительно в русле российской политической традиции, а именно не как автономную от государства общественную силу, а как средство осуществления государством модернизации российского общества.

В настоящее время в научной литературе не сложилось единого определения гражданского общества. Большинство имеющихся дефиниций подразумевают под ним совокупность добровольных негосударственных (социальных, экономических и пр.) объединений, целью которых является защита частных интересов, игнорируемых государственными структурами. В общем понятийном контексте наряду с термином «гражданское общество» употребляются понятия «демократия», «правовое государство», «экономическая свобода» и т.п. Тем самым большинство исследователей исходят из того, что посредством гражданского общества создается такой социальный порядок, который создает наиболее благоприятные условия для развития человеческой личности и самостоятельных общественных организаций.

¹⁶ Ильин И. А. Путь к очевидности. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 41.

¹⁷ Франк С.Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 141.

Наиболее концептуальным, на наш взгляд, является определение гражданского общества, данное Э. Геллнером, предлагающим рассматривать гражданское общество как «совокупность неправительственных институтов, достаточно сильных для того, чтобы быть противовесом государству и, не посягая на его роль гаранта мира и арбитра основных интересов, обладать ... способностью не допускать атомизирования им общества и доминирования над ним»¹⁸.

В исследовании гражданского общества как социального института, целесообразно использовать методологию институционального подхода, разработанную западными учеными В. Самнером и Т. Вебленом. Основатели данного подхода рассматривали институты преимущественно как формальные правила и неформальные ограничения (общепризнанные нормы поведения, достигнутые соглашения, внутренние ограничения деятельности), так и определенные способы принуждения к выполнению тех и других¹⁹. В рамках этого подхода гражданское общество представляет собой социальный институт, объединяющий людей на основании общих интересов и упорядочивающий их деятельность.

В российской политологической мысли сложился коммуникативный подход к пониманию гражданского общества. Данный подход представлен в работах М.Ф. Черныша, Л.А. Петровой, А.Ю. Сунгурова, А.М. Старостина, А.В. Понеделкова и др. Авторы полагают, что гражданское общество может выступать «в виде специфического процесса коммуникации между государством и гражданином»²⁰.

Данный подход открывает возможность рассматривать гражданское общество как социальный институт, призванный осуществлять коммуникацию между политической властью и различными общественными ассоциациями.

Одним из важнейших условий осуществления коммуникации между государством и обществом, по мнению ученых, является наличие гражданской культуры²¹.

Наиболее комплексное исследование гражданской культуры представлено в работах Г.А. Алмонда, С. Верба, которые рассматривают ее как «плюралистическую культуру, основанную на коммуникации и убеждении, культуру консенсуса и многообразия, культуру, допускавшую перемены, но способную смягчить их»²².

¹⁸ Gellner E. Conditions of Liberty: Civil Society and Its Rivals. Allen Lane, 1994. p. 53.

¹⁹ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: «Дело Лтд», 1996.

²⁰ Сунгуров А.Ю. Организации-посредники в структуре гражданского общества (Некоторые проблемы политической модернизации России) // Полис. Политические исследования. 1999. № 6. С. 34.

²¹ Бязрова Д.Б. Современные интерпретации теории общественного прогресса. Дис. канд. философ. наук. М., 1999.

²² Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры // Политика. 2010. № 3/4. С. 217.

В отечественной литературе понятие «гражданская культура» не является достаточно разработанным, хотя нередко употребляется в контексте исследований, посвященных проблемам демократии, гражданского общества, правового государства и пр.

Среди российских исследований, посвященных анализу гражданской культуры, можно выделить работы таких авторов, как Н.М. Кейзеров, А.П. Кочетков, А.И. Соловьев и др. Гражданская культура рассматривается ими преимущественно как «структурный элемент гражданской жизни, который выражает уровень зрелости общества, способность преодолеть противоречия в рамках обеспечения общих гражданских интересов, форм и механизмов выработки и реализации совместных решений, согласованных действий»²³. Тем самым гражданская культура отражает степень осознания индивидами своих прав и обязанностей в качестве членов общества и государства, утверждает их социальный статус в качестве граждан. Так или иначе, но мы видим, что авторы подчеркивают коммуникативную суть гражданской культуры, ее направленность на осознание и активное позиционирование частных и общественных интересов.

Можно согласиться с позицией А.Ю. Сунгурова, что в концепции гражданского общества, понимаемого как коммуникативный процесс, понятие гражданина раскрывается преимущественно через понятие «участие», т.е. через деятельность гражданина в различных общественных организациях и институтах²⁴. Действительно, несмотря на различные основания для участия в общественной жизни, гражданское общество является таким типом социальной организации, который в максимальной степени способствует активности граждан.

Исследователи выделяют четыре типа мотивации активного участия людей в общественной деятельности²⁵. Первый тип включает в себя возможность принести пользу людям, почувствовать личную ответственность в деятельности, основанной на доверии, солидарности, сотрудничестве, получить моральное удовлетворение от включенности в общее дело. Второй тип мотивации включает в себя способ приобретения полезных связей, возможность профессионального роста и повышения квалификации, способ повышения своего социального статуса. Данный тип мотивации называют инструментальным, поскольку он направлен на получение определенной выгоды, увеличения личного капитала. Третий тип мотивации обусловлен исключительно внешним давлением, принуждением к выполнению общественной работы. Четвертый тип ориентирован на доступ к дефицитным

²³ Кейзеров Н.М. О соотношении гражданской и политической культур // Социально-политические науки. 1991. № 7. С. 123.

²⁴ Сунгуров А.Ю. Указ соч. С. 35.

²⁵ Петренко Е.С., Градосельская Г.В. Российское гражданское общество сегодня: реконструкция по результатам крупномасштабных опросов // Мир России. Т. 18. 2009. № 1. С. 137.

ресурсам и информации, реализацию собственных идей по модернизации общества.

Несмотря на различные основания для участия в общественной жизни, гражданское общество является таким типом социальной организации, который в максимальной степени способствует активности граждан.

Считается, что непременным условием успешного функционирования гражданского общества является правовое государство, обеспечивающее верховенство законов и гарантирующее обеспечение прав и свобод человека и гражданина. Как отмечают специалисты, основной характеристикой правового государства является «подконтрольность, подотчетность государства институтам гражданского общества»²⁶. То есть, основой гражданского общества выступает режим законности и эффективность надзора за исполнением законов.

По сути, правовое государство представляет собой политический институт, который «в своей деятельности соблюдает границы, установленные правопорядком, и есть правовое или правомерное. Существо правомерного государства заключается в самоограничении, в строгом соблюдении предписаний законов, в силу чего никакой акт государственной власти не может противоречить закону»²⁷.

На этом основании можно говорить, что становление гражданского общества непосредственно связано с формированием правового государства, которое является результатом развития и совершенствования гражданского общества. Таким образом, эволюцию социальных институтов можно условно представить в виде линейной схемы «общество – государство – гражданское общество – правовое государство». Данная схема отчетливо свидетельствует о том, что становление правового государства – достаточно длительный процесс в истории человечества.

Анализируя специфику культурно-исторических условий формирования гражданского общества в России, исследователи единодушны в том, что «ментальная специфика и культурные традиции российского общества не могли не сказаться на попытках формирования гражданского общества в России»²⁸. Более того, одним из ключевых факторов, препятствующих развитию институтов гражданского общества в России, называется модель российской государственности.

Изучением российской государственности, определяющей специфику функционирования политических и неполитических институтов в обществе, занимаются такие авторы, как М. Н. Афанасьев, А. С. Ахиезер, Э. Баталов, А. В. Лубский, Р. А. Лубский, А. М. Яковлев и др.

²⁶ Соколов А. Н., Сердобинцев К. С. Доминанта правового государства – развитие гражданского общества // Правовое государство: теория и практика. 2011. № 4(26). С. 7.

²⁷ Утяшев М. М. Высшая форма государства – правовая // Правовое государство: теория и практика. 2012. № 2 (28). С. 17.

²⁸ Власова С. А. Культурно-исторический контекст становления и формирования гражданского общества в России // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323. С. 114.

Следует отметить, что в научной литературе не сложилось однозначного подхода к понятию государственности. Одни исследователи понимают под государственностью практику функционирования институтов государственной власти²⁹. Другие рассматривают данное понятие в аспекте единства таких элементов, как государство, общество, гражданин³⁰. Третьи вкладывают в понятие государственности политический способ интеграции территорий, народов, культуры³¹.

Несмотря на различные трактовки понятия «государственность», большинство ученых солидарны в том, что специфика российской государственности заключается в стремлении доминировать практически во всех сферах общественной жизни: «Не общество продуцирует определенный тип государства, а государство в значительной степени формирует общественные структуры. Это порождает в менталитете российского суперэтноса представления о необходимости в России авторитарного правления и восприятие авторитарных методов руководства как должных»³².

Для понимания специфики развития гражданского общества в России необходимо учитывать культурно-исторические особенности развития страны. Исследуя особенности социокультурных систем, Т. Парсонс отмечал такую их особенность как «специализация на функции поддержания образца; ...интеграция действующих единиц (человеческих индивидов)..., легитимация общественного нормативного порядка»³³.

В рамках исследования специфики формирования и функционирования институтов гражданского общества в России, целесообразно использовать теорию институциональной матрицы К. Поланьи и Д. Норта, по мнению которых система институтов каждого конкретного общества образует своеобразную «институциональную матрицу», определяющую возможные траектории будущего развития социума. Институциональная матрица общества по определению Д. Норта представляет собой свойственную ему базисную структуру прав собственности и политическую систему, в которой складываются особые взаимоотношения между экономическими и политическими институтами³⁴. При этом исследователи подчеркивают, что каждое общество обладает свойственной только ему институциональной матрицей.

²⁹ Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияние на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. М.: Московский общественный научный фонд, 2000.

³⁰ Яковлев А. М. Российская государственность (историко-социологический аспект) // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 79.

³¹ Лубский Р. А. Российская государственность как социальная реальность. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2016.

³² Мчедлов М. П. Российская цивилизация. М.: Академический проект, 2003. С. 491.

³³ Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 31.

³⁴ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

В отечественном социальном знании концепция институциональной матрицы представлена в работах С.Г. Кирдиной, которая рассматривает институциональную матрицу как «устойчивую, исторически сложившуюся систему базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер – экономической, политической и идеологической». Именно институциональная матрица определяет специфику общества, а также развитие и воспроизводство основных институтов. С.Г. Кирдиной выделяются два типа институциональных матриц – X- и Y-матрицы: X – это женское, консервативное начало, часто соотносимое с Востоком, а Y – это мужское, рационально-технологичное, передовое начало, с которым часто ассоциируется Запад. «X- и Y-матрицы различаются между собой содержанием образующих их базовых институтов, т.е. формами социальной интеграции в основных общественных сферах»³⁵. Считается, что X-матрица характерна для России, поскольку вышеперечисленные институты в полной мере реализуются в российском обществе. Институты Y-матрицы характерны в большей степени для стран Запада. Опираясь на данную методологию, можно объяснить трудности становления гражданского общества в современной России. Кроме того, можно ответить на вопрос о том, возможно ли вообще формирование и функционирование в нашей стране структур гражданского общества, аналогичных западному обществу, без разрушения сложившихся социокультурных институтов.

Несмотря на то, что социальные институты крайне инертны в силу культурно-цивилизационных традиций, они все-таки подвержены изменениям. В настоящее время на развитие институтов гражданского общества в России большое влияние оказывают глобализационные процессы современного мира. Изменения, вызванные глобальными трансформациями, неизбежно ведут к корректировке существующих ментальных политических и экономических моделей и открывают новые возможности для развития институтов гражданского общества в соответствии с требованиями международных структур³⁶.

На наш взгляд, продуктивным для исследования условий развития гражданского общества в России является анализ вызовов времени, с которыми сегодня сталкивается наша страна. В социальном знании «вызов» интерпретируется как проблема, вставшая перед обществом. Концепция «вызов–ответ» разработана английским историком А. Дж. Тойнби, который считал, что развитие социума происходит в результате нахождения им адекватных ответов на вставшие перед ним вызовы³⁷. Только адекватный

³⁵ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. СПб: Нестор-История, 2014. С. 71.

³⁶ Батагова Л.Х., Дзахова Л.Х. Терроризм на Северном Кавказе: факторы возникновения и механизмы противодействия. Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 2015.

³⁷ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. М.: Аст, 2011.

ответ на вызов, по мнению ученого, способен не только решить возникшую проблему, но и вывести общество на новый уровень развития.

Опираясь на данную методологию, можно выделить вызовы внутреннего и внешнего порядка, которые вынуждают российское общество к поиску адекватных ответов. Внутренние вызовы представлены рядом следующих проблем: наличием неэффективного политического управления; низким уровнем экономического развития страны, обусловленным приоритетами сырьевого сектора экономики; слабым развитием институтов гражданского общества. Внешние вызовы связаны с ужесточением конкуренции в геополитической и геоэкономической сферах; экономическими санкциями, введенными в отношении России рядом стран Запада; спадом цен на рынке нефтепродуктов.

Специалисты отмечают, что «Россия стоит перед множеством новых глобальных вызовов. Сегодня как никогда ранее необходимо утвердить в новой форме приоритеты, цели, константы пути России и соотнести их с контурами того нового мира, в котором нам предстоит жить»³⁸.

Наличие такого рода вызовов определяет необходимость развития в стране институтов гражданского общества, способных стать социальным ресурсом, который поможет вывести страну на инновационный вектор социально-экономического и политического развития. Именно институты гражданского общества, как показывает опыт западных стран, являются основой инновационного развития общества. Можно согласиться с мнением австрийского ученого Э. Гленка, что «инновации являются ответом на экономические и социальные вызовы, но не единственным ответом. Если мы не изменим способ мышления, наши рутинные привычки, инновации не сработают»³⁹.

Анализируя состояние политической и экономической сфер страны, ряд авторов обращает внимание на то, что реализация стратегии инновационного развития России возможна только при условии «возрастания роли и влияния институтов гражданского общества»⁴⁰. По мнению Л. И. Гордеева, «инновационное развитие социально-политической сферы детерминировано активным влиянием институтов гражданского общества, действием политических элит, внедрением информационно-коммуникационных технологий в современный политических процесс»⁴¹. Можно отчасти

³⁸ Матвеев Ю. И. Глобальные вызовы для России: новая модель управления // PolitBook. 2014. № 4. С. 110.

³⁹ Гленк Э. Гражданское общество как катализатор инноваций. Инновации: вызовы и перспективы. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2013. С. 185.

⁴⁰ Авцинова Г. И. Гражданское общество в современной России и проблемы легитимного политического участия / Конвенциональные и неконвенциональные технологии политической деятельности в условиях глобализации: Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 23 сентября 2011 г. М.: Федерация мира и согласия, 2011. С. 17.

⁴¹ Гордеев Л. И. О некоторых инновациях в социально-политической сфере. Мегapolis – территория инноваций: политика, экономика, культура, репутационный капитал / Материалы научно-практической конференции. М.: Изд-во Федерация мира и согласия, 2014. С. 163.

согласиться с тем, что рост гражданской инициативы и ответственности действительно является залогом успешной модернизации страны на основе внедрения различного рода инновационных проектов.

В России постепенно формируется понимание значимости гражданского общества в стимулировании инновационных процессов в различных сферах общественной жизни. В условиях новых вызовов гражданское общество может стать действенным механизмом, контролирующим не только деятельность властных структур, но и сферу бизнеса, его ориентацию на общественные интересы⁴².

В связи с этим целесообразно рассматривать гражданское общество в качестве социального ресурса, способного обеспечить развитие страны в XXI веке. Проблемы, вставшие сегодня перед Россией, требуют серьезных институциональных изменений в политической и социально-экономической сферах жизни страны. В настоящее время сложилось понимание того, инновационное развитие страны невозможно без действенных институтов гражданского общества, выступающих в роли медиаторов между структурами государственной власти и интересами, как частных лиц, так и общественных объединений. Это определяет необходимость всестороннего исследования гражданского общества в России в контексте как культурно-исторических условий его формирования, так и современных тенденций развития страны, связанных с комплексом социально-экономических и политических проблем, стоящих сегодня перед страной.

Список литературы

1. Gellner E. Conditions of Liberty: Civil Society and Its Rivals. Allen Lane, 1994.
2. Авцинова Г. И. Гражданское общество в современной России и проблемы легитимного политического участия // Конвенциональные и неконвенциональные технологии политической деятельности в условиях глобализации: Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 23 сентября 2011 г. М., 2011.
3. Аксаков К. С. Государство и народ. М., 2009.
4. Алмонд Г. А., Верба С. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры // Полития. 2010. № 3–4.
5. Американские просветители / под ред. Б. Э. Быховского. Т. 2. М., 1969.
6. Аристотель. Политика. М., 2012.
7. Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияние на политиче-

⁴²Самыгин С. И., Верещагина А. В., Рачипа А. В. Финансовая безопасность государства в условиях экономической глобализации: специфика рисков и угроз // Гуманитарий Юга России. 2016. № 1.

ские институты и деятельность властвующих групп в современной России. М., 2000.

8. Батагова Л.Х., Дзахова Л.Х. Терроризм на Северном Кавказе: факторы возникновения и механизмы противодействия. Владикавказ, 2015.

9. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1996.

10. Бязрова Д.Б. Современные интерпретации теории общественного прогресса. Дис. канд. философ. наук. М., 1999.

11. Власова С.А. Культурно-исторический контекст становления и формирования гражданского общества в России // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323.

12. Гаджиев К.С. Проблема гражданского общества: Идеиные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии. 1991. № 7.

13. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 2002.

14. Гленк Э. Гражданское общество как катализатор инноваций. – Инновации: вызовы и перспективы. Новосибирск, 2013.

15. Гоббс Т. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1989.

16. Гордеев Л.И. О некоторых инновациях в социально-политической сфере. – Мегapolis – территория инноваций: политика, экономика, культура, репутационный капитал / Материалы научно-практической конференции. М., 2014.

17. Длугач Т.Б. Три портрета эпохи Просвещения. Монтескье. Вольтер. Руссо (от концепции просвещенного абсолютизма к теориям гражданского общества). М., 2006.

18. Ильин И.А. Путь к очевидности. М.; Берлин, 2017.

19. Кант И. Основы метафизики нравственности. М., 2012.

20. Кейзеров Н.М. О соотношении гражданской и политической культур // Социально-политические науки. 1991. № 7.

21. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. СПб., 2014.

22. Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М., 1988.

23. Лубский Р.А. Российская государственность как социальная реальность. Ростов н/Д., 2016.

24. Матвеев Ю.И. Глобальные вызовы для России: новая модель управления // PolitBook. 2014. № 4.

25. Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М., 1955.

26. Мчедлов М.П. Российская цивилизация. М., 2003.

27. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

28. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.

29. Пейн Т. Избранные сочинения. М., 1959.

30. Петренко Е.С., Градосельская Г.В. Российское гражданское общество сегодня: реконструкция по результатам крупномасштабных опросов // Мир России. Т. 18. 2009. № 1.

31. Самыгин С.И., Верещагина А.В., Рачипа А.В. Финансовая безопасность государства в условиях экономической глобализации: специфика рисков и угроз // Гуманитарий Юга России. 2016. № 1.
32. Соколов А.Н., Сердобинцев К.С. Доминанта правового государства – развитое гражданское общество // Правовое государство: теория и практика. 2011. № 4(26).
33. Струве П.Б. О мере и границах либерального консерватизма // Политические исследования. 1994. № 3.
34. Сунгуров А.Ю. Организации-посредники в структуре гражданского общества (Некоторые проблемы политической модернизации России) // Полис. Политические исследования. 1999. № 6.
35. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. М., 2011.
36. Утяшев М.М. Высшая форма государства – правовая // Правовое государство: теория и практика. 2012. № 2 (28).
37. Франк С.Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию. М., 2014.
38. Цейтлин Ю.В. Гражданское общество и государство в России // Россия и современный мир. 2000. № 3.
39. Чичерин Б.Н. Философия права. М., 2011.
40. Яковлев А.М. Российская государственность (историко-социологический аспект) // Общественные науки и современность. 2002. № 5.

А.В. МАНОЙЛО

«ЦВЕТНЫЕ» РЕВОЛЮЦИИ КАК «ОТМЫЧКА ДЛЯ ДЕМОКРАТИИ»

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию современных технологий «цветных» революций и информационных войн, гибридизирующих мировую политику. «Цветные» революции и информационные войны представляют одну из самых острых угроз национальной безопасности Российской Федерации; более того, по мере приближения выборов 2018 года следует ожидать их активизации. Между тем и «цветные» революции, и информационные войны представляют собой не что иное, как результат применения совершенно определенных политических технологий, имеющих свои точки уязвимости для внешнего воздействия. Высокая степень технологичности современных «цветных» революций и информационных войн является одновременно их сильной стороной и слабостью: при нарушении технологического цикла сценарии «цветных» революций и операции информационной войны разваливаются прямо на глазах.

Ключевые слова: «цветные» революции, информационные войны, политика, стабильность, безопасность, международные отношения, угрозы, противодействие.

«COLOR» REVOLUTIONS AS A «KEY TO DEMOCRACY»

Abstract. This article is devoted to the research of modern technologies of color revolutions and information wars, hybridizing world politics. Color revolutions and information wars are one of the most acute threats to the national security of the Russian Federation; Moreover, as the elections of 2018 approach, we should expect their activation. Meanwhile, both color revolutions and informational wars are nothing more than the result of the application of completely defined political technologies that have their points of vulnerability to external influence. The high degree of technological sophistication of modern color revolutions and information wars is, at the same time, their strengths and weaknesses: when the

МАНОЙЛО Андрей Викторович – доктор политических наук, профессор кафедры российской политики Факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва

technological cycle is violated, scenarios of color revolutions and information warfare are collapsing right before our eyes.

Keywords: *color revolutions, information wars, politics, stability, security, international relations, threats, counteraction.*

Современная мировая политика, все еще находясь в стадии формирования, уже подвергается мощным процессам гибридации¹, инструментами которой выступают, как новые факторы и явления (гибридные войны, информационные войны, «цветные» революции, управляемый хаос), так и новые акторы, вторгающиеся в область международной политики из негосударственной сферы – так называемые «акторы вне суверенитета», негосударственные акторы международных отношений. Преимущественной сферой деятельности этой новой категории акторов становятся сегменты мировой политики, в наибольшей степени подверженные гибридации – международные конфликты и войны нового (гибридного) типа, «цветные» (гибридные) революции, протекающие на фоне нарастающей мировой турбулентности и «управляемого» хаоса.

Даже во внутривнутриполитической борьбе в отдельных странах мира появляются неклассические персонажи, вторгающиеся в сферу привычных взаимоотношений и кардинально ее преобразовывающие под себя, разрывая шаблоны, ниспровергая устои и нарушая традиции. Такие личности не только гибридируют внутреннюю политику своих стран, но и порождают собственный феномен, запускающий механизмы гибридации политики в мировом масштабе (феномен Дональда Трампа, Уго Чавеса, Лулы да Силва, Владимира Путина).

Все эти факторы в совокупности позволяют утверждать, что современная мировая политика носит гибридный характер, по крайней мере, она стремительно гибридируется. А очагами гибридации выступают не международные форумы, на которых вырабатываются новые правила игры, а международные конфликты, становящиеся площадкой для применения новейших технологий гибридных войн и «цветных» революций. Именно такие гибридные по своей природе конфликты полыхают сегодня в Сирии, Украине, Ливии, Ираке, Йемене.

Одним из важнейших факторов гибридации мировой политики сегодня становятся «цветные» революции. В современной мировой и российской политике «цветные» революции – одна из самых актуальных тем, держащих общество в состоянии постоянного напряжения: именно они указаны в новой Стратегии национальной безопасности одной из наиболее опасных угроз безопасности Российской Федерации². Именно «цветная»

¹ Внешняя политика России в условиях глобальной неопределенности: Монография / Под ред. П. А. Цыганкова. – М., 2015.

² Карпович О. Г., Манойло А. В. «Цветные» революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов. М., 2015.

революция, получившая странное название «Евромайдана», превратила в 2014 году в руины Украину – некогда процветающую страну, в которой ВВП прирастал на 4 процента в год; именно с «цветной» революции начались вооруженные конфликты в Ливии и Сирии. В Бразилии технологию «цветной» революции, проходившей под маской антикоррупционной кампании, в 2016 году использовали для того, чтобы отстранить президента Дилму Русеф, не желавшую идти на поводу у США.

20 января 2017 года МИД Российской Федерации официально заявил, что политическая ситуация в Венесуэле развивается по сценарию «цветной революции». В частности, российские дипломаты отметили, что «ситуация в Венесуэле продолжает накаляться. Радикальное крыло антиправительственного лагеря, вставшее у руля национального парламента, усилило агрессивную риторику и взяло курс на «гражданское неповиновение». Идет подготовка демонстраций, планируемых на ближайшие дни, которые чреваты (или заранее срежиссированы в таком ключе) столкновениями с правоохранительными органами и провоцированием насилия и жертв»³. Оценка, данная МИД РФ событиям в Венесуэле, полностью соответствует действительности: там действительно применяются технологии «цветных» революций, власть вяло отбивается от оппозиции, а оппозиционные лидеры до сих пор не перехватили стратегическую инициативу в этой борьбе исключительно в силу своей общей серости и убогости. За что их очень сильно критикуют американские кураторы.

Сейчас российские и зарубежные центры либеральной демократии время от времени примеряют сценарий «цветной» революции к России, надеясь свергнуть в это безумие страну, мужественно отстаивающую свой суверенитет и национальные интересы в условиях беспрецедентного внешнего давления со стороны западных «партнеров». Так, события 26 марта 2017 года как раз и были тестовым испытанием новых технологий «цветных» революций, тонко настроенных на российские условия.

По версии несистемной оппозиции, 26 марта 2017 года в целом ряде городов страны простые люди вышли на митинги против коррупции. Вместе с тем, вышедших на митинги в масштабах 147-миллионной страны было совсем немного – порядка 60 тыс. человек. Среди участников протестных акций было немало молодых людей, в некоторых городах митинговали школьники старших классов.

И вышли они не для того, чтобы выразить искренний протест против коррупции, поскольку никто из этих молодых людей с ней в жизни не сталкивался. Их вывела на улицы технология конфликтной мобилизации, и это значит, что мы имеем дело с типичным управляемым протестом, с технологией, применявшейся при организации «цветных революций», аналогичной той, которая применялась, когда в Киеве собирался «Евромайдан».

³ МИД РФ: в Венесуэле реализуется сценарий «цветной революции». [Электронный документ] / ТАСС, 2017, 20 янв. URL: <http://tass.ru/politika/3958520>

Действительно, даже в деталях эта технология повторяет ту, которая была использована на Украине. За одним очень важным исключением: в прежних сценариях «цветных» революций в качестве базового протестного электората также использовалась молодежь, но ставка делалась на другую возрастную группу – студентов не младших, а старших курсов. Это совершеннолетние молодые люди, которые, тем не менее, не имеют жизненного опыта, легко поддаются на призывы, вовлекаются в самые разнообразные, как принято говорить в их среде, «движухи». Студентами легко манипулировать, на этом технологии «цветных революций» и организации управляемого протеста и основаны.

Но в такой большой стране, как Россия, студенты старших курсов очень разные. И найти для них какой-то общий тренд, общий мотив, который позволил бы вывести большую часть студентов на улицы, чрезвычайно сложно. Они – уже сформировавшиеся личности, у них очень разные взгляды, и эти взгляды далеко не всегда совпадают со взглядами несистемных оппозиционеров.

Школьники для сценария 26 марта были выбраны не случайно: это «сырая», внушаемая аудитория, ее не коснулось влияние пропаганды. Они уже шагнули во взрослую жизнь, но не успели социализироваться. И оппозиция предложила им увлекательную форму социализации – бороться с коррупцией, за все хорошее против всего плохого, за справедливость. Надо отметить, что любые призывы «восстанавливать справедливость» в среде школьников и студентов младших курсов распространяются как вирус. Этим несистемная оппозиция и воспользовалась.

Есть и еще один важный момент. Протесты 26 марта были попыткой создать ситуацию, при которой вышедшие на митинги дети могли пострадать. Даже в том случае, если бы правоохранители не притронулись к ним и пальцем. Достаточно провокации, хлопка, и толпа становится неуправляемой, кого-то могли и задавить. И если бы кто-то из вышедших на митинги детей пострадал, была бы применена известная субтехнология – съемка пострадавших со всех ракурсов и создание легенды о «детской сотне», не дай бог, «небесной». Пострадавшие дети стали бы знаменем, на фоне которого развернулись бы дальнейшие протесты.

К сожалению, со стороны власти продуманная тактика противодействия напрочь отсутствовала: власть и ее представители вели себя пассивно. А оппозиция на фоне этой пассивности и растерянности добилась вполне определенных успехов. Во-первых, несистемной оппозиции удалось организовать и синхронизировать протест сразу во множестве городов под одним зонтичным брендом – борьбой с коррупцией. Во-вторых, вывести на улицы новый электоральный пласт – тех, кто не выходил на Болотную площадь, не попал под обработку социальных групп и страт, протестовавших в 2011–2012 годах. Эта обработка власти удалась, но молодежи,

живущей в социальных сетях и разделяющей сетевые ценности, она не коснулась.

События 26 марта 2017 года стали для власти стресс-тестом. А запустившие «цветные» технологии увидели, что они работают не только в маленьких в сравнении с Россией странах, но и у нас. Таким образом, организаторами были найдены подход, технологическое решение, социальные группы, которые способны увлечь за собой остальных. И следующий запуск этих технологий будет распространен на значительно большее количество социальных групп, на более крупные аудитории.

Однако, несмотря на все стремление повторить украинский майдан, в России у организаторов «цветных революций» это вряд ли получится – мы сумеем себя защитить.

«Цветные» революции – это технологии организации государственных переворотов в условиях искусственно созданной политической нестабильности, в которых давление на власть осуществляется в форме политического шантажа, а инструментом шантажа выступает молодежное протестное движение, организованное по специальной схеме⁴. При этом единственной целью любой «цветной» революции является организация государственного переворота, выдаваемого за стихийные протестные явления и массовые акции гражданского неповиновения. Необходимым условием успешности «цветной» революции является обязательное наличие в стране политической нестабильности, способной перерасти в полноценный политический кризис.

Несмотря на существенные различия государств, в которых происходят «цветные» революции, между собой (в геополитическом, социальном, экономическом плане и международном положении) все «цветные» революции укладываются в одну и ту же организационную схему, предполагающую организацию по шаблону молодежного протестного движения, преобразования его в политическую толпу и использование этой силы против действующей власти в качестве инструмента политического шантажа. Это прямо указывает на то, что «цветные» революции в принципе не могут быть реализацией объективных надежд и стремлений большинства населения. При этом у них есть свои особые отличительные черты: в «цветных» революциях воздействие на власть всегда осуществляется в особой форме политического шантажа; основным инструментом воздействия на власть выступает молодежное протестное движение.

«Цветные» революции только внешне напоминают настоящие революционные движения. В отличие от революций настоящих, вызванных объективным развитием исторического процесса, «цветные» революции – это технологии, успешно маскирующиеся под стихийные процессы. Они отличаются почти театральным уровнем драматургии, который западные

⁴ Манойло А. В. «Цветные» революции и проблемы демонтажа политических режимов в меняющемся мире / Электронный журнал «Вестник МГОУ» / www.evstnik-mgou.ru. № 2. 2015. С. 1–14.

политологи старательно пытаются выдать за самопроизвольное и стихийное проявление воли народа, внезапно решившего вернуть себе право управлять собственной страной.

«Цветные» революции используют фактор военной силы как сервисную функцию, к которой их сценаристы и технологи прибегают в случае крайней необходимости. Военная сила для «цветных» революций не является основным инструментом, ее использование носит скорее вынужденный и побочный характер. Тем не менее, нельзя не обратить внимание на тот факт, что современные «цветные» революции действительно создают условия и поводы для последующей военной интервенции.

Модель, лежащая в основе «цветной» революции, одна: это создание протестного движения, превращение его в политическую толпу и направление ее агрессии на действующую власть с целью заставить ее добровольно уйти с государственных постов и отказаться от управления страной. Такое давление на власть почти всегда происходит в форме шантажа, выдвижения ультиматумов под угрозой массовых погромов и реже – физических расправ с инакомыслящими. Если власть начинает сопротивляться, «цветная» революция переходит в фазу вооруженного мятежа. Иногда этот мятеж сопровождается вооруженной интервенцией со стороны западных стран, как это было в Ливии, и едва ли не произошло в Сирии.

В «цветных» революциях используется особая символика, цель которой – запустить механизм распознавания «свой-чужой», благодаря которому участники протестных акций опознают друг друга в политической толпе и одновременно идентифицируют противников, не имеющих соответствующих опознавательных символов (маркеров). На протяжении длительного времени типичным символом «цветных» революционеров были цветы: розы в Грузии, тюльпаны в Киргизии, васильки в Беларуси, жасмин в Тунисе и т.д. Природа происхождения этих цветочных символов и атрибутов предельно проста – она лежит в архетипах исторической памяти американцев, помнящих движение хиппи – «детей цветов», выразивших особым образом свой протест по отношению к государству и проводимой им политике. Это сразу выдает в сценариях «цветных» революций характерный почерк североамериканских англосаксов. Кроме того, в выборе цветочной символики кроется стремление сценаристов «цветных» революций с помощью цветков в руках протестующих женщин, подростков подчеркнуть ненасильственный характер «цветной» революции, и тем самым замаскировать совершающийся государственный переворот.

«Цветные» революции часто называют технологиями или инструментами «мягкой силы». Этот подход, основанный на принципе аналогии (внешне «цветные» революции – это несиловые технологии смены политических режимов), вводит в заблуждение, заставляя считать «цветные» революции более мягкой и поэтому более прогрессивной и менее социально опасной формой воздействия на авторитарные режимы. Тем

самым разворачивается кампания по пропаганде «цветных» революций в пику любым формам собственно вооруженных переворотов. Между тем, «цветные» революции – это не что иное, как организационная форма осуществления государственного шантажа (то есть шантажа, объектом которого является независимое и суверенное государство), маскирующегося под легендой и лозунгами национальной революции. Это инструменты взлома демократических режимов переходного типа, скопированных с англосаксонских образцов западными странами, которые имеют признаки имитации.

Можно сказать, что американцы не только создали модель демократического устройства государства, ориентированную на экспорт, но и позаботились о создании специальных инструментов, предназначенных для ее слома и демонтажа, если в этом вдруг возникнет необходимость. В современном мире такими инструментами, играющими роль своеобразных отмычек для взлома политических режимов западного либерального типа, и являются технологии «цветных» революций.

* * *

Одним из основных инструментов реализации сценариев «цветных» революций выступают информационные войны и психологические операции. Действительно, информационные войны в современном мире стали одним из основных и уже привычных факторов окружающей нас действительности. Каждый из нас ежедневно оказывается в фокусе действия той или иной информационной атаки, несущей заряд убийственной агрессии, направленной как на общество в целом, так и на сознание каждого человека в отдельности. Технологии информационных войн, основанные на манипулятивном управлении политическим сознанием и поведением граждан, исключительно опасны. Их главная задача – разделить и поляризовать общество, разорвать его на множество клочков и фрагментов, заставить эти фрагменты искренне ненавидеть друг друга с тем, чтобы затем столкнуть их между собой, инициировав борьбу на уничтожение, или объединить их агрессию в единый поток и направить его против действующей власти. При этом цель информационной войны – сломить волю противника к сопротивлению и подчинить его сознание своей воле. Высокая эффективность информационных атак и растерянность, являющаяся типичной реакцией большинства стран на акции информационной войны, делает информационные войны одним из основных элементов современных гибридных войн, таких, как война в Сирии или конфликт в Украине.

Технологии информационных войн активно и весьма охотно применяют не только страны Запада (прежде всего, США, где термин «информационная война» официально закреплен в боевом уставе армии США, как часть

психологических операций), но и международными террористическими организациями и группировками, такими как запрещенные в Российской Федерации «Исламское государство» и Аль-Каида⁵. Эти организации по всему миру ищут, вербуют или просто нанимают на работу высококлассных специалистов в области кибервойны и информационного противоборства, которые в информационно-идеологическом поле вполне успешно конкурируют с силами специальных операций стран Запада.

Наиболее часто объектом информационной атаки становятся первые лица государства – президент и премьер. С нападения на них, как правило, информационная война и начинается. Причина предельно проста: первые лица всегда находятся под «прицелом» внимания, они ведут публичный образ жизни, каждый их шаг, каждое их действие или движение рассматривается сквозь лупу. То, что прощается любому публичному политику, даже самому высокопоставленному и известному, почти никогда не прощают лидерам государства: они часто просто не имеют права на ошибку, что в определенном смысле роднит их с саперами. В силу своей публичности именно первые лица государства выступают главными ньюсмейкерами и производят большинство резонансных информационных поводов, которым затем дают свою интерпретацию национальные и зарубежные СМИ.

Информационная война почти всегда разворачивается вокруг первых лиц, их действий, реакций на те или иные события, которые на первоначальном этапе тщательно прощупываются и тестируются с помощью заведомо провокационных вбросов ложной информации, запуска в социальных сетях вирусного контента, распространения слухов и сплетен, способных эмоционально «зацепить» хотя бы одного из первых лиц государства и вызвать его ответную резкую, эмоционально окрашенную реакцию.

* * *

Особую роль в информационных войнах играют средства массовой информации и коммуникации. Они играют роль, с одной стороны, канала доведения информационного воздействия до конкретной целевой аудитории (политических элит, лидеров мнений, широких слоев общественности, политически активной молодежи), с другой – выступают непосредственным участником конфликтного взаимодействия. В современных конфликтах СМИ активно используются как средство дезинформации и пропаганды, инструмент манипулирования общественным мнением, массовым сознанием и поведением граждан и рычаг прямого давления на оппонентов. Именно через так называемые независимые СМИ спецслужбы осуществляют вбросы («контролируемую утечку») информации, компрометирующей их

⁵ Манойло А. В. «Убить котенка», или Как действуют технологии конфликтной мобилизации в социальных сетях // Конфликтология / nota bene. № 2. 2015. С. 104–107.

соперников, дестабилизирующей политическую обстановку в различных странах, инициирующей массовые протесты в стиле «цветных» революций. СМИ также имеют обыкновение выдавать непроверенную информацию за достоверную, если в ней содержатся элементы сенсационности, способствуя ее легализации. Экстремисты часто используют СМИ для усиленного разжигания националистических, экстремистских настроений даже в тех регионах, где эти противоречия уже давно не проявлялись; именно прозападные, демократические СМИ формируют романтический образ «цветных» революций в тех странах, где они осуществляются, эти же СМИ затем легитимируют всевозможные хунты, пришедшие к власти. Западные средства массовой информации активно участвуют в формировании образов «стран-изгоев» (в эту категорию попадают все страны, проводящие независимую от США внешнюю политику), провоцируя новые международные конфликты и столкновения.

В качестве субъектов информационных атак часто привлекаются «независимые журналисты», выполняющие политический заказ. Эта темная сторона деятельности современной журналистики связана с тем, что современные СМИ фактически не могут быть независимыми: журналисты зависят от мнения главного редактора и редакционной политики, которая для них является своего рода корпоративной цензурой; редакторы изданий зависят от владельцев СМИ и от спонсоров, которые напрямую диктуют, в каком ракурсе журналисты должны подавать те или иные события; боязнь потерять источники финансирования делает СМИ даже в демократических странах чрезвычайно зависимыми и несвободными. Единственная свобода, которая еще пока остается у журналистов – уволиться, если его собственные взгляды не совпадают с «мнением редакции». Но очень немногие пользуются этим правом, предпочитая путь конформизма.

* * *

Особое внимание заслуживают технологии, применяемые в современных информационных войнах и распространяемые по различным каналам. Наряду с более сложными технологическими схемами в информационных войнах используется целый ряд простых приемов. Наиболее распространен среди них метод «наклеивания ярлыков». Работает он так: в отношении одного из первых лиц государства вбрасывается информация компрометирующего характера, в которой он без каких-либо веских оснований объявляется коррупционером. Первоначальная реакция на такие обвинения, как правило, носит эмоциональный характер: попытка наклеить ярлык коррупционера воспринимается как чушь, дикость, абсурд. Однако ассоциативная связь между личностью политика и образом коррупционера при этом в сознании граждан все же выстраивается, а яркая эмоциональная реакция эту связь закрепляет. В результате, спустя некоторое время,

образы лидера и коррупционера в сознании человека совместятся, и ярлык коррупционера прочно «приклеится» к личности конкретного политика. «Отодрать» или «отмыть» его затем будет очень непросто.

Именно этот прием «наклеивания ярлыков» был использован Западом в информационной войне против лидера российского государства сначала на базе извлеченного из нафталина «Дела Литвиненко», а затем и благодаря известному фильму про коррупцию в России, показанному по британскому телеканалу ВВС-2. Появился даже особый термин – «демонизация Путина», связанный с непрерывным наклеиванием новых ярлыков поверх прежних на один и тот же объект информационных атак.

Не менее распространенным в современных информационных войнах является метод так называемых пробных шаров, которыми прощупываются эмоциональные реакции первых лиц на различные внешние раздражители. Действует он следующим образом: в отношении одного из первых лиц государства выдвигаются обвинения заведомо оскорбительного характера – к примеру, лидера и его страну ни с того ни с сего объявляют угрозой всему демократическому миру и ставят в один ряд, например, с вирусом Эбола и террористической организацией. Обвинения конструируются так, чтобы они вызвали настойчивое желание «мощно ответить», то есть, они служат своего рода приманкой, провоцирующей политика на ответные заявления столь же эмоционального характера. Если провокация удалась, и лидер эмоционально ответил на «обвинения Запада», то объектом информационной атаки становится уже конкретная эмоциональная реакция конкретного лидера, а первоначальные обвинения сразу же «забываются».

Метод «пробных шаров» работает точно и практически без перебоев. Но в его функционировании есть одна особенность: этот метод нуждается в обязательной «обратной связи» от объекта информационной атаки (то есть, от лидера или политика, подвергнувшегося информационному нападению), которая дает возможность организаторам информационной атаки контролировать процесс. Если по каким-то причинам обратная связь теряется, то у нападавших случается настоящая паника. Например, так, как это было перед Олимпиадой в Сочи, когда Президент Российской Федерации на неделю исчез из публичного пространства, а западные политтехнологи, перестав получать от него «обратную связь» на свои информационные выпады, потеряли связь с реальностью и запаниковали.

Довольно часто информационные атаки, в которых в качестве объекта критики фигурирует первое лицо, направлены не на него самого, а на элиты, которые его окружают. Эти элиты в условиях санкций и нарастания международной напряженности могут испытывать различного рода колебания, которые тонко улавливаются организаторами информационных войн и затем умело раскачиваются по принципу маятника. Эта технология была применена в Югославии для свержения Слободана Милошевича:

его фактически сдала собственная элита после того, как ей намекнули, что те, кто будет и дальше поддерживать Милошевича, через некоторое время могут разделить его участь. Относительно недавний фарс с приговором Радовану Караджичу также является информационным поводом, раскручивая который, Запад вполне прозрачно намекает на то, что любой лидер, выступающий против воли США, в конечном счете может повторить участь Милошевича, Караджича, Каддафи.

Именно на российскую политическую элиту был направлен недавний вброс информации о панамских офшорах, получивший название «панамского досье». В центре скандала оказался панамская юридическая фирма «MossackFonseca», занимающаяся разработкой и организационно-правовой поддержкой офшорных схем. Ключевым участником раскручивания скандала стали западные либеральные СМИ, поддержанные некоторыми либеральными СМИ внутри России (такими, как, например, РБК).

В руки так называемых журналистов «Международного консорциума» попала информация, украденная у панамской юридической компании. То есть, «независимые» журналисты стали фактически перекупщиками краденого. В большинстве стран мира за это полагается уголовная статья и реальные сроки. Однако в данном случае новоявленных борцов против офшоров никто не тронул: напротив, на Западе из них сделали героев, попытавшихся поймать за руку на «грязных махинациях» людей, обладающих в современном мире реальной властью и влиянием. Правда, как показал киевский «майдан», «хороший герой – мертвый герой». Об этом журналисты-идеалисты, рискнувшие ради славы (или на возмездной основе) ввязаться в сомнительную игру с явно краплеными картами, вероятно, забыли. Саму кражу, как обычно, «повесили» на неустановленного «осведомителя» немецкой Федеральной разведывательной службы Германии (БНД), который по заданию все той же разведки искал в панамских офшорах следы деятельности немецких граждан, уклоняющихся от налогов, а наткнулся на след, ведущий к президентам Украины, Аргентины и едва ли не в сам Белый дом. Именно эту информацию на неграждан Германии БНД добросовестно «слила» СМИ, компенсировав тем самым расходы, выплаченные осведомителю. Что ж, в условиях острого миграционного кризиса в Европе и разведчикам жить на что-то надо.

Любопытно, что если бы подобного рода материалы передал журналистам Эдвард Сноуден или любой другой его идейный последователь, возмущенные граждане США порвали бы его «на британский флаг», заклеили предателем национальных интересов и вечным позором. Здесь же наблюдается полная тишина: никто не возмущается, мягко говоря, сомнительным происхождением «панамского досье», потому что это может посеять сомнения по поводу их подлинности. Это наводит на мысль, что в случае с «панамским досье» мы имеем дело с хорошо сделанным фальсификатом, в который ради создания иллюзии достоверности

вложены подлинные документы, раскрывающие реально существующие офшорные схемы ряда заметных (но не крупных) европейских политиков и бизнесменов. И все это вбрасывается по схеме, блестяще отработанной на практике на примере проекта WikiLeaks.

Кстати, именно WikiLeaks всего через три дня после начала «панамгейта» заявил, что «скандал с панамским офшором заказан Вашингтоном и направлен против Путина». Это такая типичная для информационных операций «повторная подсветка» исходного события с «правильной» (корректирующей) его интерпретацией: тем, кто не понял, добрые дяди из Лэнгли доходчиво объяснили, что связь «панамского досье» с первыми лицами российского государства существует, эта связь прямая и явная.

В стратегическом плане цель развязанной против России информационной войны довольно проста: любыми способами расшатать и расколоть российскую политическую элиту. Скандал с офшорами – тот самый инструмент, который реально способен ее расколоть: одна часть ее будет в значительной степени деморализована и запугана, другая – наоборот, перевозбуждена и настроена на «решительный отпор». В ситуации экономического кризиса и сильного внешнеполитического давления такой психологический диссонанс между сторонниками прекращения конфликта с Западом и теми, кто готов немедленно нанести по «врагу» превентивный удар, может привести к расколу со всеми вытекающими последствиями. Уже сейчас в действиях элиты просматриваются попытки организовать «кавалерийскую контратаку» на западные центры информационной войны – попытки, плохо скоординированные и, следовательно, имеющие большой шанс угодить в умело расставленную ловушку или повестись на провокацию. Постоянное напряжение в этом вопросе поддерживает сам фактор неизвестности: никто не знает, какие именно материалы будут во второй части «панамского досье», и каждый примеряет это досье на себя. А, как известно, ожидание смерти – хуже самой смерти. Тем более что «честные журналисты» из «Международного консорциума журналистских расследований» (ICIJ) уже поспешили заявить, что раскроют материалы и по другим офшорным зонам, но ради интриги не уточнили, каким именно.

При всей своей опасности, информационные войны все же не являются «смертельным оружием»: в этой войне побеждает тот, кто умеет предсказать действия своих противников на несколько шагов вперед, и затем нанести удар, который не ожидают. Как, к примеру, в Сирии. В этом плане особого внимания заслуживает деятельность российских каналов инновационного вещания, таких как RT и «Спутник», которые успешно доводят российскую точку зрения до зарубежных (в том числе западных) аудиторий: RT смотрят даже в США, что вызывает озабоченность Государственного департамента. Не случайно относительно недавно государственный секретарь США Джон Керри, выступая в Конгрессе, заявил, что «русские СМИ работают настолько эффективно, что они уже влияют на формирование обществен-

ного мнения в самих Соединенных Штатах», и «нам надо создать такие же СМИ, способные противостоять русской пропаганде»⁶.

В заключение стоит отметить, что современная мировая политика – явление, очень динамично развивающееся и, одновременно, все еще весьма нестабильное и неустоявшееся. Ее возникновение вызвано массовым вторжением в международную политику негосударственных акторов. Однако мировая политика сегодня не просто продолжает формироваться, она стремительно гибридизируется, поскольку в сферу политики, «отвоеванной» у классических вестфальских акторов «актерами вне суверенитета», начинают вторгаться новые «игроки», порожденные информационными войнами, «цветными» революциями и управляемым хаосом. Гибридизация и без того еще окончательно не завершившегося процесса формирования мировой политики носит сложный и противоречивый характер: часто это приводит к архаизации международно-политических отношений, то есть вместо прогресса наблюдается регресс. Вместе с тем именно в процессе гибридизации мировой политики роль и функции национальных государств получают новое содержание, определяющие смысл их существования в новых условиях.

Список литературы

1. Внешняя политика России в условиях глобальной неопределенности: монография / под ред. П. А. Цыганкова. – М., 2015.
2. Карпович О. Г., Манойло А. В. «Цветные» революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов. М., 2015.
3. Манойло А. В. «Цветные» революции и проблемы демонтажа политических режимов в меняющемся мире / Электронный журнал «Вестник МГОУ» / www.evestnik-mgou.ru. 2015. № 2.
4. Манойло А. В. «Убить котенка», или как действуют технологии конфликтной мобилизации в социальных сетях // Конфликтология / nota bene. 2015. № 2.
5. Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве / Под общ. ред. И. В. Бочарникова. М., 2016.
6. МИД РФ: в Венесуэле реализуется сценарий «цветной революции». [Электронный документ] / ТАСС, 2017, 20 янв. URL: <http://tass.ru/politika/3958520>

⁶ См.: Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве / Академия военных наук. Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, кафедра информационной аналитики и политических технологий МГТУ имени Н. Э. Баумана / Под общ. ред. И. В. Бочарникова. – М., 2016. С. 134–150.

ВЫБОРЫ В РОССИЙСКИЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СПЕЦИФИКА ПРОВЕДЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ В ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы отличия в организации избирательного процесса за пределами территории Российской Федерации и проблемы, возникающие в связи с рядом законодательных ограничений, препятствующих волеизъявлению части зарубежных избирателей. В соответствии с проведенным анализом проблем делаются предложения в рамках подготовки к президентским выборам.

Ключевые слова: выборы, избирательное право, зарубежье, явка, избиратели.

ELECTIONS TO THE RUSSIAN AUTHORITIES OUTSIDE THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION: SPECIFICITY OF BEHAVIOR AND PROBLEMS IN THE ORGANIZATION

Abstract. The article discusses the differences in the organization of the electoral process outside the territory of the Russian Federation and the problems arising due to existing legal restrictions that impend expression of the will of the voters abroad. Based on the analysis of such problems, certain suggestions were being developed that can be used while preparation of the presidential elections.

Keywords: elections, suffrage, foreign countries, voters.

Выборы в органы власти на территории России порой сопровождаются шлейфом недоверия из-за пресловутого «административного ресурса» и наличия патронажных отношений власти и бизнеса как способов привлечения граждан на избирательные участки, а также прочих «черных» и «серых» пиар-технологий. В то же время за пределами России, особенно в дальнем зарубежье, избиратели практически полностью освобождены

как от подобного давления со стороны тех или иных властных или иных заинтересованных структур, а также, по большей мере, от активной пропаганды со стороны партии власти. Поэтому можно сказать, что итоги избирательных кампаний за рубежом практически непредвзято показывают мнение россиян, проживающих в этих странах, о политическом руководстве Российской Федерации.

В связи с этим итоги голосования за рубежом должны дать более взвешенную, а возможно, и более негативную оценку действиям руководства страной. В то же время за рубежом картина российских выборов вырисовывается более чем неожиданная. Как по-другому можно интерпретировать тот факт, что рейтинг Президента Российской Федерации среди «зарубежных» избирателей значительно выше, чем в самой России, а по результатам федеральных выборов сторонников российской правящей партии среди отечественных избирателей во многих странах обычно большинство.

«Зарубежный» избиратель: кто и как их считает?

Согласно Конституции Российской Федерации, российским гражданам гарантируется равенство прав и свобод человека и гражданина (в том числе избирательных прав) независимо от пола, расы, национальности и в том числе, места проживания. Тем самым провозглашается, что граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за рубежом либо временно находящиеся в период подготовки и проведения выборов в органы государственной власти за пределами территории России, вправе совершать те или иные избирательные действия в том же порядке, что и граждане, проживающие на ее территории.

В целях обеспечения гарантий и реализации избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации введена государственная система регистрации (учета) избирателей. Задачами учета избирателей, участников референдума в Российской Федерации являются обеспечение установления численности избирателей, участников референдума на территории муниципального образования, субъекта Российской Федерации, в России и за ее пределами, формирование и ведение Регистра избирателей, участников референдума, выполнение избирательных действий, действий при проведении референдума¹. Задача учета российских избирателей возложена на ЦИК России.

По Закону об основных гарантиях основная задача государственной системы регистрации (учета) избирателей – охватить всех граждан Российской Федерации, обладающих активным избирательным правом, и занести их данные в регистр избирателей, формирование и ведение

¹ Постановление ЦИК России от 6 ноября 1997 года № 134/973-II «Положение о государственной системе регистрации (учета) избирателей, участников референдума Российской Федерации».

которого относится к компетенции ЦИК России. Регистрация (учет) избирателей, проживающих за пределами Российской Федерации или находящихся в длительных заграничных командировках, осуществляется руководителем соответствующего дипломатического представительства или консульского учреждения Российской Федерации.

Так, для участия в выборах в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва в 2016 году ЦИК России зарегистрировала на территории Российской Федерации (включая Республику Крым и город Севастополь) 109 902 583 избирателей, а за ее пределами еще 1 865 378 человек, что почти на 2,7 процента выше, чем было зарегистрировано в 2011 году. Фактически сегодня в дальнем и ближнем зарубежье России (в 146 странах мира) «официально» проживает 1,7 процента избирателей, а это практически четыре полноценных избирательных округа.

В то же время согласно проведенным автором исследованиям² и по данным статистического учета³ за период 1990–2014 годы из Российской Федерации в страны СНГ и дальнего зарубежья эмигрировало около 3,9 миллиона российских граждан. Однако на консульский учет были поставлены далеко не все: только в страны дальнего зарубежья за период с 1990 по 1995 год эмигрировало более 620 тысяч россиян, а на консульский учет в это время было поставлено, по данным ЦИК России, лишь 380 тысяч человек; всего за рассматриваемый период в страны дальнего зарубежья выехало более 1,4 миллиона человек, а на консульском учете состоит около 900 тысяч человек (64%); в страны СНГ выехало более 2,4 миллиона россиян, а на консульском учете находится лишь 35 процентов из них.

Если сравнить показатели эмиграции российских граждан и их консульский учет (см. график 1), видно, что в среднем на консульский учет вставал только каждый третий эмигрант. В графике представлены обобщенные показатели, не учитывающие смертность эмигрантов и также рождаемость среди них. Ведь их дети также могли претендовать на российское гражданство, а значит, и состоять на консульском учете. Выходит, что почти три миллиона российских граждан не учтены в статистике избирательного процесса. Это всего лишь 2,5 процента от общего числа российских избирателей, но, на мой взгляд, эта цифра могла бы внести существенные коррективы при формировании части избирательных округов.

Стоит учитывать, что организация избирательного процесса за пределами территории Российской Федерации напрямую относится к ком-

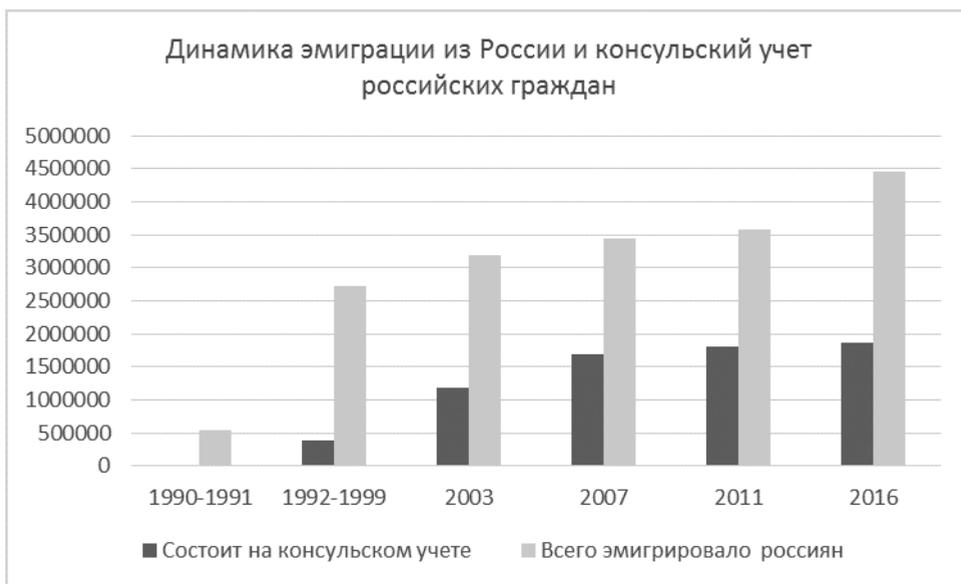
² Бочаров Ю.Б. Проблемы российских избирателей, проживающих вне России / Научно-аналитический журнал «Обозреватель». Декабрь. 2016. № 12 (323).

³ Демографический ежегодник России 2015 год. Цитируется по: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/demo15.pdf.

петиции ЦИК России и Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Предполагая, что на учете в 146 странах мира состоит лишь 1,85 миллиона российских избирателей, ЦИК России совместно с Министерством иностранных дел создает в этих странах около 364 избирательных участка, за каждым из которых записано от 100 до 50 000 избирателей в зависимости от страны.

График 1

Возможно, если бы ЦИК России «предполагала», что у нее на учете за пределами Российской Федерации находится более 4 миллионов избирателей, она бы предприняла более существенные меры по организации избирательного процесса за рубежом, чтобы согласно Конституции Российской Федерации гарантировать каждому российскому гражданину его право избирать.

Фактически сегодня в дальнем и ближнем зарубежье России в 146 странах мира проживает несколько миллионов человек. Граждане этих стран более или менее активно (в зависимости от обстоятельств) участвуют в избирательных процессах на территории России. И хотя усредненная явка по всем странам мира колеблется в районе 17–24 процентов, в ряде стран она составляет 70, 80 и более процентов. При этом на выборах президента голосуют значительно активней, чем на выборах депутатов Государственной Думы.

В то же время в дальнем зарубежье, в странах с большой российской диаспорой, таких как Германия, где только официально по данным

МИД России проживает более полумиллиона российских избирателей (Израиль – 147870, США – 101801, Испания – 25868, Болгария – 26096, Канада – 20318), и ряде других стран явка колеблется в районе нескольких процентов.

Низкая явка в большинстве этих стран, да и практически во всех странах, где число избирателей превышает несколько тысяч человек, связана не с пассивностью избирателей (о чем красноречиво свидетельствуют часовые очереди перед избирательными участками во многих странах в дни российских выборов), а в основном с тем, что согласно действующему законодательству о выборах «предполагается», что 20 или 40 тысяч избирателей вполне могут проголосовать на одном избирательном участке, где задействованы всего три члена участковой избирательной комиссии.

Так, к примеру, в Германии по предложению МИД России организуется всего 11 избирательных участков для голосования (с пропиской на них по 50 тысяч избирателей на каждом), в США 5 участков (по 20 тысяч избирателей), в Израиле 10 участков (по 15 тысяч избирателей), Испании 4 участка (по 5 тысяч избирателей). При этом почему-то считается, что желая исполнить свой конституционный долг избирать, зарубежный избиратель готов проехать сотни километров от своего дома до избирательного участка, а потом еще простоять два-три часа в очереди.

Согласно закону о выборах, избирательные участки за рубежом формируются из сотрудников дипломатических миссий (дипмиссий), поэтому неоднократные обращения в ЦИК России с просьбой организовать в зарубежных странах хотя бы процедуру досрочного голосования упирается в заявления МИД России об «ограниченных возможностях российских дипмиссий за рубежом» и недостаточное число сотрудников для проведения избирательного процесса.

Ограничения в вопросах голосования за рубежом

Как уже говорилось, согласно Конституции, граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за рубежом, либо временно находящиеся в период подготовки и проведения выборов депутатов Государственной Думы в командировках, в туристических поездках и по другим основаниям за пределами России, вправе избирать и быть избранными в Государственную Думу и совершать иные избирательные действия в том же порядке, что и граждане Российской Федерации, проживающие на территории России.

Однако есть нюансы и уточнения: «если иное не предусмотрено федеральным законом или международным договором Российской Федерации». В результате выясняется, что не все равны среди равных. В основном «иное» основано на логике, но в большинстве своем ограничения, пред-

усмотренные соответствующими законами о выборах, лишены всякой логики и основаны на принципе «как бы чего не случилось».

Структура и методология российской избирательной системы детально проработана и строго регламентирована. Содержание стадий избирательного процесса определено не только в Конституции Российской Федерации, но и в ряде Федеральных законов⁴ и постановлениях ЦИК России. Во всех этих документах отдельными пунктами отражены вопросы специфики организации избирательного процесса за пределами территории Российской Федерации. Многие из этих пунктов порой существенно ущемляют права и возможности избирателей, проживающих за рубежом, реализовать свое конституционное право избирать или быть избранным.

Организационные и правовые разъяснения всех этапов избирательного процесса, а также конкретные действия его исполнителей прописаны в методических рекомендациях ЦИК России. Однако специфика организации избирательного процесса за рубежом существенно отличается по ряду пунктов от данного процесса на территории самой России. В связи с этим ЦИК России выпустила отдельное методическое пособие «Об особенностях формирования участковых избирательных комиссий на избирательных участках, образуемых за пределами территории Российской Федерации при проведении референдума Российской Федерации, федеральных выборов, а также территориальных избирательных комиссий, формируемых для руководства их деятельностью».

Опыт последних избирательных кампаний 2003–2016 годов по выборам в Государственную Думу показал, что многие этапы избирательного процесса, организуемого за пределами территории Российской Федерации, нуждаются в совершенствовании как в отношении законодательной базы, так и практического правоприменения.

Отметим основные моменты как правового, так и организационного отличия избирательных процедур за рубежом от внутрироссийских, и ограничения, накладываемые различными законодательными актами на граждан Российской Федерации, проживающих за пределами территории России и имеющих, гражданство иного государства, либо вид на жительство в нем (далее – «зарубежные» избиратели):

Правовые ограничения

1. «Зарубежные» избиратели не имеют права быть избранными в верховные органы власти;

⁴ Федеральный закон «О выборах Президента Российской Федерации» от 10.01.2003 № 19-ФЗ; Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 22.02.2014 № 20-ФЗ; Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 № 67-ФЗ.

2. «Зарубежные» избиратели не могут быть членами избирательных комиссий как с правом решающего, так и совещательного голоса. *Проблемы организации УИК за рубежом*

3. Участковая избирательная комиссия (УИК) может быть сформирована не позднее, чем за три дня до дня голосования;

4. Число членов УИК может быть минимальным при любой численности избирателей на участке;

5. Количество государственных чиновников среди членов УИК не ограничено;

6. Количество избирателей, записанных за каждым УИК, неограниченно и может достигать несколько десятков тысяч человек на одном участке;

7. Количество УИК определяются дипмиссиями России, исходя из их людских ресурсов и разрешения властей страны пребывания, и практически никак не связано с числом избирателей в стране;

8. Представители от партий, рекомендованные в УИК, должны проживать в стране голосования, а значит, не могут быть членами УИК с решающим или совещательным голосом;

9. Наблюдатели в УИК от партий, должны пройти регистрацию в ТИК, которая в дальнейшем переправляется в посольства стран, причисленных к округам данной ТИК;

10. Отсутствие должного контроля со стороны партий и общественности за работой УИК за рубежом.

Проблемы учета зарубежных избирателей

11. География проживания зарубежных избирателей ограничена числом российских дипломатических миссий, организованных за пределами территории Российской Федерации;

12. Учет зарубежных избирателей основан на базе данных консульского учета МИД России, что практически не отображает и половины избирателей данной категории, проживающих за рубежом;

13. Границы территорий УИК в странах зарубежья не определены;

14. Регистрация избирателя может быть на УИК в момент голосования;

15. Отсутствует система учета проголосовавших избирателей, в результате чего избиратель может проголосовать на всех участках в стране его пребывания.

Проблемы в организации процесса голосования

16. Инициирование процесса досрочного голосования принадлежит ЦИК России, МИД России, Министерству обороны России, а партии и избиратели фактически исключены из данного процесса;

17. Ограниченные людские ресурсы дипломатических миссий России в странах с многотысячной диаспорой часто не позволяют им организовать

досрочное голосование и голосование вне помещения для голосования (выездное голосование в день выборов);

18. Вопрос о выездном голосовании в день выборов решается только сотрудниками соответствующего посольства и не подлежит контролю со стороны партий и общественности;

19. Отсутствие достаточного числа наблюдателей приводит к тому, что сотрудники дипмиссий выезжают на голосование на дому без сопровождающих и с незарегистрированным заранее числом бюллетеней;

20. Возможно голосование по любому действующему документу, подтверждающему российское гражданство (к примеру, по паспорту, как внутреннему, так и зарубежному);

21. Турист или командированный, находясь за рубежом, может проголосовать без открепительного удостоверения только на основании отметки в паспорте о выезде с территории России;

22. У туристов и командировочных возникает возможность проголосовать по двум бюллетеням, за федеральный список и за кандидата от одномандатного округа, хотя это и запрещено законом.

Проблемы информационного обеспечения избирателей

23. Все предвыборные агитационные материалы должны изготавливаться на территории Российской Федерации, а все СМИ, пожелавшие участвовать в освещении выборов, должны как минимум за год пройти регистрацию в ЦИК России (в результате все зарубежные и русскоязычные СМИ в странах, где организуется голосование, исключены из официальной избирательной кампании);

24. Данный запрет ставит так же под сомнение легитимность публикаций в зарубежных СМИ, а также информации дипмиссий о местах проведения голосования. В итоге большинство дипмиссий ограничиваются публикацией информации о выборах на своих сайтах.

* * *

Вышеперечисленные запреты и ограничения, с одной стороны, приводят к появлению определенного «административного» ресурса у структур, ответственных за проведения выборов за рубежом, а с другой, – к серьезным трудностям для большинства «зарубежных» избирателей, не позволяющих им в полной мере воспользоваться своим правом избирать.

Как результат, отсутствие возможностей у подавляющего числа «зарубежных» избирателей добраться до избирательных участков приводит к тому, что явка избирателей, особенно в странах с многотысячной диаспорой, колеблется в районе 3–10 процентов.

В то же время низкая явка ведет к падению партийного интереса к «зарубежным» избирателям, в результате чего партии практически не

ведут никакую рекламно-разъяснительную работу за рубежом и вообще не практикуют встречи со своими «зарубежными» избирателями. Следовательно, у данной категории избирателей вообще пропадает мотивация голосовать, что также сказывается на их явке.

К примеру, на выборах 2016 года в Государственную Думу за рубежом была зафиксирована самая низкая за последнее десятилетие явка избирателей. Таким образом, по данной тенденции российские федеральные выборы, проводимые за рубежом, могут превратиться в фикцию, что обязательно отразится на имидже страны и ее руководства. Может, все-таки есть смысл поменять законы и не превращать выборы за пределами России в «фиговый листок» российской демократии?

Ограничение в праве «быть избранным»

Согласно пункту 1 статьи 62 Конституции Российской Федерации, гражданин Российской Федерации может иметь гражданство иностранного государства (двойное гражданство) в соответствии с федеральным законом или международным договором Российской Федерации. Пункт 2 данной статьи уточняет, что наличие у гражданина Российской Федерации гражданства иностранного государства *не умаляет его прав и свобод* и не освобождает от обязанностей, вытекающих из российского гражданства, *если иное не предусмотрено федеральным законом* или международным договором Российской Федерации.

В данном случае это «иное» очень резко умаляет права гражданина, ведь в статье 3.1 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» сказано: *«Не имеют права быть избранными граждане Российской Федерации, имеющие гражданство иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства. Указанные граждане вправе быть избранными в органы местного самоуправления, если это предусмотрено международным договором Российской Федерации»*.

Возникает риторический вопрос: почему, к примеру, я, гражданин России и Израиля, проживающий в данный момент в Израиле и хорошо знакомый с проблемами и нуждами 150 тысяч российских избирателей, также проживающих в Израиле, и избравшийся от их имени в местные органы самоуправления в Израиле, не могу представлять и отстаивать их интересы в Государственной Думе.

Тем более такая практика уже существует в мире. Благодаря реформе, проведенной Николя Саркози, французы, проживающие за границей, могут принимать участие в выборах депутатов нижней палаты парламен-

та. С 2012 года из 557 кресел в парламенте 566 получают депутаты из Франции, 11 – из-за рубежа.

Что страшного в том, что 5–10 депутатов Государственной Думы будут из граждан России, проживающих за рубежом? Может быть, над нами будет витать тень «иностранных агентов влияния»? Возможно, но ведь все депутаты парламента априори – «агенты влияния», обязанные согласно закону отстаивать интересы своего избирательного округа. При награждении меня памятной медалью ЦИК России отметила, что своей деятельностью (в организации российских выборов за рубежом) я вношу «практический вклад в обеспечение открытых и свободных выборов в Российской Федерации». В тот момент надо мною почему-то не висел «ореол» иностранного агента влияния.

При этом вряд ли один депутат может повлиять на развитие отношений, к примеру, России и Израиля или проводить политику Израиля в России? Хотелось бы верить, хотя маловероятно. Для этого практически у каждой страны в наличии имеются более действенные инструменты влияния. А вот повлиять на отношение Государственной Думы к проблемам нескольких сотен тысяч русских израильтян сможет, тем более, что большинство из них до сих пор сердцем с Россией.

«Зарубежные» избиратели, все еще надеются, что они избирают «своих представителей» в органы государственной власти России и вправе хотя бы знать в лицо своего депутата. В противном случае для «зарубежных» избирателей вся процедура выборов – фикция, не имеющая под собой ни смысла, ни права, ни необходимости.

Ограничение в процедуре формирования УИК за рубежом

Согласно Закону об основных гарантиях (статья 29, пункт 1) членами избирательных комиссий не могут быть *«лица, не имеющие гражданства Российской Федерации, а также граждане Российской Федерации, имеющие гражданство иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства»*. И хотя данный пункт закона признан частично не соответствующим Конституции Российской Федерации еще в 2010 году⁵, он до сих пор применяется при формировании избирательных участков за рубежом.

По разъяснениям, данным в Методическом письме ЦИК России о рекомендациях по организации голосования на избирательных участках, образованных за пределами территории Российской Федерации⁶. участковая избирательная комиссия формируется руководителем соответствующего дипломатического представительства, консульского

⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.06.2010 № 14-П.

⁶ Постановление ЦИК России от 3 августа 2011 г. № 23/238-6.

учреждения Российской Федерации. При ее организации должны быть соблюдены общие условия и порядок формирования избирательных комиссий, установленные требованиями статей вышеуказанного Закона об основных гарантиях.

В результате чего, состав участковых избирательных комиссий (а вместе с ним и их количество) определяется и формируется лишь из числа сотрудников дипломатических миссий в каждой конкретной стране. А так как число данных сотрудников по объективным причинам ограничено, то, естественно, ограничено и число участковых комиссий.

Возникает еще один риторический вопрос к членам ЦИК России и законодателям: почему вдруг такое недоверие к зарубежным избирателям? И что такого недопустимого может сделать «зарубежный» избиратель, рекомендованный в состав УИК либо руководством дипломатической миссии, либо от избирающей партии?

В России постоянно говорят о роли русской диаспоры за рубежом, разрабатывают различного рода документы о развитии взаимоотношений с ней, оказывают политическую и финансовую поддержку землячествам, домам дружбы, объединениям ветеранов за рубежом. Многие представители диаспоры активно работают и с российскими дипмиссиями, и с политическими, общественными и прочими структурами на территории России. Думаю, что при необходимости этих представителей могли бы порекомендовать, а порой и поручиться за них многие из уважаемых политических и общественных деятелей России.

Так почему же доверяя в большом, в частности, в вопросах развития взаимоотношений между странами, им отказывают в малом, в данном случае во включении в состав участковых избирательных комиссий? Ведь полномочное присутствие в составе УИК «зарубежных» избирателей могло бы как минимум вдвое увеличить число избирательных комиссий за рубежом. Лишние руки никогда не мешают, тем более в такой кропотливой, и весьма рутинной работе, которой занимаются комиссии. Обывательского уровня сомнения по поводу того, что «зарубежный» член комиссии вдруг «припишет» лишнего не тому кандидату, беспочвенны с учетом того, что в подсчете голосов принимают участие представители заинтересованных сторон – в том числе, наблюдатели от политических партий и СМИ. К тому же за границей такие приписки вряд ли возможны.

Увеличение числа участковых избирательных комиссий за рубежом позволило бы в странах с многочисленной российской диаспорой без особых проблем организовать досрочное голосование, а в день выборов – увеличить число выездных бригад для организации голосования вне помещения для голосования. Все это существенно отразилось бы на явке избирателей, которая вкупе с итогами голосования является одним

из верных показателей имиджа России и ее политических структур за рубежом.

Изменить все одним росчерком пера

В нынешней ситуации у меня нет особых иллюзий по поводу отмены ограничения «быть избранным». Видимо, данное ограничение связано с очень большой политикой и, в том числе, персонализацией представителей отдельных олигархических структур, «укрывшихся» за рубежом, но не теряющих связи с Россией, поэтому акцентирую внимание на процедуре формирования УИК за рубежом.

Закон об основных гарантиях в статье 29, определяя статус членов комиссий, отмечает:

«1. Членами комиссий с правом решающего голоса не могут быть:

а) лица, не имеющие гражданства Российской Федерации, а также граждане Российской Федерации, имеющие гражданство иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства».

Как выше было сказано, взаимосвязанные положения подпункта «а» пункта 1 и подпункта «а» пункта 8 статьи 29 признаны частично не соответствующими Конституции Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 22.06.2010 № 14-П. В соответствии с частью 3 статьи 79 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу.

Однако в данном случае все осталось без изменений, поэтому продолжая тенденцию по демократизации российского общества, предлагается снять эти ограничения при формировании участковых комиссий за рубежом, оставив их действующими для ЦИК России, региональных и территориальных избирательных комиссий.

В связи с этим целесообразно добавить в статью 27 Закона об основных гарантиях «Порядок формирования и полномочия участковых комиссий» следующую формулировку:

«3.2. При формировании участковой комиссии на избирательном участке, участке референдума, образованном за пределами территории Российской Федерации, ограничения, предусмотренные статьей 29 пункт 1 «а» и пункта 8 «а» не применяются, как для членов комиссий с решающим, так и совещательным голосом».

При этом формирование УИК за рубежом все равно будет находиться под контролем дипмиссии, а значит, и ЦИК России, так как согласно Закону об основных гарантиях (п. 3 ст. 19) «*Избирательные участки, участки референдума для граждан Российской Федерации, находящихся-*

ся за пределами территории Российской Федерации, образуют в срок, установленный федеральным законом, руководители дипломатических представительств или консульских учреждений Российской Федерации на территории страны их пребывания.»

Далее сказано (п. 3 ст. 27): *«Число членов участковой комиссии с правом решающего голоса определяется формирующими ее территориальной комиссией либо должностным лицом в зависимости от числа избирателей».*

А формирующая территориальная комиссия состоит только из сотрудников дипмиссии, поэтому она может сформировать любую УИК, где большинство голосов принадлежит ее людям (для контроля), но в то же время, даже если в УИК будет только 3 «иностранца» и 3 представителя дипмиссии, то это уже полноценная комиссия, которая в период работы может позволить себе отправить на выездное голосование еще двух-трех своих представителей.

В итоге изменение лишь подпункта закона позволит фактически вдвое увеличить число сотрудников УИК, а это значит, что можно так же вдвое увеличить число УИК, охватив тем самым дополнительное число городов в странах зарубежья, позволить каждой комиссии сформировать выездные бригады для организации голосования вне помещения для голосования, особенно среди больных и престарелых в местах их компактного проживания (в тех же хостелях). Следовательно, и явка избирателей, как уже было сказано, существенно вырастет.

Плановая победа должна быть честной

Судя по публикациям в СМИ, следующие президентские выборы в России должны отвечать ряду целей, заявленных президентом В.В. Путиным. Во-первых (и это самое главное), они не должны ставить под сомнение легитимность власти всенародно избранного президента. При этом нет задачи избрать Путина, победа на предстоящих президентских выборах которого не вызывает сомнения, задача в том, чтобы выборы были чистыми, прозрачными и легитимными.

В связи с этим необходимо создать максимально комфортные условия для голосования как можно большего числа избирателей. Ведь ясно, что при выборах главы государства высокий процент при низкой явке будет плохим сценарием (в отличие от думской кампании, где абсолютные числа не так важны).

Естественно, что никто не хочет иметь и «среднеазиатский» вариант – абсолютную явку и абсолютный процент. Никого не устроит вариант выборов, когда лидеру выборов достанется 97–98 процентов голосов, а оппозиционным кандидатам – оставшиеся голоса по заранее спущенной схеме. Победа должна быть гарантирована в упорной борьбе, а итоговый

вариант должен соответствовать рейтингу Президента, при этом явка желательно должна превышать две трети избирателей.

Данный вопрос, скорее всего, будет решаться по двум направлениям. Во-первых, необходима так называемая интрига выборов, чтобы привлечь к участию в них максимальное число избирателей как протестного, но обычно «не голосующего» электората, так и «спящего» по причине апатии или в связи с убеждением: «мой голос ничего не решает». Но это – тема не для заграницы, хотя хорошая рекламная кампания не помещала бы и за рубежом.

Возможно и максимальное совмещение выборов президента с региональными или муниципальными референдумами по острым для местного населения вопросам, чтобы привлечь избирателя на участок для голосования.

Во-вторых, важно создание дополнительных возможностей для желающих проголосовать. В этом направлении некоторые решения уже приняты: например, отмена открепительных удостоверений, чтобы люди могли голосовать на даче, курорте, в командировке. Должно возрасти и число избирательных участков. Рассматриваются предложения по совершенствованию практики досрочного голосования или его полной отмене и ряд других организационных моментов выборов.

В русле этих дополнений было бы желательно, чтобы ЦИК России, а вместе с ней и народные избранники учли интересы зарубежных избирателей хотя бы в части расширения за их счет числа УИК. Это могло бы способствовать решению одной из важнейших задач в канун президентских выборов – обеспечить дополнительную явку избирателей. В итоге все это в совокупности позволит нам реализовать основополагающее конституционное право для граждан Российской Федерации, как страны принявшей демократический путь развития – право избирать.

Список литературы

1. Бочаров Ю.Б. Проблемы российских избирателей, проживающих вне России // Научно аналитический журнал «Обозреватель». 2016. № 12 (323).

РЕВОЛЮЦИЯ – ЦЕНОЮ В ЖИЗНИ И ДЛИНОЮ В СУДЬБЫ (1917 – Н/В)

Аннотация. В статье производится попытка осмысления революционных событий 1917 года и оценивается их значение. Автор обращается к глубокому и последовательному анализу последствий революции 1917 года для государственного развития. На фоне рассмотрения событий в истории XX века отдельное внимание уделяется проблемам и тенденциям организации власти и государственного управления.

Ключевые слова: революция, советское государство, власть, государственное управление.

THE REVOLUTION ACROSS THE LIVES AND THE FATES (1917 – PRESENT TIME)

Abstract. The article is the attempt to understand the revolutionary events of 1917 and their estimated value. The author refers to a thorough and logical analysis of the impact of the 1917 revolution for national development. On the background of the events in the history of the 20th century special attention is paid to issues and trends in the organization of authority and state governance.

Keywords: the revolution, the Soviet state, authority, state governance.

Великая Российская революция, которую мы еще недавно именовали Великой Октябрьской, – без преувеличения и сомнения одно из самых главных событий XX века даже на фоне двух мировых войн. Величие революции не в ее форме, тому свидетельство – дискуссии о том, что случилось 25 октября (7 ноября) 1917 года – переворот или революция? Эти дискуссии небесспорны – советские учебники по истории хоть и упоминали А. Ф. Керенского с П. Н. Милюковым и Г. Е. Львовым, но большей частью рассказывали о свержении большевиками царского режима. Но царя не стало в феврале 1917 года, и власть уже с марта находилась в руках Временного правительства. Так получилось, что 25 октября большевики, скорее, подобрали власть, чем завоевали, оказавшись проворнее

и решительнее, чем политические силы, которые обладали более значительной поддержкой и в социуме, и в политическом поле. Судя по всему, большевики в большей степени оказались готовы к тому, чтобы взять власть. «Одна из вещей, которые дала нам биологическая эволюция, – это здравый смысл, а он требует от нас не идти наперекор фактам»¹. Все, что мы знаем о действиях большевиков в период революции, говорит о том, что они исходили исключительно из фактов, опираясь на здравый смысл. Своих оппонентов они превзошли и в верности восприятия фактов, о чем говорят и последующие после революции события.

Разумеется, то, что произошло в октябре 1917 года в России, было революцией – может быть, по форме это и было переворотом, но по последствиям это событие может называться исключительно революцией и, как показало время, – именно великой революцией. После 1991 года среди определенной категории исследователей стало «модно» говорить (скорее, конъюнктура обязывала), что советская власть была нерепформируемой системой, с ней ничего нельзя было сделать, кроме как ломать до основания. Но нерепформируемых систем не бывает хотя бы потому, что абсолютно все, что нас окружает, может быть подвержено переработке, тем более политические системы. Даже царскую власть можно было реформировать, несмотря на то, что задолго до схода со стапелей крейсера «Аврора» и броненосца «Потемкин» (1900) и больше чем за десятилетия до октябрьских событий 1917 года она почти окончательно ослепла и оглохла, сведя на нет практически все каналы связи с собственным народом. «В начале XX века, при жизни одного поколения, Россия пережила три революции, что само по себе говорит о небывалой остроте накопившихся противоречий. Самодержавная власть оказалась не в состоянии не только контролировать, но и даже вовремя осознавать процессы, происходящие в стране»².

Паоло Проди в своей фундаментальной работе «История справедливости» приводит фразу анонимного советника Флорентийской республики 31 июля 1431 года (почти за 200 лет до прихода к власти династии Романовых): «Государство – это Бог, и тот, кто управляет государством, управляет Богом. Также Бог есть справедливость, и тот, кто совершает справедливость, создает Бога»³, уточняя, что речь здесь идет не о трансцендентном (внешнем, недоступном познанию) и не имманентном (внутреннем, внутренне присущем) Боге, а о Боге как правосудии, как о том, кто вершит правосудие. Так вот, уже к последней четверти XIX – к началу XX веков царская власть перестала выполнять функции того Бога, который вершит правосудие. Ко времени российских революций

¹ Моррис И. Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо: Как изменяются человеческие ценности. М., 2017. С. 51.

² Кwon Се-Ын. Преобразование общества и новая парадигма научного знания. М., 1996. С. 104.

³ Проди П. История справедливости: от популяризма форумов к современному дуализму совести и права. М., 2017. С. 13.

она чуть ли не в буквальном смысле слова не оставила вариантов оппонирующим ей политическим силам. Сначала события 9 января 1905 года (Кровавое воскресенье), а затем Первая мировая война почти полностью сняли с нее покров сакральности, придававшей ей ореол власти от Бога в глазах основной массы населения. Это – в духовном понимании, а в материальном или физическом смысле цифры, как обычно, красноречивее слов.

В 1913 году по объему промышленного производства Российская империя в 2,5 раза уступала Франции, в 4,6 раза – Англии, в 6 раз – Германии, в 14,3 раза – США. Производство на душу населения угля – 209 кг (в США – 5358 кг), чугуна – 30 кг (в США – 326), электроэнергии – 14 кВт.ч (в США – 176). Потребление хлопка на душу населения в России – 3,1 кг, в США – 145. В сельском хозяйстве дела обстояли не лучшим образом. Средняя урожайность хлеба в 1909–1913 годах составлял 45 пудов с десятины (в 2 раза ниже, чем во Франции, и в 3,4 раза ниже, чем в Германии); производство хлеба на душу населения в России – 26 пудов, в США – 48, в Канаде – 73; потребление минеральных удобрений – 6,9 кг на гектар посева, для сравнения: во Франции – 57,6, в Германии – 166, в Бельгии – до 236 кг на гектар⁴.

Национальный доход на душу населения по разным оценкам составлял в том же 1913 году от 101 до 114 рублей⁵ – то есть 2,9 раза ниже, чем в Германии, в 3,5 раза ниже, чем во Франции, в 4,3 раза ниже, чем в Англии, в 6,8 раза ниже, чем в США⁶.

Не радовали и показатели, относящиеся к качеству жизни населения. В 1906–1910 годах младенческая смертность на тысячу родившихся составляла 247, когда как во Франции в эти же годы этот показатель находился на уровне 128, в Германии – 174, в Англии – 117, в США – 121⁷. Средней продолжительностью жизни граждан и вовсе нельзя было похвастаться. В 1907–1910 годах у православного населения России для мужчин она составляла – 32 года, для женщин – 34 года. В то же время во Франции эти показатели соответствовали 47 и 50 лет, в Германии – 46 и 49, в Англии – 50 и 53 года, в США – 49 и 52⁸.

Разумеется, на рубеже XIX и XX веков Российская империя не стояла на месте, по скорости роста экономики она могла соревноваться со многими странами более развитого капитализма, иногда уступая им, а иногда и вырываясь вперед. Быстрый экономический рост был связан в особенности с развитием промышленности. По темпам роста обрабатывающей

⁴ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Том II. Капитализм. М, 1948. С. 288.

⁵ Вайнштейн А. Л. Народный доход России и СССР. М., 1969. С. 68.

⁶ Лященко П. И. Указ. соч. С. 348.

⁷ La mortalité des enfants dans le monde et dans l'histoire. Ed. par P.-M. Boulanger et D. Tabutin. Linge. 1980. p. 147–149. Цитируется по: Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. С. 13.

⁸ Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. С. 13.

промышленности в начале прошлого века Россия среди западных стран уступала только США. Но для России более показательным сравнением с Японией, которая после «реставрации Мейдзи»⁹ (1871) находилась примерно на том же этапе исторического развития, что и Россия после отмены крепостного права. До конца XIX века Россия в промышленном развитии обгоняла Японию, но в начале прошлого столетия стала от нее отставать¹⁰.

Ускоренное промышленное развитие так и не привело к отрыву от западных стран. По одной из оценок, валовой национальный продукт (ВНП) на душу населения в Российской империи составлял (в долларах США 1974–1975 гг.) в 1860 году 350 долларов, а в 1913 году – 600 долларов. Соответствующие показатели для США – 860 и 2500 долларов¹¹. Отставание достаточно ясно осознавалось в предреволюционной России – как критиками существовавшего режима, так и его сторонниками¹². «Россия, как и все другие культурные государства, сильно шагнула вперед в деле своего экономического и культурного развития, но ей придется еще много потратить усилий, чтобы догнать другие народы, далеко ушедшие от нас вперед»¹³. Необходимо отметить, что последняя цитата взята из книги *об экономическом росте* Российской империи. В то же время дело вовсе не в цифрах или в тех или иных показателях – преобладающее большинство населения о них и не подозревало, более того, из-за общей отсталости даже не видело связи между уровнем своего каждодневного существования и властью. В основном, люди жили так, как жили, и не к какому всеобщему счастью не стремились. И не народ подтолкнул страну к революции, она была, конечно же, невольна, но чуть ли ни спровоцирована сначала самим царским режимом, а затем и по инерции и неуклюжими и некомпетентными действиями Временного правительства. И она не была проектом в современном понимании этого слова, ни одной из политических сил, вовлеченных в процесс свержения старой власти, революция не воспринималась как проект. Нельзя назвать ее и неизбежностью, так как у действующей власти всегда значительно больше возможностей для ответов на любые вызовы, чем у каких бы то ни было претендентов на власть. Как показала и показывает практика, революции не совершаются исключительно по воле социальных или каких-либо иных закономерностей, даже если они были открыты Карлом Марксом, Фридрихом Энгельсом и Владимиром Лениным, хотя их

⁹ Период пребывания микадо Муцухито на троне Японии. Термин «мэйдзи» означает «просвещенное правление».

¹⁰ Вишневский А.Г. Указ. соч. С. 13.

¹¹ Sokoloff G. La puissance pauvre. Une histoire de la Russie de 1815 a nos jours. Paris, 1993, p. 787–790. Цитируется по: Вишневский А.Г. Указ. соч. С. 13.

¹² Вишневский А.Г. Указ. соч. С. 13.

¹³ Мигулин П.П. Экономический рост Русского государства за 300 лет (1613–1913). М., 1913. С. 221–222.

влияние нельзя отрицать (мы говорим не об искусственно и извне спровоцированных революциях с придуманными причинами и навязанными целями). Власти нужно своевременно отвечать на вызовы, а не загонять проблемы вглубь, полагаясь на политические технологии или проводя псевдореформы вместо реальных.

Заслуга большевиков еще и в том, что они оказались готовы к самой власти, к тому, чтобы вершить власть. Более того, именно в том числе, благодаря их восприятию власти и решительным действиям, переворот стал революцией. «Власть снизу», то есть «власть Советов», набиравшая силу с февраля по октябрь, через различные децентрализованные институты, созданные как потенциальное «противостояние власти», в мгновение ока превратилась во «власть сверху», присвоив себе все возможные полномочия, используя и прибегая к насилию. Власть перешла от общества к государству, а в государстве к партии большевиков, монополизировавших исполнительную и законодательную власть»¹⁴. Конечно, большевики – преступники (ангелов среди них точно не было), но не потому, что взяли власть и мгновенно *стали властью*, сначала отодвинув от нее, потом задвинув в задний двор и лишив возможности даже говорить, а затем и вовсе убрав со своего пути все остальные политические силы (какие бы революционеры поступили бы по-другому?). Они преступники потому, что «раздувая пламя революции» во имя счастья народа бросали в ее топку людей, их судьбы и души по принципу «лес рубят, щепки летят». В их исполнении рубки леса объем щепок был почти сопоставим с самим лесом. «Все силы, блокировавшие движение истории на отечественных просторах, *получили свое*. Они *были уничтожены* после 1917 года. Формы уничтожения и последовательность событий варьировались»¹⁵. Ведь большевики были родом из Российской империи (как нынешняя Россия – родом из Советского Союза), где человеческая жизнь традиционно мало чего стоила, несмотря на то, что царь, как помазанник, воспринимал свою власть, как власть от Бога, непосредственно перед ним нес ответственность за своих подданных, как за «своих детей». Но им, в отличие от царя и деятелей Временного правительства, которое имело все шансы, чтобы удержать власть, было, как оказалось, что сказать и что предложить многонациональному народу огромной России. Даже счастье (не говоря уж о коммунизме и мировой революции), о котором народ не помышлял, и параметры или критерии которого сами большевики вряд ли себе в полной мере представляли, в их устах выглядело чем-то вполне осязаемым и реальным. Кстати, не народ добивался счастья, а большевики были убеждены, что он нуждается именно в счастье.

¹⁴ Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М., 1992. С. 113.

¹⁵ Яковенко И.Г. Россия и модернизация в 1990-е годы и последующий период: социально-культурное измерение. М., 2014. С. 125.

Подобных парадоксов было много, и на данном противоречии мы не будем останавливаться, он интересен лишь тем, что большевики – ярые враги царизма в целом, – став властью, относились к народу немногим лучше, только не как к «детям», а как к средству, видимо, полагая, что ресурса в виде народа на их век хватит. Потому и их не останавливали масштабы жертв среди населения что во время гражданской войны, что в периоды коллективизации и индустриализации, что во вторую мировую войну. Но если судить по масштабам террора, развернутого в дореволюционный период Партией социалистов-революционеров (эсеров), открыто провозгласившей террор инструментом политики, то еще неизвестно, сколько бы эсеры пролили крови, если бы власть досталась им.

* * *

Величие революции еще и в том, что она в метафизическом смысле преобразовала самую большую по территории страну мира, поставив ее на совершенно другие рельсы и поменяв в ней практически все, – от жизненного уклада до менталитета, говоря без преувеличения, всех народов империи, поменяла ее вектор движения в абсолютно новом направлении, и внесла фундаментальные коррективы в суть развития практически всей человеческой цивилизации. Коррективы коснулись народов, наций и стран, в том числе и тех, где о российской революции мало кто слышал, но до которых докатились ее волны, флюиды, вызвав в них опосредованные, возможно, не немедленные и даже микроскопические, но потенциально реальные изменения. И успех революции не только в том, что она свергла одну власть и привела к правлению другую, а в *импульсах*, заданных ею масштабным преобразованиям, последовавшим непосредственно за Октябрем и далее в течение нескольких десятков лет. И если эти импульсы по миру прошли по-разному (где-то как цунами или землетрясение, где-то как наводнение или ураган, а где-то как рябь по воде), то на территории Российской империи, преобразованной в Советский Союз, они всколыхнули все – глубинные основы экономики и политики, саму суть и содержание общества, его химию, анатомию, историю, географию, взломали напрочь и переформатировали структуру социума со всеми внутренними связями и кровеносными сосудами, а самое главное, прошли по душам и сознанию практически всех без исключения людей.

Эти импульсы не были чем-то абстрактным. Их нельзя уподобить даже взрывной волне – та, независимо от своей мощи, проходит по местности лишь один раз. Революционные импульсы не проходили, а захватывали пространство и время, в буквальном смысле слова проникая, впитываясь в них, превращая их в источники силы для себя. Как они превратили в реальное средство трансформации огромной страны общинный характер русской деревни (который до революции лишь

мешал прогрессу в сельском хозяйстве, сковывая его развитие многочисленными изжившими себя традициями и обычаями), преобразовав его в коллективизм. Как они в малограмотной среде мракобесия, где царили различные предрассудки, негативные стереотипы и образы врага, добились толерантности в виде интернационализма – практически реального братства народов.

Воплощением тех импульсов были первые декреты Советской власти. Стоит лишь хронологически проследить время их появления в контексте тех революционных дней, сложно удержаться от удивления и восхищения как от своевременности и содержания декретов, так и от их лаконичности и доступности для понимания. Их можно было и не читать, названия содержали их суть, что было очень важно для малограмотной страны. Никаких рассусоливаний, объяснений, пояснений, заигрываний, даже никаких «инноваций с инвестициями». Да и не до них было. Жан-Жак Руссо говорил: «Мудрый законодатель начинает не с издания законов, а с изучения их пригодности для данного общества». У большевиков не было времени ни на мудрость, ни на изучение пригодности законов, они действовали исходя из обстоятельств. «Декрет о мире» и «Декрет о земле» изданы на следующий день после победы Революции. Первый – о немедленном выходе из мировой войны, второй – о передаче земли крестьянам. И то, и другое означало, пусть не в прямом смысле, но свободу. И это большевиками было верно понято (или угадано), так как любые действия любой оппозиции основываются на отношениях «...между всегда тем или иным образом демонизируемым ликом власти и непрекращающимися попытками человека добиться свободы»¹⁶. Но при этом нельзя забывать (и большевики об этом не могли не догадываться), что «Революция всегда осознается восставшими как стремление к освобождению, к свободе. Но в громадной степени... это стремление к свободе – идеологическая иллюзия, самообман»¹⁷. Неслучайно Питирим Сорокин, анализируя русскую революцию, ввел в научный оборот особый закон под названием «социального иллюзионизма»¹⁸. Видимо, потому и вместо гармонии коллективизма с индивидуализмом у большевиков местами выходили технологии по управлению массами, а весь коллективизм испарился с первым же появлением экономических отношений, отдаленно напоминающих рыночные.

* * *

У большевиков, захвативших власть 7 ноября 1917 года, не могло быть абсолютной уверенности в том, что власть достанется именно им –

¹⁶ Проди П. Указ. соч. С. 12.

¹⁷ Фурман Д. Революционные циклы России // Свободная мысль. 1994. № 1. С. 12.

¹⁸ Сорокин П. Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4. С. 192.

претендентов, и не менее сильных, хватало. Многие их лидеры, в том числе главный из них – В.И. Ленин – включились в революцию уже в процессе. И вряд ли эти декреты, вкупе с Декретом об образовании Рабочего и Крестьянского правительства (8 ноября 1917 года), превратившие огромные массы рабочих и крестьян в союзников новой власти, могли быть результатом интуиции или случайного наития. Но они говорят о высочайшей теоретической подготовленности соратников Ленина. Об этом же свидетельствуют и последующие большевицкие декреты, которые были пронизаны здравым смыслом и прагматикой. Главной задачей было удержать власть, все остальное было производным от этой задачи. С точки зрения нынешнего понимания практически все те декларации выглядят популистскими. Может быть, но большевики так долго шли к власти, что тратить время на популизм было бы для них смерти подобно. На первых порах им, действительно, не удалось в полной мере осуществить и внедрить в жизнь все положения своих декретов. Но по основным позициям они выдержали экзамен, более того, и впоследствии каждое действие новой власти говорило о серьезности ее намерений.

Декретом об образовании Рабочего и Крестьянского правительства они зафиксировали свою власть; Декретом об организации Рабоче-крестьянской красной армии на добровольных началах заложили основы оборонных механизмов молодой Республики; Декретом о печати закрыли информационные источники врагов; Декретом о восьмичасовом рабочем дне превратили в своих союзников наиболее мобильный, молодой и пассионарный рабочий класс; а Декларацией прав народов России – практически весь многонациональный народ империи.

Сегодня трудно понять, откуда большевики черпали уверенность, но именно абсолютной уверенностью на грани одержимости пронизаны все их начинания. Они были уверены и в своей гибкости, которая наряду с жесткостью, зачастую переходящей в жестокость, делала большевицкую власть маневренной и проявлялась во всем: в бесконечных внутрипартийных дискуссиях, в отношениях с политическими оппонентами, потенциальными и реальными врагами. Это было *политическая гибкость беспринципной принципиальности* (строгой принципиальности большевики придерживались только в отношении собственных целей, во всем остальном было допустимо все), опирающаяся на четко сформулированную и поставленную цель, которой новая власть стремилась подчинить все и вся. И ради этого они использовали любые возможности. «Еще в 1794 году американское либертарианство было достаточно сильным, чтобы Александр Гамильтон счел необходимым защищать свою новорожденную страну от идеи о том, что «само государство станет бесполезным, и общество, освободившись от его уз, будет жить и процветать, а почти сто лет спустя Энгельс утверждал, что после коммунистической революции «вмешательство государственной власти в общественные отношения становится...

в одной области за другой излишним... Государство не “отменяется”, оно *отмирает*»¹⁹. Однако на практике ни американские политические элиты, ни коммунисты не отменяли государство. Коммунисты вообще с удовольствием поставили его себе на службу»²⁰. Во всевозможных декларациях большевики не отказывались от идеи постепенного отмирания государства, как инструмента насилия, на деле же они его всячески укрепляли, четко понимая, что ни одним другим инструментом в тех исторических условиях государство не заменить.

* * *

У большевиков по большому счету не было союзников (они и в них нуждались лишь для решения тактических задач), опереться было не на кого, их мало кто знал, более того, мало кто воспринимал как силу. Разгоном Учредительного собрания 6 января 1918 года, которое задолго до Революции многими политическими силами рассматривалось как альтернатива самодержавию, и созыв которого с февраля вовсе стал всеобщим требованием всех российских партий либерального и социалистического толка, большевики более чем громко и внятно заявили о своих намерениях по формам диалогов с оппонентами.

Они отдавали себе отчет и в том, что да, цель целью, она – одна, но задач для ее достижения множество, кроме того, для достижения той единственной цели нужно пройти через огромное количество промежуточных целей. Задним числом можно все объяснить объективными и субъективными причинами, сложившимися на то время обстоятельствами, предпосылками и закономерностями, и даже случайностями, но сила большевиков было в их уверенности и целеустремленности. Автор не ставит своей задачей широкий и глубокий анализ декретов и действий большевиков в первое послереволюционное время. Да и формат статьи, как жанра, этого не позволит. Но именно в тот короткий период был заложен фундамент, благодаря которому Советская власть продержалась больше 70 лет и до самого последнего дня казалась вечной и нерушимой.

* * *

В 1919 году Российская Коммунистическая Партия (большевиков) подвела первые итоги своего пребывания у власти и определила программные задачи на ближайшие десятилетия: «Октябрьская революция... в России осуществила диктатуру пролетариата, начавшего при поддержке беднейшего крестьянства или полупролетариата созидать основы коммунистического общества. ...рост революционного движения проле-

¹⁹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М., 1961. С. 292.

²⁰ Моррис И. Указ. соч. С. 223.

тариата во всех передовых странах, распространение советской формы этого движения, т.е. такой, которая направлена прямо к осуществлению диктатуры пролетариата, все это показало, что началась эра всемирной пролетарской, коммунистической революции»²¹. «Только пролетарская, коммунистическая революция может вывести человечество из тупика, созданного империализмом и империалистическими войнами. Каковы бы ни были трудности революции и возможные временные неудачи ее или волны контрреволюции, – окончательная победа тариата неизбежна. Эта победа мировой пролетарской революции (курсив мой. – И.Г.) требует полного доверия, теснейшего братского союза и возможно большего единства революционных действий рабочего класса в передовых странах»²². А в том, что мировая революция неизбежна, большевики были больше чем уверены. «В 1929 году лидер американских коммунистов Джей Лавстон (Jay Lovestone) передал Сталину печальное сообщение о том, что американский пролетариат совершенно не заинтересован в революции. Сталин в ярости сказал ему возвращаться в Америку и положить конец «ереси американской исключительности». Он говорил о ереси по отношению к марксистской догме»²³.

Для достижения своей главной цели – нет, не мировой революции, которая была лишь одной из промежуточных целей, а построения коммунизма во всем мире, – большевикам нужны были, в первую очередь, качественный народ и мощное государство. Поддержку народа необходимо поставить на первое место, так как без такой поддержки у большевиков шансов не было. Потому они и рассматривали народные массы своим главным ресурсом.

Несколько слов об этом ресурсе. Опять же по советским учебникам выходило, что главной социальной базой революции были рабочие. Это не случайно и абсолютно соответствует идеологии марксизма, которой придерживались большевики задолго до революции, с тех времен, когда они назывались социал-демократами, исходя из «Манифеста Коммунистической партии» (февраль 1848 года). Манифест гласил: «...буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть; она породила и людей, которые направят против нее это оружие, – современных рабочих, *пролетариев*»²⁴. В 1898 году в Манифесте РСДРП будущие большевики объявили как свою «главнейшую из ближайших задач партии... – завоевание политической свободы», так и том, как они собираются ее достичь: «Но средства и пути, которые избирает социал-демократия, иные. Выбор их

²¹ Программа Российской Коммунистической Партии (большевиков). Изд. «Коммунист», Москва, 1919 год. Цитируется по: <http://www.agitclub.ru/center/comm/rkpb/1919progr.htm>.

²² Там же.

²³ См.: Маттиа Феррарези (Mattia Ferraresi). Изыди, Россия // Il Foglio, Италия. Цитируется по Иносми.ру (<http://inosmi.ru/politic/20170423/239199701.html>).

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Цитируется по: http://www.e-reading.club/bookreader.php/37535/Engel%27s%2C_Marks_-_Manifest_Kommunistischeskoi_partii.html.

определяется тем, что она сознательно хочет быть и остается классовым движением организованных рабочих масс. Она твердо убеждена, что «освобождение рабочего класса может быть только его собственным делом, и будет неуклонно соотносить все свои действия с этим основным началом международной социал-демократии»²⁵.

Рабочие, действительно, были ядром революции. Они, как и революционеры, были горожанами, соответственно, между собой им было легче найти общий язык, они были ближе друг к другу, чем к крестьянам (кстати, не в последнюю очередь благодаря этому обстоятельству, Октябрьскую революцию, впрочем, как и февральскую, можно назвать «революцией горожан»). Кроме того, рабочие (как и в наши дни) были более информированными и грамотными, чем сельские жители, – большевикам с ними было легче разговаривать и проще донести до них идеи революции. Преобладающее большинство рабочих были вчерашними крестьянами, а значит, являли собой необходимый революционерам канал связи с деревней, без поддержки которой никакая революция в России не могла состояться. Переворот – да, но революция – нет, по той простой причине, что Россия начала XX века была аграрной, следовательно, крестьянской страной, хотя и на стыке веков численность промышленных рабочих неуклонно и быстрыми темпами росла. В том же 1913 году городское население в России составляло 15 процентов²⁶, и это с учетом всех мещан, интеллигенции, военных, государственных служащих и т.д., в том числе и крестьян, выполняющих в городе функцию обслуживающего сегмента, но внутренне относящего себя к деревне.

* * *

Народу, как своему важнейшему союзнику и ресурсу, большевики придавали огромное значение. Если в декретах о мире и о земле при желании можно усматривать какие-то популистские начала, то Декрет о ликвидации безграмотности, который, как планировалось, должен был охватить все население, был целиком и полностью ориентирован на улучшение качества каждого отдельно взятого человека. Он был издан в 1919 году, то есть, как только молодая власть могла себе позволить такую роскошь, как образование, она тут же взялась за решение проблемы грамотности с твердой решимостью распространить ее на всю страну.

Удивляют не сами по себе декреты, практически каждый из которых являл собой закон международной важности, в том числе, с точки зрения беспрецедентности, а их строго логичная последовательность. И если бы не

²⁵ Манифест Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Цитируется по: <http://www.agitclub.ru/center/comm/zin/1898pr.htm>.

²⁶ Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С. 26, 88. Цитируется по: Вишневский А.Г. Указ. соч. С. 84.

эта последовательность, то внутреннюю и внешнюю политику можно было называть реакцией на появляющиеся вызовы. С учетом того, что вызовы (один глубиннее другого) появлялись перманентно, а последние восстания против молодой советской власти были подавлены лишь в середине 1930-х годов, несложно представить, с каким сильным сопротивлением она сталкивалась на каждом шагу не только внутри страны, но и на международной арене. Тот же Декрет о мире предлагал всем воюющим странам начать переговоры о справедливом и демократическом мире без аннексий и контрибуций и предполагал отмену тайной дипломатии, включая секретные договоры между странами. Естественно, все союзники России отказались рассматривать эти предложения. Понятно, что большевики, мягко говоря, лукавили. В отношении воюющих стран эти предложения носили исключительно тактический характер (о каком мире можно говорить с государствами – объектами цели мировой революции). В то же время Декрет о мире больше адресовался не странам, а народам этих стран. Он был ратифицирован II Всероссийским съездом Советов через два часа после ареста членов Временного правительства²⁷, что весьма симптоматично и говорит о том, что большевики с самого начала (судя по всему, задолго до октября 1917 года) знали, куда и зачем идут, и как долго собираются править.

Точно так же, но народам России, была адресована Декларация прав народов, обещающая им равенство и суверенитет, право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, отмену национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений и свободное развитие.

Кстати, Декларация, – это не популистские слова Б. Н. Ельцина «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить», не сказанные, а брошенные им 6 августа 1990 года, которые тут же были подхвачены и растиражированы прессой и частью тогдашнего политического истеблишмента, более того, стали в определенной мере причиной практически немедленного, а значит, не продуманного и не подготовленного начала «парада суверенитетов». Мало кто обратил внимание на следующую, уже реалистическую, фразу, которая опровергла сказанное: «Но вы находитесь в центре России – и об этом нужно подумать»²⁸. Если две эти фразы объединить, то в них просматривается неуверенность их автора, не только не готового к решению одного из важнейших вопросов внутренней политики как Российской империи и Советского Союза, так и новой России, но и к основательному разговору о нем.

Декларация прав народов России стала поводом для начала серьезной дискуссии на высоком государственном, национальном и гражданском

²⁷ Первые декреты Советской власти // www.grandars.ru/shkola/istoriya-rossii/dekrety-sovetskoy-vlasti.html. Цитируется по: <http://www.grandars.ru/shkola/istoriya-rossii/dekrety-sovetskoy-vlasti.html>.

²⁸ Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить // [Обещания.ру](http://www.obeschania.ru/documents/promises/berite-stolko-suvereniteta-skolko-smozhete-proglotit). Цитируется по: <http://www.obeschania.ru/documents/promises/berite-stolko-suvereniteta-skolko-smozhete-proglotit>.

уровне, хотя большая часть ее положений оказалась опять же тактическим лукавством. Большевиков можно было понять: они завоевали власть, получили в свои руки страну, а она разваливалась и расплзалась. Есть такая особенность окраин любых империй, независимо от того, как их назвать – «мягким подбрюшьем»²⁹ или тем, чем они на самом деле являются – составной частью страны: все окраины для их жителей – Родина, империей они могут гордиться, если она того стоит, а любят как Родину свой дом и свои поля, почитают, в первую очередь, свои кладбище и своих святых. Кстати, точно так же, как и так называемые имперские нации (которые, при определенных обстоятельствах склонны строго отделять себя от любых окраин). И если этого не понимать, в том числе, на самом высоком уровне, то нужно иметь в виду, что у народов окраин может образоваться обыкновение при первой же возможности отвернуться³⁰. Большевики это осознали довольно быстро, не находя союзников среди тех народов, которые, поступив в строгом соответствии с их же с Декларацией, создали независимые государства. И передумали, быстро вернув их под старую крышу той же империи с новым фасадом – все те народы империи как-то практически разом захотели установить у себя Советскую власть (правда, для этого приходилось в их территории вводить Красную армию, но это уже, так сказать, детали).

* * *

Надо отметить, что большевики в некоторых своих действиях, например, в отношении положений Декларации прав народов России пытались быть последовательными, но не всегда до конца. Подобные порывы проявлялись то в виде острого желания перевести всю страну на латинскую графику, то в политике так называемой коренизации (и это не было игрой). Но эти порывы требовали слишком серьезного напряжения со стороны власти не столько в материальном, сколько в политическом и духовном смысле – данную политику нужно было объяснять, а большевики не были большими мастерами входить в диалог с населением. Их коньком была пропаганда, но она в данной ситуации не очень годилась – нужно было еще и отвечать на вопросы. Хотя вся подоплека и для перехода на латиницу и к политике коренизации была неплохо подготовлена. В начале 1920-х годов В. И. Ленин говорил и о латинизации русского шрифта,

²⁹ Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию // Среднерусский вестник общественных наук. № 1. 2009.

³⁰ Конец истории Советского союза – яркая иллюстрация всему этому. Вряд ли народы бывших республик той великой и в основном успешной страны испытывают благодарность по отношению к ней. Не потому что они такие плохие, забывчивые и неблагодарные, и не помнят добра. Все они помнят, просто память человека так устроена, что негативное в ней держится лучше и дольше, чем позитивное. А причины всего хорошего, что происходит с ним, человек чаще всего находит в себе. И это справедливо не только для жителей имперских окраин, а для всех представителей человечества.

считая процесс перевода письменности народов СССР на латинскую графику частью «культурной революции», но предостерегал от поспешных действий в данном вопросе.

В ноябре 1929 года (видимо, время пришло) начала работу подкомиссия по разработке вопроса о латинизации русского алфавита под председательством профессора Н. Ф. Яковлева, который так обосновывал проблему: «Русский алфавит представляет собой безусловный анахронизм – род графического барьера, разобщающего наиболее численную группу народов Союза как от революционного Востока, так и от трудовых масс пролетариата Запада»³¹. В задачу подкомиссии входила, главным образом, разработка принципиальной стороны вопроса о латинизации. К выработке окончательного проекта латинского алфавита для русского письма она не приступала, но ею были сформулированы принципы построения такого алфавита и разработаны предварительные проекты, которые могли бы служить материалом для общественного обсуждения³². За проблему большевики взялись основательно (ведь речь все еще шла о мировой революции), и уже к концу 1930-х годов большинство языков народов СССР были переведены на латинскую основу³³.

Правда, точно с таким же рвением ко второй половине 1940 годов (при активном участии все того же Н. Ф. Яковлева), когда идея мировой революции в некотором роде потеряла свою актуальность, эти алфавиты были переведены на кириллицу.

Что касается политики «коренизации» (1920–1930-е годы), то она была направлена на исправление царского курса на русификацию. Сразу же после принятия Конституции СССР 1924 года перед советскими этнографами была поставлена задача определения категории «национальность». По мысли большевиков, с юридического оформления Советского Союза Конституцией должен был начаться и процесс строительства социалистических наций. Как бы там ни было, что латинизация алфавитов

³¹ Яковлев Н. Ф. За латинизацию русского алфавита // Культура и письменность Востока. Кн. 6. Баку, 1930. С. 36.

³² Материалы по вопросу о латинизации русской письменности. Источник: Культура и письменность Востока. Кн. 6. Баку, 1930. С. 36. Цитируется по: <http://tapemark.narod.ru/rus-latinica-1930.html>.

³³ Итогом латинизации стал перевод на новый алфавит следующих языков: абазинского, абхазского, аварского, адыгейского, азербайджанского, алтайского, ассирийского, башкирского, белуджского, бурятского, вепского, даргинского, дунганского, ижорского, ингушского, ительменского, кабардино-черкесского, казахского, калмыцкого, каракалпацкого, карачаево-балкарского, карельского, кетского, киргизского, китайского, коми, корякского, крымскотатарского, кумандинского, кумыкского, курдского, лазского, лакского, лезгинского, мансийского, молдавского, нанайского, ненецкого, нивхского, ногайского, осетинского, персидского, саамского, селькупского, табасаранского, таджикского, талышского, татарского, татского, туркменского, удэгейского, удинского, уйгурского, узбекского, хакасского, хантыйского, цахурского, чеченского, чукотского, шорского, шугнанского, эвенкийского, эвенского, эскимосского. Всего в период с 1923 по 1939 годы на латиницу было переведено более 50 языков (всего в 1939 году в СССР письменность имели 72 народа). Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917–1997 // Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 1997. С. 56.

(а затем и их перевод на кириллицу), что политика коренизации служили одной цели: закладыванию фундамента реального интернационализма путем создания так называемого плавильного тигля (разумеется, на базе русского народа, русского языка и русской культуры), в котором должен был явиться, как говорили древние римляне, «городу и миру» советская нация, как основа (естественно, после свершения мировой революции) великой мировой нации³⁴.

Опять же забегая вперед, скажем, что именно национальная политика оказалась своего рода «ахиллесовой пятой» Советской власти. Нет, конечно, не межнациональные проблемы послужили главной причиной ее развала, они лишь оказались одним из рычагов, посредством которого были приведены в действие деструктивные начала для внутренней политики Советской власти, которая, кстати, так до конца и не поняла, что в национальной политике нельзя впадать в крайности, полагаться лишь на административную мощь, а в едином государстве равных народов недопустимо опираться на какие-либо отдельные этносы³⁵, делая их, как это звучало во второй половине 1980-х годов повсюду в национальных республиках, «равнее других». Впрочем, это – свойство всех «негражданских обществ» (Стивен Коткин)³⁶, когда вместо решения наболевших проблем запускаются механизмы всевозможных технологий, построенных, например, на принципе «разделяй и властвуй».

* * *

Такие же и подобного рода тактические задачи решали и другие декреты. Но они, как готовые взрасти семена, попадали в нужную почву и практически каждый раз во время. Например, Декрет о земле, основывавшейся на эсеровской программе, выработанной на основе 242 крестьянских местных наказов, провозглашал национализацию и разрешал аренду земли, исключал применение наемного труда и, вводя уравнительное землепользование, отменял частную собственность на землю, передавал помещичью собственность в распоряжение местных крестьянских комитетов. При тех исторических условиях этот декрет решал практически все задачи, накопившиеся у власти по отношению к самому многочисленному классу Российской империи – к крестьянам. Но при этом почти все решения Декрета были тактическими, то есть носили подготовительный характер и являлись частью огромной стратегической задачи. И снова забегая вперед, скажем, что именно по этой причине из всех проектов

³⁴ Политика «коренизации» и межнациональные отношения в период создания СССР. Нацстроительство и проведение границ союзных республик // Пятифан. Цитируется по: <http://5fan.ru/wievjob.php?id=75915>.

³⁵ Там же.

³⁶ Распад СССР и современная Россия: исторические параллели. Интервью Стивена Коткина // Гуманитарные технологии. Цитируется по: <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2009/1944>.

реформы сельского хозяйства предпочтительной оказалась коллективизация, а всевозможные идеи о введении в строительство аграрного сектора рыночных отношений с позиции главной цели большевиков были (как и были признаны) абсолютно ошибочными.

Некоторые декреты носили, скажем так, очистительный характер (например, декреты о печати; об уничтожении сословий и гражданских чинов; о свободе совести, церковных и религиозных обществах; о всевозможных национализациях и так далее), позволяя большевикам убирать со своей дороги все лишнее, все мешающее, все, что было и могло стать барьером при достижении тех или иных задач. Некоторые – были направлены на создание определенного рода инструментария для различных целей (например, декреты об образовании Высшего Совета народного хозяйства; о демократизации армии; о гражданском браке, о детях и введении книг-актов состояния; о создании народных судов и революционных трибуналов; Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК); положение о рабочем контроле и др.). Но решения молодой советской власти объединяло одно: все они служили исключительно тактике. С учетом того, что любая тактика, это гибкость, удивительно, что власть, которая строилась на догмах, проявляла паразитическую маневренность, когда создавала собственный фундамент.

* * *

При тех темпах, которыми создавалось новое государство, революционность решений большевицкой власти была вызвана исторической необходимостью. Вопрос для нее стоял конкретный: жизнь или смерть. С точки зрения сегодняшней реальности достижения большевиков по строительству государства кажутся невыполнимыми. На эволюцию не было ни времени, ни возможности, ни ресурсов. Старые порядки и устои вырывались с корнем, как скалы из горы. Каждое их решение было революцией в той или иной сфере жизни страны, а практически все делалось «скачками». Та же ликвидация безграмотности могла бы быть делом многих десятилетий, ведь ликвидировать практически повальную безграмотность нужно было в условиях гражданской войны, нищеты и разрухи, и у людей, большинство которых были очень и очень далеки от мыслей о грамотности. Но уже по переписи населения 1939 года 90 процентов населения Советского Союза возрастной категории от 16 до 50 лет были грамотными. При этом практически каждый раз, когда большевики попадали не в ту точку, в которую хотели, они повторяли свои попытки в другой форме и другом качестве, – они были свободны в своих действиях в запредельном смысле слова³⁷, когда, как и было завещано, шли на «самый решительный

³⁷ Кстати, свобода, как внутреннее состояние, в самых разных формах и качестве (в том числе, и в самых крайних) овладевала многими сегментами общества. Фраза из советской азбуки (!) «До-

разрыв с унаследованными и от прошлого отношениями собственности», порывая «с идеями, унаследованными от прошлого»³⁸.

Новая власть ничего не жалела и никого не щадила, ни человеческие жизни, ни моральные или материальные ценности (хотя именно она в 1918 году ввела запрет на вывоз предметов, имеющих особое историческое и художественное значение) для нее почти никакого значения не имели. Будучи «своими» для большей части населения, большевики действовали как «чужаки», но имели цель. И эта цель, с одной стороны, их оправдывала в собственных глазах (в другом мнении они не нуждались), с другой, – придавала им силы. Судя по их действиям в годы Революции, страна Россия и ее народ были для них только средством и ничем больше.

В послереволюционные годы им не нужен был «образ врага», чтобы расправляться со своими противниками, хотя к созданию такового они тоже прибегали – масштабы открытого террора («красный террор») были настолько серьезными, что их нельзя было не объяснять народу. А объяснялись они просто и в доступных категориях вроде «мы добро, а они – зло». Ведь революция не только сама по себе – насилие, она еще и распространяет дух насилия практически на всю историческую атмосферу, превращая его, пусть и на какое-то определенное время, в норму. А когда насилие становится нормой для существенной части общества, то и реакция на него притупляется – достаточно простых слов в виде, например, определенного рода ярлыков, чтобы оно принималось без особых рефлексий. Термином «враг народа» большевики «вооружились» еще в канун Революции – в 1917–1918 годах этим словосочетанием, имеющим древние и в определенном смысле «родственные» корни³⁹, они обозначали всех, кто выступал против революции. Позднее, в 1930 годы, термин «враг народа» использовался для обоснования и оправдания репрессий и как средство (в значительной мере) для создания «образа врага», что определенной (и немалой) долей населения воспринималось как часть общего плана. А Конституцией СССР 1936 года этот термин и вовсе был легитимирован (ст. 131)⁴⁰.

лой неграмотность: Букварь для взрослых» (1919) «Мы не рабы, рабы не мы» (или «немы»), сочетавшая в себе и лозунг-идеологему, и палиндром с возможностью прочтения разными способами, и элементы футуризма, красноречиво говорит о внутренней раскованности людей, создававших подобные учебники.

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии...

³⁹ Древние корни, так как «враг народа» – понятие римского права: в 68 году н.э. Римским сенатом был объявлен врагом народа сам Нерон; и родственные, потому что этот термин широко применялся в период Французской революции (1789–1799) для обоснования массового террора.

⁴⁰ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) // Сайт Конституции Российской Федерации (http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676).

* * *

Судить о событиях прошлого с использованием сослагательного наклонения – дело, по большому счету, пустое, но если представить себе, что большевики решили бы пойти эволюционным путем при строительстве своей власти, договариваясь с оппонентами, взвешивая и соотнося свои шаги с желаниями и потребностями других политических сил и движений, оглядываясь, скажем так, на общественное мнение (и это в условиях, в первую очередь, мировой войны, в которой ко времени революции Россия погрязла по уши, и абсолютно не готовой к любым революционным экспериментам страны, – а власть к революции никогда не готова – плюс к тому мощного сопротивления несметного числа недоброжелателей и в абсолютном цейтноте), их судьба была бы далеко не завидной.

В 1941 году, когда фашистская Германия напала на СССР, Советской власти было всего 24 года, больший период которых пришелся на братоубийственную гражданскую войну, борьбу с интервентами, внутренними и внешними врагами, огромным количеством социальных и политических проблем, банальными нищетой, голодом, беспризорностью и многим другим. Сегодня задним числом действия Советской власти в канун войны и первые ее периоды можно как угодно критиковать, подвергать ревизии, выворачивая наизнанку и выявляя их недостатки, а тех или иных деятелей и вовсе обвинять во всем, в чем можно и в чем нельзя, но об этих 24 годах обязательно нужно помнить.

* * *

Если человеку дано видеть только что-то одно, будь это великолепный пейзаж, солнечный свет, лазурная морская гладь, то он слепой. Если человек способен испытать только один вкус, почувствовать один аромат, пусть они самые приятные и лучшие, то он не сможет составить представление об окружающем мире. То же самое со знаниями человека, которые должны охватывать все сферы жизни. Любая догма, будь она хоть истиной в абсолютной степени, лишает своих адептов возможности развития в полном смысле слова. Конечно, есть развитие и внутри догмы, но оно всегда конечно, когда как знания бесконечны. Судьба сыграла с большевиками злую шутку. Взятая ими на вооружение в качестве инструмента диктатура как форма правления (которую они, лицемеря как с самими собой, так и с рабочим классом, называли диктатурой пролетариата – «завоевание пролетариатом такой политической власти» должна была «позволить ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров»⁴¹) вкупе с марксистско-ленинскими догмами, определенными на роль единственно верных знаний, сначала своей тенью,

⁴¹ Программа Российской социал-демократической рабочей Партии (1903). Цитируется по: <http://www.agitclub.ru/center/comm/zin/1898pr.htm>.

а затем и все более густеющей тьмой накрывали страну, пронизывая любые мало-мальски стоящие идеи, мысли, а особенно, их источники, угрожая им уничтожением до такой степени, что иногда самой власти приходилось по мере возможности и необходимости взять их под свою защиту (яркий пример, знаменитые «шарашки», где ученые трудились в несвободе, но в безопасности). Думается, в данном вопросе в какой-то конкретный момент большевики просто перешли определенную черту, забыв или упустив из виду, что во всех случаях для власти и государства первичен закон, сила которого в том, как говорил Аристотель, что он – есть разум, свободный от страсти. Они же превратили закон в «служанку» своих идей, средство осуществления диктатуры, когда как диктатура может быть лишь инструментом закона, что в итоге привело сначала к узаконенной узурпации власти (авторитаризм при формальной коллегиальности), а затем – узаконенному произволу (как это не странно звучит, но это – произвол на основе закона). Со временем «шоры» идеологии, как право на истину, были надеты и на саму власть, окончательно уверовавшую в собственную непогрешимость. А тьма диктатуры, все больше превращаясь в непроницаемый барьер между Советским Союзом и остальными странами, практически закрывал доступ к знаниям, даже не противоречившим официальным догмам, но и хоть чем-то отличавшимся от них⁴².

* * *

Проблема была, как обычно, в человеческом факторе. Если до середины 1920-х годов в партии большевиков, возможно, по инерции, царило свободомыслие, выражавшееся в инициативности, публичности и коллегиальности принятия решений (пусть даже не без определенного рода интриг), плюрализме мнений, внутривнутрипартийных дискуссиях, и даже в либерализме (насколько он был возможен в тех условиях), то уже «...во время похорон Ленина в 1924 году советские пропагандисты приступили к насаждению культа личности, надеясь решить проблему, вставшую *из-за нежелания политической иерархии отмирать* (курсив мой. – И.Г.), при помощи идеи о том, что благодаря мудрости вождей коммунистической

⁴² В романе Джека Лондона «Мартин Иден» упоминается философ-позитивист Герберт Спенсер, идеями которого загорается главный герой. Так как этот роман был одним из моих любимых (и, соответственно, был несколько раз мною перечитан), то еще в школьные годы у меня возникло желание узнать, чем же Идена привлекал этот Спенсер. Но мало того что ни одной работы Г. Спенсера не было в библиотеках полуторамиллионного города, но даже работники библиотек (а советские библиотекари были людьми достаточно квалифицированными) не знали, кто он такой. И сейчас, когда мне попадают великолепные, насыщенные знаниями, написанные с высочайшим уровнем компетентности (датируемые двадцатыми, тридцатыми, военными и послевоенными годами вплоть до нынешних) тексты западных, восточных, северных или южных авторов, становится обидно за себя и за свое поколение за то, что у нас в свое время не было к ним доступа, и что отечественная, по крайней мере, гуманитарная наука в течение такого долгого времени, как говорится, варилась в собственном соку, занимаясь, по существу, «сизифовым трудом», с одной стороны, и изобретением велосипеда, – с другой.

партии они являются воплощением *общей воли*» (курсив мой. – И.Г.)⁴³. Именно названная иерархия, исключая любую форму демократии внутри власти, стала началом отказа от всего, что делало большевицкую власть внутренне свободной (в чем, в принципе, сила любой власти). По сути своей, большевики, конечно, были марксисты, но не в меньшей мере они проявляли себя руссоистами. В экономических вопросах они придерживались марксистских взглядов, в политических, особенно, в общественно-политических – руссоистских. Но в данном вопросе они, пренебрегли заветами Жан-Жака Руссо о том, что «Часто существует немалое различие между волею всех и общею волею. Эта вторая блюдет только общие интересы; первая – интересы частные и представляет собою лишь сумму изъявлений воли частных лиц. Но отбросьте из этих изъявлений воли взаимно уничтожающиеся крайности; в результате сложения оставшихся расхождений получится общая воля»⁴⁴. И впоследствии руководители Коммунистической партии до ее самого последнего дня пытались подменять государственной волей и волю всех, и общую волю, отодвинув человека, ради блага которого изначально все затевалось, от государственного управления.

Если до определенного времени коммунистические догмы были средством, конкретного рода инструментом удержания возможного своеволия и внутривластной анархии в пределах свободы, как осознанной необходимости, то через какое-то короткое время после смерти В. И. Ленина эти же догмы стали постепенно превращаться в инструмент прикрытия – в некую ширму для власти, которой она закрывалась сначала от народа и общества, а затем и от себя. «Антилибералы, создавая наиболее ярко выраженную политическую иерархию из всех возможных и добившись сосредоточения всей власти в руках одного человека, утверждали, что на самом деле искореняют политическую иерархию»⁴⁵.

Вот почему событиями, характеризующими тот исторический период, могут быть не новая экономическая политика (НЭП) с существенными элементами либерализма, а коллективизация и индустриализация в той форме и с теми способами и методами (приведшими не только к физическим и материальным жертвам и потерям, но и ошибкам, сыгравшим в последующем развале Советского Союза не последнюю роль), которыми они проводились. А проводились они железной рукой и негибкой и жестокой волей, вызванными жесткой и глубокой логикой эпохи, допускающей всякие отступления от человеческих ценностей от гуманизма до демократии и прав человека. Власть не брезговала ни уловками и ни хитростями, в буквальном смысле слова «затягивая» крестьян в колхозы:

⁴³ Моррис И. Указ. соч. С. 223.

⁴⁴ Руссо Ж-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического Права // Об общественном договоре. М., 2000.

⁴⁵ Моррис И. Указ. соч. С. 223.

лишала их тягловой силы, изымая скот и провоцируя его массовый забой, загоняла в полную зависимость от машинно-тракторных станций, вводила многочисленные налоги и обязательные государственные поставки, одновременно ужесточая хозяйственное и уголовное законодательство (чего стоит только варварский закон «Об охране социалистической собственности» (1932), который ввел в качестве меры судебной ответственности за хищение колхозного и кооперативного имущества, в том числе, расстрел с конфискацией имущества). Образно говоря, деревня была поставлена на колени. В конце 1932 года в результате изъятия чуть ли не всего зерна начался голод. Его масштабы имели чудовищные последствия. Охвативший основные зернопроизводящие районы, голод унес жизни по разным оценкам 10–15 млн. человек⁴⁶. Но коллективизация, как основная задача по обеспечению страны продовольствием, состоялась. Благодаря этому, власть распространила собственную монополию на деревню, которая в случае введения в ней товарно-денежных, то есть, рыночных отношений (как предлагали так называемые правые уклонисты (Н. И. Бухарин, А. Н. Рыков, М. П. Томский), могла бы обрести абсолютно нежелательную для власти свободу.

В условиях практически полной разрухи основной задачей, стоявшей перед экономикой, было превращение аграрной страны в индустриальную державу, которая могла бы обеспечить ее экономическую независимость и обороноспособность, то есть индустриализация. В дискуссии о формах реализации этого масштабного проекта победили сторонники плано-директивного и быстрых темпов развития тяжелой промышленности, в пользу которой планировалось перераспределить средства из других сфер народного хозяйства, в том числе из аграрного сектора, легкой и пищевой промышленности. Государственный сектор хозяйства признавался основой социалистической экономики. Плановое управление народным хозяйством, новые взаимоотношения между городом и деревней, сокращение непроизводительного потребления давали надежду на быстрые положительные результаты. При отсутствии средств на проведение индустриализации правительство пошло на непопулярные меры, начав разграбление деревни, изъятие личных средств у населения (займы, принудительная реализация облигаций), увеличились производство и продажа спиртных напитков, экспорт природных ресурсов, выпуск денежной массы, не подтвержденной золотым резервом и товарами. Результат оказался более чем очевидным: в конце 1930-х годов СССР по объему промышленного производства вышел на второе место в мире после США⁴⁷.

⁴⁶ Коллективизация сельского хозяйства // История России кратко. Цитируется по: <http://historynotes.ru/kollektivizatsiya-selskogo-khozyaystva>.

⁴⁷ Промышленный переворот // История России кратко. Цитируется по: <http://historynotes.ru/industrializatsiya-strany>.

Отвлекаясь от последующих событий вроде Второй мировой и Великой отечественной войн (нельзя требовать от Советской власти способности предвидения, тем более задним числом), нужно сказать, что необходимость жесткости во внутренней политике была задана объективно и требованием времени. Кроме того, успехи политики коллективизации и индустриализации стали новыми импульсами, приумножившими силу и задавшими ускорение Советской власти. Другое дело, что этой жесткости можно было (может быть, прилагая значительно больше усилий на самообразование власти и на ее интеллектуальную самобытность и состоятельность) добиться и при внутривластном плюрализме и демократии, свойственной начальному периоду правления большевиков власти, избегая преобладания той самой политической иерархии.

Еще одно. На мой взгляд, Советская власть так и не расплатилась с деревней и крестьянством до самого своего конца. Именно они были главным источником ее ресурсов (человеческих, кстати, в том числе кадровых, материальных, моральных, культурных и многих других), и так ничего по большому счету не получили, кроме разорения, а местами – и уничтожения. Нельзя относиться к сельскому хозяйству, как к дотационной отрасли, точно так же, как, например, к добыче топлива или очистке воды. Любые государственные траты в него – вложения, а не дотации, такие же, как вложения в медицину и образование. Потому что все перечисленное и многое из подобного относятся не только к вопросу необходимости, но и в значительной степени – к национальной безопасности. Это бизнес может позволить себе при своих действиях исходить из соображений прибыли, государство же имеет право действовать только во имя национальных интересов.

* * *

Но что получилось, то получилось – сосредоточение власти в одних руках привело к авторитаризму и тоталитаризму (дело тут не в личности И. В. Сталина, эти руки могли быть чьими угодно, конечный результат любой полярности мог бы быть другим в зависимости от принадлежности рук – суть бы от этого не изменилась), а главное, в итоге стало причиной того оруэлловского «двоемыслия»⁴⁸, которое сначала встало непроницаемой стеной между властью и обществом, а затем и вовсе превратилось в глубокий и широкий ров, отделяющий их.

Советскую власть можно обвинять и критиковать в чем угодно. Но в одном, с какой бы точки зрения мы не подходили (естественно, исключая и отбрасывая спекулятивные моменты и говоря только об объективном подходе), ей отказать невозможно: для нее в лице советских руководите-

⁴⁸ Оруэлл Дж. 1984. М.: 2013.

лей на первом месте стояли государственные интересы. Как понимались эти интересы – вопрос второй. Они исходили из понятной им логики, которая включала и то обстоятельство, что, декларируя как цель мировую революцию, Советская власть противопоставляла себя мощнейшей экономической и политической силе – международному капитализму, объединенному общими интересами и являющему собой транснациональную и планетарную корпорацию. Но это только с одной стороны. С другой стороны, эта корпорация ущербна: она по объективным причинам во все времена своего существования раздираема внутренними противоречиями в виде частных интересов, которые не всегда подчиняются общим интересам. А импульсы, заданные Революцией, были настолько мощны и способны сплотить самые разные силы, что и мировому капитализму приходилось идти на уступки во избежание потерь из-за выше обозначенной ущербности. Неслучайно, что в самые тяжелые для Советского Союза времена его ни разу не удалось изолировать ни политически, ни экономически на какое-то продолжительное время.

Эти же импульсы, раз за разом преодолевая сопротивление самого разного рода обстоятельств, говоря без преувеличения, одерживая над ними победу за победой (гражданская война, сплочение народов России, ликвидация безграмотности, решение национального вопроса, коллективизация, индустриализация и др.), провоцировали возникновение все новых и не менее сильных импульсов. Вряд ли кто-то в мире верил в то, что Советский Союз выстоит перед фашизмом, а в то, что победит ее, и мыслей мало кто допускал. Но еще не совсем состоявшийся советский народ не только победил Гитлера, располагающего доступом практически ко всем богатствам Европейского континента, он одержал победу и над самим собой, невозможным образом за кратчайшие сроки восстановив собственную страну после изнурительно-разрушительной войны. Речь здесь не о том, как это было сделано, главное – Победа стала еще одним импульсом Революции. Да, именно Революции, потому что все те годы она продолжалась, именно ее эйфорией были пропитаны и пронизаны мысли и действия советских людей.

В истории Великой отечественной войны важную роль сыграл вызывающий сегодня множество споров Приказ народного комиссара обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 года (известный под названием «Ни шагу назад»), с которым связано, в том числе, появление заградотрядов, направленный на установление в армии железного порядка и, самое главное, на *организацию планированного и продуманного отступления*, и который имеет весьма символическое значение для характеристики Советской власти. Только так, руководствуясь жесткой и жестокой прагматикой, она действовала с первых своих дней.

После победы в Великой отечественной войне до запуска космического спутника прошло всего 12 лет. Этот относительно недолгий период до

предела был сжат множеством масштабных событий от восстановления страны и народного хозяйства, создания атомной бомбы до перестройки власти. Именно к тому периоду произошли существенные изменения в уровне и качестве жизни советского народа. После войны Советская власть не стала посылать голову пеплом, ссылаясь на состояние разрушенной гитлеровцами страны, а сумела мобилизовать людей на ее восстановление. Отмена продовольственных карточек в 1947 году – не простое экономическое достижение, в тех условиях это событие было символом того, что Революция жива, она так же способна вести за собой, и что Советская власть по-прежнему внутренне состоятельна.

Методы и способы новых достижений были революционными – какая разница, на что власть ссылается, нарушая права граждан: на то, что кругом враги, на законы военного времени или на послевоенную разруху. Но как бы то ни было, благосостояние советских людей, которое еще до войны начинало меняться к лучшему, вновь обрело тенденцию к росту. Масштабные восстановительные работы вкупе с амбициозными целями – страна же была победительницей – стали новым импульсом развития страны. Надо учесть, что и ее положение в мировом «иерархическом» порядке изменилось, она стала одной из самых авторитетных держав – с Советским Союзом, внесшим огромный вклад в разгром фашизма и понесшим немалые потери, нельзя было не считаться.

За короткое время государству удалось достичь довоенных темпов роста экономики. При этом одно влекло за собой другое: качественное образование и грамотность были востребованы развитием экономики, промышленность нуждалась в высококлассных специалистах, сложные станки – в квалифицированных рабочих, достижения в сельском хозяйстве были невозможны без внедрения новых технологий. Эйфория в самом лучшем смысле слова была такая, что время не успевало за страной, которая действовала как команда, объединенная общей идеей движения вперед и общей целью прогресса. Разумеется, коммунизм – это утопия, но она утопия с точки зрения современной исторической реальности. Хотя многим это было понятно и в 20-е, 30-е, 40-е и 50-е годы прошлого века, но что до войны, в годы масштабного развития промышленности, что после – когда народ рука об руку с властью в едином порыве восстанавливал страну (здесь нет лукавства, судя, в том числе, по мемуарной литературе, даже ярые враги Советской власти в те годы симпатизировали ее действиям), для большей части населения внутренне коммунизм как цель находился на втором плане на фоне регулярных достижений. К тому же благосостояние населения улучшалось не только на бумаге и по статистике – повышение уровня жизни людей ощущалось непосредственно ими самими. Этого было достаточно, чтобы приводить в движение любые рычаги по управлению массами – лучшей мотивации не бывает. Росло и качество народа – полуграмотная страна становилась одним из

центров мировой науки. Именно в этот период была достигнута вершина достижений Советской власти.

Но, к сожалению, это была та вершина, за которой следует движение вниз. Причина тому была простая: Советское государство, если его уподобить живому организму, росло неравномерно. Политика в нем не успевала за экономикой. Сначала ради упрощения управления государством Советская власть занялась масштабными и бессмысленными репрессиями, навешиванием ярлыков и объявлением врагами отдельных сегментов населения, раскулачиванием наиболее активной части крестьян с последующей их ссылкой в отдаленные регионы страны, экстрадицией целых народов, а затем уже после войны и дальше и вовсе уперлась в идеологию, заменив ею суть собственной внешней и внутренней политики.

* * *

Последние импульсы развитию Советского Союза были заданы в 1950-е годы научными достижениями, точнее, успехами страны в космической сфере. Революционным импульсом мог бы послужить и XX съезд КПСС, если бы его решения были наполнены смыслом последующими действиями Советской власти, стали бы предметом реального всенародного обсуждения, сподвигли бы общество к сплочению на новой, более понятной, трезвой и прагматической основе. А так, хоть съезд и произвел на основную массу людей колоссальное впечатление своими неожиданными тематикой и содержанием, но народу он запомнился немногим больше, чем театр одного актера – как минимум, казалось, что фундаментальный поворот в истории страны был задуман и осуществлялся волей одного человека. Возможно, и поэтому и в восприятии советским народом того действительно исторического события гораздо больше мифов, чем реальности. Было сделано многое, но сделанное несопоставимо с тем, что могло быть реализовано. Вряд ли партия взялась за масштабное саморазоблачение ради кратковременной «оттепели» и освобождения из тюрем и лагерей невинно осужденных. После смерти Сталина и «оттепель», и прекращение политических репрессий, и освобождение людей из застенков, и многое другое из подобной серии решений были бы просто логичными и ожидаемыми действиями. Съезд мог бы (и не решился) запустить механизмы сближения народа и власти, заложить реальные основы гражданского общества. В результате власть так и осталась на своих прежних позициях. Перефразируя слова, высеченные на стеле перед зданием Верховного Суда США в Вашингтоне «Верховный Суд прав не потому, что он прав, а потому, что он Верховный Суд» можно сказать: власть правит не потому, что она правит, а потому, что она власть. Спустя годы, не поняв этой элементарной мудрости, Политбюро ЦК КПСС под руководством М. С. Горбачева, руководствуясь более чем благими намерениями, привело

Революцию к завершению, а страну под названием «Советский Союз» – к катастрофе.

* * *

В 1961 году был зафиксирован момент высочайшего достижения Советской власти в виде полета в космос Юрия Гагарина. В том же году Коммунистической партией была принята программа построения коммунистического общества, которая могла бы быть еще одной попыткой где-то восстановить, где-то сохранить, а где-то и приумножить революционный настрой в обществе. Тем более, подобное уже было испытано и, более того, сработало в 1936 году принятием Конституции, которая со своими принципами «кто не работает, тот не ест» и «от каждого по его способности, каждому – по его труду» стала еще и инструментом пропаганды Советской власти. Партийная программа 1961 года объявила высшую цель – «построить коммунистическое общество, на знамени которого начертано: «От каждого – по способностям, каждому – по потребностям». В полной мере воплотится лозунг партии: «Все во имя человека, для блага человека», и торжественно провозгласила: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»⁴⁹ (кстати, «благо человека» задолго до этого стало одним из самых употребляемых терминов как в программных документах КПСС, так и в речах ее руководителей всех уровней, что впоследствии стало неким раздражительным моментом для, скажем так, продвинутой части населения, так как по своей реализации недостаточно полно отвечало ожиданиям). Программа дала определение коммунизму: «Коммунизм – это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип «от каждого – по способностям, каждому – по потребностям». Коммунизм – это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердится общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа»⁵⁰.

По-другому и попроще коммунизм обозначался словосочетанием «яркое будущее». Если отбросить пафос, то речь здесь идет об идеальном обществе, некоем подобии библейско-коранического рая, сказочных царств

⁴⁹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Цитируется по: http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/III_program_KPSS_files/136.htm.

⁵⁰ Там же.

с «молочными реками и кисельными берегами», городов Солнца, то есть о некоей наукоподобно оформленной мечте человечества. По большому счету, это – очень даже неплохая основа для идеологии. Можно смело записать в актив большевиков то, что они сумели убедить огромные массы в реальности и достижимости этой мечты и этого идеала. Но, как гласит народная мудрость, всему свое время. Да, большевики убедили людей, но с той поры, как они это сделали, прошло слишком много времени, сменились поколения, следовательно, убеждение Советского народа в непреходящем наступлении коммунистического рая нуждалось в подкреплении новыми и реальными делами.

Власти, какой бы умной и красивой она не выглядела, нельзя не недооценивать своих граждан, относиться к ним как к неразумной толпе, нуждающейся где-то в куске хлеба, где-то подсказках как жить, где-то и вовсе в ежедневных поучениях и инструкциях. Ведь либерализм и антилиберализм, коммунизм и антикоммунизм, радикальные, умеренные, левые и правые взгляды – это не причины и предметы межчеловеческих, межгрупповых и межгосударственных конфликтов, и не нечто сакральное, а всего лишь методы и способы, и не больше, чем средства достижения цели, сопоставимые с тем, как по одним дорогам лучше ездить на внедорожнике, по другим – на лимузине, по третьим – на велосипеде, а по четвертым – и вовсе на лошади. Любое из этих идеологических направлений можно выдавать за дорогу в рай, или за жупел и страшилую. Как, например, в свое время американцы объявили коммунизм худшим из бед, а коммунистов – исчадием ада, а советская пропаганда, соответственно, – капитализм и капиталистов. Представители каждого из названных движений, пропагандируя свои идеи, предлагают простые решения вроде того же построения коммунизма. А то, что для этого нужно будет перелезть через гору, переплыть реку и обойти море, как бы подразумевается, но не уточняется. Кстати, как не получился социализм в Советском Союзе (не упоминаю так называемые страны социалистического лагеря, так как они шли в определенном кильватере), так и капитализм не оправдал надежд во многих странах мира. Но социализм смог занять свою нишу в некоторых благополучных странах вполне эволюционным путем безо всяких революций и кровопролитий, и точно также капитализм вывел в лидеры мировой экономики абсолютно отстающие государства за пару-тройку десятков лет.

Беда Советской власти с советским социализмом заключалась не в том, что она взвалила на себя неподъемную ношу вроде строительства коммунизма (от идеи мировой революции она отказалась задолго до своего падения), которое ничем особенным не отличается по своей масштабности от создания идеального рынка и полной глобализации. Проблема была в том, что власть потеряла ориентиры в своих отношениях с собственным народом. Она просто отстала от общества в своем развитии, продолжая

разговаривать с ним на языке призывов и лозунгов, когда общество было способно, образно говоря, на философствование. Вот и разошлись их пути на определенном этапе. За анекдотичными высказываниями вроде «они делают вид, что нам платят, а мы делаем вид, что работаем» скрывались серьезные конфликтные начала, притом это нельзя называть *неявными договоренностями*, довольно часто применяемыми внутри властных структур стран со слабым гражданским обществом. Власть пыталась использовать коллективизм в социуме, который становился все больше индивидуалистическим. Да, коллективизм – это прекрасно, но человеку, кроме того, чтобы быть лишь «винтиком» в государственной машине и членом коллектива, хотелось быть еще и самим собой. Даже термином «патриотизм» обозначалась рефлексия (реакция) коллективизма в категориях «наши» – «не наши», а не любовь к Родине. Но то, что работало в малограмотной стране, не сработало в грамотной. Главной проблемой социализма стало противоречие между уровнем образования и коллективистским началом. Дело не в том, что дальнейшие достижения для Советского Союза стали невозможны по объективным причинам. Наоборот, с той вершины, о которой шла речь выше, и должны были открываться пути к новым, еще более значимым завоеваниям. Не хватило «мелочи» – власть оказалась недостаточно компетентной, чтобы оценить совершенно новые для нее обстоятельства. Возможно, она ее и не осознала. Новизна же ситуации заключалась в том, что одно достижение советского социализма оказалось впереди всех других – к тому времени уже образованное общество, прошедшее через множество самых различных испытаний, оказалось впереди власти по своему развитию. Власть пыталась руководить им старыми методами, а оно все меньше нуждалось в руководстве и требовало компетентных управленческих подходов. Пропаганда, построенная на изживших себя лозунгах, была для него открытой, не раз прочитанной книгой, и перестала иметь прежнего значения. Очень возможно, что советское общество нуждалось в новых импульсах в виде новых целей, а власть оказалась не готова предложить ей нечто существенное.

Власть это осознавала, но возможно, ей в силу собственной инерции было трудно разобраться в причинах отсутствия взаимопонимания между ней и обществом, суть которого впоследствии выразил Ю. В. Андропов на июньском пленуме ЦК КПСС 1983 года: «Если говорить откровенно, мы еще до сих пор не знаем в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок»⁵¹. Попытки ответить на новые вызовы времени не привели к серьезным успехам именно из-за нерациональных действий власти методом проб и ошибок,

⁵¹ Ю. В. Андропов // Холодная война. Великое противостояние. Цитируется по: <http://www.coldwar.ru/andropov/andropov3.php>.

и в определенной мере, ее убежденности в собственной непогрешимости. А она столкнулась с невиданной до тех пор для нее проблемой, неожиданно для себя обнаружив перед собой граждан другого – нового – качества, которым уже недостаточно было трудиться, выполняя директивы власти, им нужно было еще и *знать*.

Социализм по сути своей весьма жесткая идея, хотя и более чем соответствует социокультурному архетипу, то есть коллективистским началам в ментальности российского общества. Но это соответствие не означает, что сам по себе человек исключается из общей схемы как субъект, оставаясь в ней, как некий винтик, и винтик чуть ли ни в прямом смысле слова. Советский социализм так до конца не смог оценить человека, возмнив себя определенного рода распределителем и назначенцем благ, некой инстанцией над человеком, чуть ли ни на глаз определяющей, что ему нужно. По сути, превратив человека в собственность, он лишил его автономии, позволяя ему все, в том числе, свободу, например, печати или совести, но только в собственном понимании. А «человек звучит гордо». Думается, не только автор этого высказывания великий писатель Максим Горький сам не до конца осознавал глубину содержания и значения этих слов, но и вся советская власть за все годы своего существования так не сумела постичь их суть.

* * *

Социализм предполагает перманентное повышение уровня жизни, по терминологии тех времен, трудящихся, но чем выше уровень жизни, тем слабее связи между отдельными личностями. Те же ныне чуть ли не презируемые «хрущевки» в 1960-е годы избавили многие семьи от коммунальных квартир («на тридцать восемь комнаток всего одна уборная» – В. Высоцкий) с общими кухнями. Ведь коммунальные квартиры образовались не только в результате заселения в барские дома рабочих и крестьян и всевозможных «уплотнений». Они были еще результатом политики коллективизма, направленной на внедрение в сознание общества коллективистских идей, рассматривающих отдельного человека лишь частью коллектива и ничем больше. Известные дома под названием «Новый быт», где люди жили в казарменных условиях, были своего рода символами новой жизни, подражанием или продолжением идей социалистов-утопистов (Ш. Фурье) о создании «нового массового человека» через концепцию «фаланстера» – новой формы жилья, где люди смогли бы приучиться к коллективизму, освободившись от тяжести домашнего труда, семейных уз и соответствующих проблем, всего мелкого и частного (ГОП, то есть, государственное общежитие пролетариата, от которого пошло слово «гопник» – конечно, крайняя форма подобных жилищ).

Но и коллективизм, как, кстати, и индивидуализм, всего лишь этап в развитии человеческих сообществ (трудно сказать, какими формами коллективизма вплоть до охлократии, беспредельного индивидуализма с уходом в самого себя может «порадовать» нас информационное общество, будущее которого даже при всех нынешних технологических возможностях вряд ли можно предсказать хотя бы на один шаг вперед), вот и советские люди на определенном этапе постепенно, но как-то незаметно для родной Советской власти, переросли коллективизм.

Казалось бы, вот и хорошо. Значит, пришло время гражданского общества, как средства общения между властью и социумом, которое сможет дать новый импульс если не Революции, то взаимоотношениям и взаимопониманию общества с властью, открыв каналы для реального участия граждан в деятельности власти и их причастности к политике государства. Но гражданское общество в Советском Союзе не случилось, власть в лице КПСС продолжала проводить свои съезды с трансляцией на всю страну, народ вроде бы изображал интерес, а по сути, власть и народ уже шли разными дорогами. К тому времени от гибкости власти не осталось и следа, власть в интеллектуальном смысле все больше «костенела», все чаще скрываясь за теми же, теперь уже мало что значащими для большинства народа, старыми догмами, лозунгами и призывами. Она пыталась по-прежнему опекать всех и каждого, решая за граждан, как им жить, как строить и обустраивать свое жилье, какие книги читать, чем восхищаться и что любить. Может, для какой-то части населения подобная опека была приемлема, но людей, которых такое положение вещей не устраивало, становилось все больше. По сути, власть сама себе стала могильщиком. Поэтому и из программы КПСС 1961 года импульса не получилось. На этот раз, в отличие от вышеупомянутого 1936 года, как говорится, не сработало.

* * *

Трудно сказать, как воспринял советский народ вышеприведенные тезисы Программы КПСС и слова Н. С. Хрущева о том, что «Советский Союз фактически превратился во «всемирное государство», в котором *общую волю* (курсив мой. – И.Г.) воплощает в себе партия»⁵², и верил ли он сам в эти слова. Вряд ли Хрущев или кто-либо из его тогдашнего окружения знал, что «Ни одна из творческих интерпретаций *общей воли* (курсив мой. – И.Г.) в долгосрочном плане не оказалась жизнеспособной»⁵³, как не окажется и Советская власть, и не только из-за указанной тенденции. Она не выдержала испытание временем не в последнюю очередь из-за того, что, уже начиная с середины 1950-х годов, в глав-

⁵² Моррис И. Указ. соч. С. 224.

⁵³ Там же.

ном предмете гордости власти – ее единстве с народом – образовалась «трещина» в виде все большего преобладания непонимания. В 1950-е, даже еще в 1960-е годы можно было рассказывать советскому народу и о всенародности советского государства, и о партии, воплощающей *общую волю*, но уже с 1970-х годов подобные высказывания, из чьих бы уст ни звучали, все чаще вызвали недоверие, а иногда и снисходительную ухмылку. Дальнейшее движение Советской власти, если местами и продолжало быть восходящим, но инерции в нем становилось все больше – началось угасание Революции, переходящее в своеобразный излет: траектория ее движения сменила свой вектор на падение. Кому-то это было ясно без объяснений (таких было не так много, но они были), а кому-то понадобилось дожить до августа 1991 года, чтобы поверить в очевидное.

И все же надо отдать должное советским руководителям – они «стараний не оставляли». Еще одной попыткой задать новый импульс экономике Советского Союза (видимо, последней, так как перестройку 1980-х из-за неподготовленности и сумбужности методов реализации трудно считать попыткой) были реформы Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина 1965–1970 годов. Они были направлены на преобразование экономической системы страны посредством вывода на первый план рентабельности и прибыли, а если сказать точнее, введением в нее рыночных понятий «личный интерес» и «индивидуалистические начала» путем повышения экономической свободы, ликвидации органов территориального контроля хозяйств, снижения плановых показателей для уменьшения бюрократизации процесса производства, изменением политики цен и так далее⁵⁴.

Теперь уже не важно, по каким формальным причинам эти реформы были свернуты. Главное здесь в том, что советское руководство не морально, не физически и, судя по всему, не интеллектуально не было способно и готово на реализацию подобного масштаба проекта (как всего три десятилетия спустя на подобное оказалось способно коммунистическое руководство КНР).

В России не была доведена до конца ни одна реформа, и не была завершена ни одна революция. Но это не говорит о том, что по данной прецедентной логике не могла быть завершена и Октябрьская революция, последствия которой сравнимы разве что с результатами реформ Петра I. Но сравнимы, да не сопоставимы. Достижение Советским Союзом статуса мировой сверхдержавы (за неполные полвека, внутри которых послевоенная и послереволюционная разруха, гражданская война, Великая отечественная война, унесшая жизнь десятков миллионов людей и превратившая самую развитую в промышленном смысле часть страны

⁵⁴ Экономическая реформа Косыгина. Цитируется по: Отечество.ру (<http://www.ote4estvo.ru/sobytiya-xx/1837-ekonomicheskaya-reforma-kosygina.html>).

в развалины), задающей тон всем международным процессам – это результат Октябрьской революции. Его можно оценивать по-разному, с разных точек зрения и позиций, – но факт остается фактом.

* * *

В августе 1991 года Советская власть, а вместе с ней и Советский Союз и советский социализм потерпели крах именно в данной последовательности. Возможно, дело все в тех же *общей воле* и *воле всех*, между которыми Советской власти так и не удалось найти взаимосвязи. Ведь съезды проводились, чтобы выявить волю всех для ее дальнейшей трансформации в общую волю. Может, мы не знаем, а на самом деле, так случилось, что советские руководители выявили эту так называемую волю всех на радость духу Руссо. Но когда, наконец, выявили, она оказалась настолько для них неожиданной, то есть, настолько не соответствовала той общей воле, которую в их лице Советская власть олицетворяла, то ужаснулись. Да так, что в итоге уронили власть.

Кончилась Советская власть и вместе с ней сошла на нет Великая революция. Считается, что человек жив, пока его образ и деяния сохраняются хоть в чьей-то памяти. Тех, кто помнит непосредственно саму Революцию, уже нет среди нас. Но на всем постсоветском пространстве пока еще много людей, оставшимися в самом лучшем смысле слова «советскими», кто помнит ее импульсы, ее эйфорию, вызванными многочисленными достижениями. И значит, она жива.

В 2005 году на вопрос Аналитического центра Юрия Левады (Левада-Центр)⁵⁵, «С каким из следующих мнений о том, что принесла Октябрьская революция народам России, вы бы скорее всего согласились?» 26 процентов респондентов ответили: «она открыла новую эру в истории народов России»; 31 процент – «она дала толчок их социальному и экономическому развитию»; 15 процентов – «она стала для них катастрофой».

Ответы на вопрос «Представьте себе, что октябрьская революция происходит на ваших глазах. Что бы вы стали делать?» распределились следующим образом:

	1990	1997	2004	2005
Активно поддержали бы большевиков	32	18	15	17
Кое в чем сотрудничали бы с большевиками	35	20	18	17

⁵⁵ Репрезентативный опрос был проведен 14–17 октября 2005 года среди 1600 россиян в 128 населенных пунктах 46 регионов страны. Цитируется по: <http://www.levada.ru/2017/04/05/oktyabrskaya-revoljutsiya-2>.

Постарались бы переждать это время, неучаствуя в событиях	18	33	26	28
Боролись бы против большевиков	5	8	8	7
Уехали бы за рубеж	8	19	15	14
Затруднились ответить	2	2	18	17

При проведении подобного опроса 2–6 марта 2017 года⁵⁶ на вопрос «... была ли революция неизбежной?», 48 процентов респондентов ответили утвердительно; столько же опрошенных сочли, что «Октябрьская революция сыграла положительную роль в российской истории»; и столько же – что «она нанесла серьезный урон русскому крестьянству»; 49 процентов – что «она нанесла серьезный урон русской культуре».

Конечно, опросы общественного мнения лишь подчеркивают определенные догадки, а в данном случае, ни один из ответов не может являться новостью для исследователей. Эти цифры показывают, что Октябрьская революция не так далека от нас, как кажется. Да и 100 лет – не тот срок, который бы позволил нам осмыслить как саму Революцию, так и ее последствия.

Список литературы

1. Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917–1997 // Социологические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 1997.
2. Вайнштейн А.Л. Народный доход России и СССР. М., 1969.
3. Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М., 1992.
4. Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.
5. Квон Се-Ын. Преобразование общества и новая парадигма научного знания. М., 1996.
6. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Том II. Капитализм. М., 1948.
7. Мигулин П.П. Экономический рост Русского государства за 300 лет (1613–1913). М., 1913.
8. Моррис И. Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо: Как изменяются человеческие ценности. М., 2017.
9. Оруэлл Дж. 1984. М.: 2013.
10. Проди П. История справедливости: от популяризма форумов к современному дуализму совести и права. М., 2017.

⁵⁶ Опрос проведен 2–6 марта 2017 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 137 населенных пунктах 48 регионов страны. Цитируется по: <http://www.levada.ru/2017/04/05/oktyabrskaya-revoljutsiya-2>.

11. Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического Права // Об общественном договоре. М., 2000.

12. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 1.

13. Сорокин П. Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4.

14. Фурман Д. Революционные циклы России // Свободная мысль. 1994. № 1.

15. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М., 1961.

16. Яковенко И.Г. Россия и модернизация в 1990-е годы и последующий период: социально-культурное измерение. М., 2014.

17. Яковлев Н.Ф. За латинизацию русского алфавита // Культура и письменность Востока. Кн. 6. Баку, 1930.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

OUR AUTHORS

БОЧАРОВ Юрий Борисович – политолог, PR-менеджер, член Союза журналистов Израиля; BOCHAROV Yuri Borisovich – politologist, PR manager, member of the Union of journalists of Israel; yurabig@gmail.com

ГАСАНОВ Исмаил Байрамович – кандидат политических наук; GASANOV Ismail Bairamovich – candidate of political science; gassanov@list.ru

ГРАНАТОВИЧ Александр Вячеславович – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Московского психолого-социального университета; GRANATOVICH Alexander Vyacheslavovich – lecturer of department of state legal disciplines at Moscow psychological social university; avgra1981@gmail.com

ГУСОВ Заурбек Юрьевич – аспирант кафедры философии и социально-политических наук Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова; GUSOV Zaurbek Yurievich – post-graduate student of the department of philosophy and socio-political sciences of the North Ossetian State University named K. L. Khetagurov; urimagova@gmail.com

ДАМАСКИН Олег Валерьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Академии военных наук Российской Федерации; DAMASKIN Oleg Valerievich – doctor of law; professor; Honored Lawyer of the Russian Federation, full member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation; dov39@mail.ru

ДЗАХОВА Лариса Хасановна – доктор политических наук, профессор кафедры философии и социально-политических наук Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова; DZAKHOVA Larisa Khasanovna – doctor of political sciences, professor of the department of philosophy and socio-political sciences of the North Ossetian State University named K. L. Khetagurov; ldzahova@mail.ru

КАРАСЕВ Валентин Иванович – доктор философских наук, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук, руководитель

департамента Всеобщей конфедерации профсоюзов (ВКП); KARASEV Valentin Ivanovich – doctor of philosophy, associate member of the Academy of pedagogical and social sciences, head of department of General Confederation of Trade unions; karasev_vi_52@inbox.ru

МАНОЙЛО Андрей Викторович – доктор политических наук, профессор кафедры российской политики Факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; MANOYLO Andrey Victorovich – doctor of political sciences, professor of the department of the Russian politics of political science faculty of Lomonosov Moscow State University; cyberhurricane@yandex.ru

ПОПОВ Петр Леонидович – кандидат философских наук, научный сотрудник лаборатории теоретической географии Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН (г. Иркутск); POPOV Petr Leonidovich – candidate of philosophical sciences, research of the laboratory of theoretical geography of V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS; plp@irigs.irk.ru

РЕУТ Дмитрий Алексеевич – член Московской городской избирательной комиссии, кандидат юридических наук; REUT Dmitry Alekseevich – member of Moscow city election commission, candidate of law; floryan@yandex

САРАЕВ Владимир Григорьевич – кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории экономической географии и территориального планирования Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН (г. Иркутск); SARAEV Vladimir Grigor'evich – candidate of geographical sciences, senior research of the laboratory of economic geography and territorial planning of V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS; soclab@irigs.irk.ru

ФЕЛЬДМАН Павел Яковлевич – кандидат политических наук, доцент кафедры философии и политологии ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»; FEL'DMAN Pavel Yakovlevich, candidate of political sciences, associate professor of the department of philosophy and political science of the «Academy of labour and social relations»; pavelfeld@mail.ru

ЧЕРЕНЕВ Алексей Анатольевич – кандидат географических наук, научный сотрудник лаборатории георесурсоведения и политической географии Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН (г. Иркутск); TCHERENEV Aleksei Anatol'evich – candidate of geographical sciences, research of the laboratory of georesource and political geography, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS; tcherenev@irigs.irk.ru

ЭБЗЕЕВ Борис Сафарович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации; EBZEEV Boris Sapharovich, doctor of law, professor, Honored Lawyer of the Russian Federation; Honored Scientist of the Russian Federation; ebzeev_bs@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ К ПУБЛИКАЦИИ В НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ «ГРАЖДАНИН. ВЫБОРЫ. ВЛАСТЬ»

Научно-аналитический журнал «Гражданин. Выборы. Власть» принимает для издания статьи и другие материалы (обзоры, рецензии и т.д.), соответствующие тематике журнала, на русском языке.

Необходимые условия для публикации:

- 1) Актуальность, научная и/или практическая значимость.
- 2) Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторах предоставляются на русском и английском языках.
- 3) В сноске указываются на русском и английском языках сведения об авторах (ф.и.о., ученая степень, ученое звание, должность, полное наименование места работы, адрес электронной почты).
- 4) Аннотация (объемом не более 100 слов) и ключевые слова (не менее 5 и не более 10 слов) выделяются курсивом.
- 5) Название статьи должно соответствовать ее содержанию.
- 6) Сноски помещаются постранично (шрифт TimesNewRoman, кегль 12, через 1 интервал), нумерация сквозная.
- 7) Наличие списка литературы (в алфавитном порядке) в формате, установленном журналом из числа предусмотренных действующим ГОСТ (TimesNewRoman, кегль – 12, через 1 интервал).
- 8) Список использованной литературы и постраничные сноски оформляются следующим образом: между инициалами автора не должно быть пробела, перед местом и годом издания, а также перед указанием тома, номера издания и страницы тире не ставится. После года ставится точка, количество страниц не указывается. Для интернет-источников перед адресом страницы в Сети Интернет дается соответствующее указание «[Электронный ресурс]. Режим доступа:». Дата обращения не указывается.
- 9) К рассмотрению принимаются статьи объемом не менее 20 тыс. знаков с пробелами, соответствующие профилю журналу, рецензии – до 7 тыс. знаков с пробелами (шрифт TimesNewRoman, кегль – 14; через 1,5 интервала).
- 10) Таблицы, графики, схемы, диаграммы и рисунки должны быть только черно-белыми и встроены в текст. Таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, а рисунки – подрисуночные

подписи, которые печатаются полужирным шрифтом. При использовании нескольких таблиц или рисунков их нумерация обязательна.

11) Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных и иных сведений, за правомерность и корректность заимствований из других источников, а также за использование информации, не предназначенной для открытой печати, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

12) Журнал распространяется на некоммерческой основе по списку рассылки.

Журнал выходит один раз в три месяца.

Корректурa
Е.Г. Лебедева

Макетирование
С.Б. Касатов

Оригинал-макет изготовлен в ООО «Кириллица»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-66246 от 1 июля 2016 года

Подписано в печать 06.09.2017.
Формат 70x100 1/16. Печать офсетная.

Печ. л. 13

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «РПЦ Офорт»
129110, г. Москва, пр-т Мира, д. 69